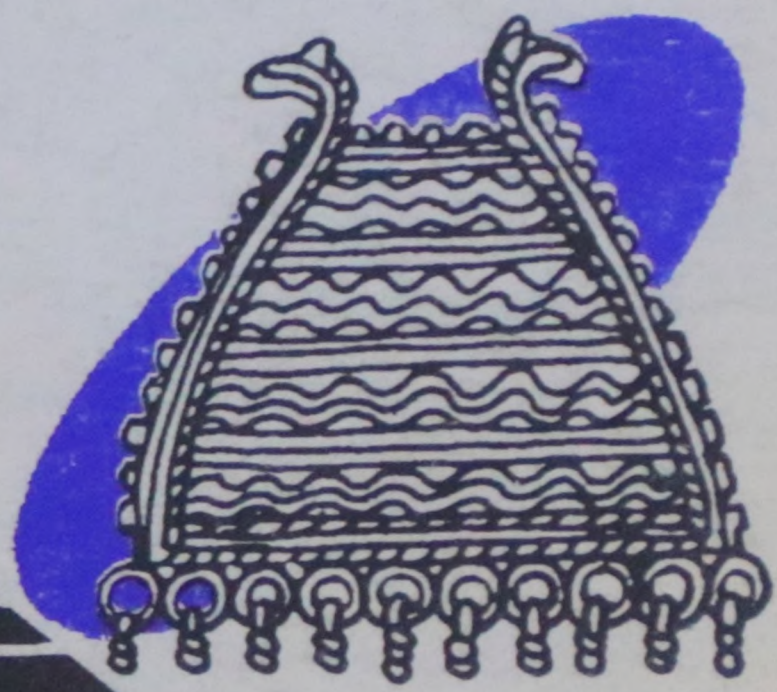
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.1997

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 1997, № 2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К. Н. САНУКОВ (главный редактор),
Ю. В. Андуганов (зам. главного редактора),
В. А. Балашов, В. Е. Владыкин, Ю. А. Зеленеев (отв. секретарь),
А. Г. Иванов, М. Г. Иванова, А. Д. Каксин, В. К. Кельмаков,
Г. М. Керт, Н. Д. Конаков, В. Г. Кудрявцев, Т. Л. Молотова,
В. В. Напольских, А. Н. Ракин, В. В. Седов, В. С. Соловьев,
Д. В. Цыганкин

67795
МАРИЙ
НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© **НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ**, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

В. Седов. Прибалтийско-финская этноязыковая общность и ее дифференциация 3
А. Шилов. К вопросу о дофинно-угорском субстрате в топонимии Карелии 17
Ю. Андуганов. Причины сохранения прауральского облика в синтаксисе марийского и удмуртского языков 30
А. Ракин. Спланхнонимическая лексика в пермских языках 37

СООБЩЕНИЯ

А. Алхониеми. Особенности употребления инессива в марийском языке 46
Л. Барцева. К вопросу о становлении устойчивых сочетаний на метонимической основе в марийском языке 53
В. Быконя. Становление собирательных числительных в диалектах селькупского языка 58
В. Максимов. История изучения управления в марийском языке 64
Г. Тираспольский. Лингвистическая терминология И.А. Куратова 75
А. Ким. К реконструкции значения "душа" в прауральском языке 90
И. Галкин. Из истории некоторых марийских слов 97
Н. Чешейко. Народная медицина сквозь призму карельских народных названий растений 105
И. Лехтинен. Финские исследователи о марийцах и марийском крае 116
К. Руденко. Металлические котлы из финно-угорских археологических памятников Поволжья и Приуралья V-XIV вв. н. э 122

ПЕРСОНАЛИИ

И. Плосков. О жизненном пути и творчестве коми поэта, переводчика XIX века П. Распутина 130

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Т. Юлкина. Рец.: Глухова Н.Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. Йошкар-Ола. 1996, 112 с 136
Е. Игушев. Рец.: Ракин А. Антропотоминимическая лексика в пермских языках. Сыктывкар. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН России. 1996, 156 с 142
Сведения об авторах 146

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

СТАТЬИ

Валентин Седов
Москва

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКАЯ ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ И ЕЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

К прибалтийско-финской этноязыковой семье принадлежат финны (суоми), эстонцы, карелы, вепсы, водь, ижора и ливы (1).

Их средневековые предки хорошо известны науке по письменным источникам, а в основном по данным археологии (2, с. 12-66). Выделяются следующие прибалтийско-финские раннесредневековые образования - эсты (в русских летописях - чудь), заселявшие основные области современной Эстонии; суоми (летописная сумь) и хяме (летописная емь), жившие в южной части Финляндии и составившие основу современной финской народности; корела - в северо-западном Приладожье и на Карельском перешейке; весь - в Белозерском крае и юго-восточном Приладожье; ливы, которым принадлежали земли современной Латвии - Видземе, низовья р. Западной Двины и северная часть Курземе; водь, обитавшая в северо-западных районах Новгородской земли, южнее Финского залива и восточнее Чудского озера; ижора - на р. Неве и южнее ее. Финский, карельский, вепсский, ижорский, водский, эстонский и ливский языки очень близки между собой и составляют отдельную группу финно-угорской языковой семьи, восходя к существовавшему в древности прибалтийско-финскому языку-основе (3, с.5-27; 4; 5, с. 78-82). Несмотря на специфические особенности, сформировавшиеся в период независимости развития каждого из прибалтийско-финских языков, они обнаруживают значительную взаимную близость, в связи с чем лингвисты утверждают, что распад объединявшей их на протяжении долгого времени языковой общности произошел относительно недавно. Так, согласно Э.Н. Сетяля, общеприбалтийско-финский язык функционировал до VIII в. н.э. (6). П. Хайду датирует общеприбалтийско-финскую эпоху между началом I тыс. до н.э. и VI-VIII вв. (5, с.80).

Вопрос о том, когда, где и в каких конкретных условиях существовала прибалтийско-финская этноязыковая общность, а также в какое время и в

силу каких обстоятельств произошел распад и началось формирование отдельных средневековых племенных группировок, интересовал многих исследователей. История развития знаний по этому вопросу в лингвистическом аспекте изложена П.А. Аристе (3, с. 5-11).

Наиболее основательно проблема формирования отдельных группировок финно-угров, в том числе прибалтийско-финской, была рассмотрена в 20-х годах XX века финским лингвистом Э.Н. Сетяля (6). Согласно его представлениям, до 2500 г. до н.э. существовала единая финно-угорская общность. Ее древнейшей территорией была лесная зона Восточной Европы, примерно бассейны верхней и средней Волги, Оки, а, возможно, и Камы. Первыми из финно-угорской общности отделились угры и ушли в более восточные земли. Период 2500-1000 гг. до н.э. назвал Э.Н. Сетяля финно-пермским. Следующий этап - финно-волжский - начался с отделения пермских финнов и продолжался до последних столетий 1 тыс. до н.э. На рубеже эр выделяются прибалтийские финны, которые отселились и приблизились к Балтике. Здесь и развивался общеприбалтийско-финский язык, а около VIII в. началось его членение на отдельные прибалтийско-финские языки.

Теория Э.Н. Сетяля на протяжении десятилетий имела многих сторонников, в числе которых был крупный специалист по прибалтийско-финскому языкознанию Д.В. Бубрих. Он также допускал, что предки прибалтийских финнов расселились в землях, прилегающих к Балтийскому морю, в I тыс. до н.э. Образование отдельных племен прибалтийских финнов, по Д.В. Бубриху, происходило в I тыс. н.э., которые составляли две группировки - северную (сумь, емь, корела и весь, ижорцы позднее выделились из корелы) и южную (племена эстов, водь и ливы)(7).

А.М. Тальгреном была предпринята попытка археологически подкрепить гипотезу Э.Н. Сетяля о выделении прибалтийских финнов в результате миграции их предков в I тыс. до н.э. в области Балтики (8, с.124-127;9). Однако прибалтийские древности этого времени заметно отличны от синхронных культур Поволжья. А.М. Тальгрен объяснял это тем, что, отделившись от своих поволжских соплеменников, характеризуемых дьяковскими памятниками, переселенцы застали в Прибалтике германское население. Под воздействием германцев культура финских племен будто бы и претерпела в Прибалтийском регионе существенные изменения. О миграции предков прибалтийско-финских племен в Прибалтику, гипотетически имевшей место на рубеже эр, и об их взаимодействии с обитавшим здесь прежде германским населением, писал и А.Гакман (10, с.336-340). А. Фриденталь придерживался мнения, что прибалтийско-финские племена достигли побережья Балтики только в середине I тыс. н.э. (11, с. 29).

С гипотезой А.М. Тальгрена не согласились многие археологи, в том числе Ю. Айлио, А. Яюряппяо, А.Я. Брюсов, Х.А. Моора. На основе обширного археологического материала с привлечением данных палеоантропологии исследователям удалось показать, что основная масса охотничье-рыболовческих племен лесной зоны Восточной Европы, в том числе и Прибалтики, в III-II тыс. до н.э. принадлежала к финскому этносу (12, с.164-168). В пользу этого свидетельствует и топонимика - по всему этому ареалу широко распространены гидронимы древнего финно-угорского происхождения.

Некоторые археологи, не обнаруживая следов явного перемещения финноязычного населения из поволжских земель в Прибалтику в раннем железном веке, стали видеть прибалтийских финнов непосредственно в неолитическом населении Балтийского региона Восточной Европы. По мнению ряда археологов, прибалтийско-финскую этноязыковую общность следует видеть в неолитической культуре, характеризуемой так называемой гребенчато-ямочной керамикой. Последняя получила распространение в III тыс. до н.э. в юго-восточной Прибалтике, Финляндии и смежных землях примерно до озер Ильменя и Ладожского. Эстонский археолог Л.Ю. Янитс, выделивший и детально описавший прибалтийскую культуру гребенчато-ямочной керамики, приложил немало усилий для утверждения, что формирование ее соответствует становлению прибалтийско-финской языковой общности, отделению ее от остальных финно-угров. Главным аргументом при этом является соответствие ареала этой неолитической культуры с территорией расселения средневековых прибалтийских финнов (13, с. 142-171; 14, с. 416-421; 15, с. 236).

С этим мнением согласилась часть археологов. Так, обособившуюся прибалтийскую группу финно-угров видел в носителях культуры типичной гребенчато-ямочной керамики П.Н. Третьяков (16, с.59-61). Более осторожным при этом был Х.А. Моора, который считал, что распространение гребенчато-ямочной керамики в землях Балтики и соседних областей отражает расселение прибалтийско-финских племен. Однако племена этой неолитической культуры не следует отождествлять с историческими прибалтийскими финнами. Это были их предки, они составили основу населения, на которой в последующее время в результате восприятия новых этнических элементов и некоторых внутренних перемещений сформировалась прибалтийско-финская общность (17, с.61-64).

Гипотеза о формировании прибалтийско-финской этноязыковой общности в условиях культуры с типично гребенчато-ямочной керамикой находится в явном противоречии с лингвистическими выводами. Как уже отмечалось, согласно распространенной в языкознании хронологии, начало прибалтийско-финской эпохи определяется первой половиной I тыс. до н.э. (5,

с.78-82). II тыс. до н.э. (может быть, вторая половина этого тысячелетия) - период финно-волжской языковой общности, в результате дифференциации которой и образовались поволжско-финская языковая группа (предки марийцев и мордвы), с одной стороны, и прибалтийско-финская, с другой (5, с. 200-203; 18). Объяснить такие существенные расхождения между лингвистической и археологической датировками невозможно. Гипотеза Л.Ю. Янитса игнорирует и тесную связь прибалтийских финнов с поволжскими. Она во многом неприемлема в археологическом аспекте. Нельзя не обратить внимания на относительную кратковременность существования неолитической культуры с типично гребенчато-ямочной керамикой. Уже в конце III тыс. до н.э. в ее ареале образуется несколько различных неолитических культур, а на рубеже неолитической эпохи и периода раннего металла на той же территории складываются опять-таки новые разнохарактерные культурные группировки. Допустить, что в такой ситуации могла сформироваться и развиваться устойчивая языковая общность, невозможно. Придавать большое значение совпадению территории распространения культуры с гребенчато-ямочной керамикой с историческим ареалом прибалтийских финнов не стоит. Область формирования прибалтийско-финского языка-основы не обязательно должна соответствовать землям позднейшего расселения племен, вышедших из этой языковой общности.

На основании всей совокупности археологических материалов, которыми располагает современная наука, решение проблемы прибалтийско-финской этноязыковой общности представляется следующим образом.

Распространение культуры с типично гребенчато-ямочной керамикой в Прибалтийском регионе отражает расселение здесь нового населения и его нужно считать ранним финно-угорским. Жившие в эпоху мезолита в Прибалтике племена кундской культуры следует рассматривать дофинно-угорскими - лингвистика выявляет в прибалтийско-финских языках элементы весьма древнего субстрата (какого-то неопределенного пока языка).

Ранние финно-угры в Прибалтийском регионе на разных хронологических стадиях, если судить по данным археологии, образовывали диалектные и племенные группировки, не сопоставимые со средневековыми. На протяжении столетий здесь имели место процессы дифференциации и интеграции племен и диалектов, не раз менявшие прежние соотношения. Между ранними племенными образованиями финно-угров и средневековыми языковыми группами прибалтийских финнов имели место промежуточные этнодиалектные образования.

Становление прибалтийско-финского языка-основы следует относить не к неолитической эпохе, а к культуре сетчатой (текстильной) керамики. Начало последней приходится на вторую половину II тыс. до н.э., первоначальным ареалом ее были земли Приладожья, южной Карелии и Ленин-

градской области (19, с. 151, 152). В I тыс. до н.э. культура текстильной керамики получает широкое распространение и в начале железного века дифференцируется - в Волго-Клязьминском междуречье выделяется дьяковская культура с характерной сетчатой посудой, на средней Оке - городецкая (с рогожной керамикой), а в бассейне Ильменя, Приладожье и смежных землях, то есть на территории будущей Новгородско-Псковской земли - ее вариант, не получивший особого названия.

Население ильменского (или новгородского) региона культуры сетчатой керамики и может рассматриваться в качестве носителей общеприбалтийско-финского языка. Памятниками этой культуры в Поильменье и бассейне Псковского озера являются преимущественно открытые поселения, которые изучены пока крайне слабо. Культурные напластования городищ эпохи раннего железа невзрачны и часто оказываются потревоженными в более позднее время. Такие поселения исследовались в Поильменье, на Ловати, в верховьях Западной Двины, Принаровье и Приладожье (20, с. 7-115; 21, с. 113-137, 326-329, 507-513; 22, с. 42-45; 23, с. 233-236). Немало таких поселений зафиксировано и в Псковской земле. Погребальные памятники культуры сетчатой керамики этого края неизвестны. На основании косвенных данных можно полагать, что умерших хоронили по обряду трупосожжения, ссыпая остатки кремации на поверхности в местах, обозначенных грудой камней или отдельными камнями (24, с.20).

Некоторые различия, наблюдаемые в формах глиняной посуды и типах поселений, не дают оснований для отчетливого разграничения волжского и ильменского регионов культуры текстильной керамики. Для ее западного региона характерны те же основные элементы, что и для всего ареала, в том числе и дьяковского. В этой связи мною была разработана гипотеза о формировании прибалтийско-финской этноязыковой общности в условиях внутрирегионального взаимодействия финно-волжского населения - носителей культуры текстильной керамики с расселившимися в западной части ее ареала племенами культуры штрихованной керамики. Древности западного региона отличаются от поволжских, прежде всего, тем, что в них постоянно присутствует наряду с текстильной штрихованная керамика, отражая широкую инфильтрацию балтского населения в среду финно-угров. Культура штрихованной керамики эпохи раннего железа на территории Белоруссии, Литвы и южной Латвии является одной из культур древних балтов. Очевидно, из этого региона и имела место продолжительная миграция балтского населения в Ильменский бассейн и смежные с ним земли (25, с.429-438).

Следы балтского языкового влияния обнаруживаются в лексике, фонетике и грамматике всех прибалтийско-финских языков. Число лексических заимствований достигает 300. Они относятся к самым разным областям

жизни и быта прибалтийских финнов. Это и лексемы, связанные с природой, и термины, относящиеся к частям тела человека, к общественным и родственным отношениям, и слова, связанные с земледелием и скотоводством, с некоторыми техническими навыками. В грамматике прибалтийско-финских языков выявляются особенности, вообще не свойственные остальным финно-уграм, но которые имеют прямые соответствия в балтских языках (3, с. 12-14). Древние балтские элементы более или менее равномерно фиксируются во всем прибалтийско-финском ареале. Это свидетельствует о том, что балтское население расселялось широко по всему ареалу племен - носителей общеприбалтийско-финского языка. П. Хайду полагает, что контакты с балтами начались примерно в середине I тыс. до н.э. и длились в течение многих столетий, что полностью коррелируется с данными археологическими заключениями.

На западе ареал прибалтийско-финской этноязыковой общности ограничивался примерно р. Нарвой, Чудским и Псковским озерами и левобережьем р. Великой (рис. 1). На территории Эстонии и северной Латвии, а также на южном и западном побережьях Финляндии, начиная с VIII-VII вв. до н.э., получает распространение особая культура, представленная каменными курганами. В основаниях их из валунов выкладывался один или несколько концентрических кругов, для захоронений устраивались каменные ящики, а над ними сооружалась курганообразная насыпь. Эти могильные сооружения были привнесены переселенцами северогерманского этноса из Скандинавии (17, с. 88; 26, с.196-201).

Взаимоотношения пришлого населения с аборигенным трудноуловимы. Не исключено, что новое население постепенно растворилось в местной среде, но аргументировать это не представляется возможным. Из каменных курганов с ящиками в начале нашей эры развиваются каменные могильники с четырехугольными оградками. Строились они постепенно, к одной оградке примыкала вторая, третья и так далее. Иногда число оградок в могильнике достигает 10-14, а длина его 50 и более метров. Каждая оградка служила усыпальницей большой семейной общины на протяжении нескольких столетий. Умерших сжигали на стороне, а остатки кремации ссыпались внутри оградок среди мелких камней.

Многие археологи считают каменные могильники с оградками погребальными памятниками племен эстов, ливов, суоми и хяме (2, с.15-18; 27, с.204-250), с чем ныне согласиться нельзя.

Совершенно иная картина наблюдается в землях, расположенных севернее ареала общеприбалтийско-финской общности. Здесь известны две культуры раннего железного века - лууконсаари и позднекаргопольская, связанные с ананьинским пластом древностей. Это - гибридные культурные обра

Рис. 1. Прибалтийский регион в раннем железном веке.

а - ареал культуры сетчатой керамики (новгородско-псковский вариант); б - культуры каменных могильников с оградками: в - луконсаари; г - позднекаргопольской: д - дьяковской: е - территория балтских племен: ж - южная и восточная границы распространения прибалтийско-финской гидронимии.

зования, сформировавшиеся в условиях миграции в VI в. до н.э. в эти земли волжских ананьинцев (28, с.89-140; 29, с.216-253).

Культура лууконсаари занимает территорию Карелии (западнее Онежского озера) и восточную часть Финляндии. Она сочетает в себе собственноананьинские черты в глиняной посуде и производстве бронзовых кельтов с элементами местных культур позднего этапа бронзового века. Выделяется два этапа эволюции рассматриваемой культуры. На ранней стадии ее основные элементы во многом тождественны позднекаргопольским. Развитие шло по пути усиления своеобразия, что обусловлено территориальным отрывом от исходного ареала и приспособлением к местным условиям. В IV-VI вв. н.э. эволюция культуры лууконсаари обрывается.

Позднекаргопольская культура была таким же гибридным образованием. Ее ареалом является Каргополье, восточная часть бассейна Онежского озера и Белозерье. Появление этой культуры отражает процесс распространения ананьинского пласта древностей, обусловленный передвижением их носителей, в среде местной культуры эпохи бронзы. Начало позднекаргопольской культуры определяется серединой I тыс. до н.э., конец - VI-VII вв.н.э.

Ни культуру каменных могильников с оградками, ни позднекаргопольскую, ни культуру лууконсаари невозможно причислить к древностям племен общеприбалтийской этноязыковой общности.

Эпоха великого переселения народов разрушила культурную ситуацию, сложившуюся в раннем железном веке в рассматриваемом Прибалтийском регионе. В V-VI вв. в Псковско-Ильменских землях расселяется новое население. Мощная миграция почти одновременно затронула широкую территорию от побережья Псковского озера и р. Великой на западе до бассейнов Чагоды и Мологи на востоке. В результате здесь формируется культура псковских длинных курганов (рис. 2). Наиболее ранние вещевые находки в памятниках этой культуры датируются V в. и имеют среднеевропейское (провинциальноримское) начало. В этой связи есть все основания полагать, что северо-западные земли Русской равнины в эпоху великого переселения народов были освоены довольно многочисленными группами переселенцев из Средней Европы. В их составе могли быть представители разных этносов, но расселившись на новых местах проживания (очевидно, начался процесс стирания этнических различий), более мелкие этносы были поглощены доминирующими массами. Поскольку культура псковских длинных курганов обнаруживает преемственность с последующими древнерусскими древностями, ее следует считать славянской. Из этого следует, что в составе миграционных волн, затронувших рассматриваемые области Северо-За

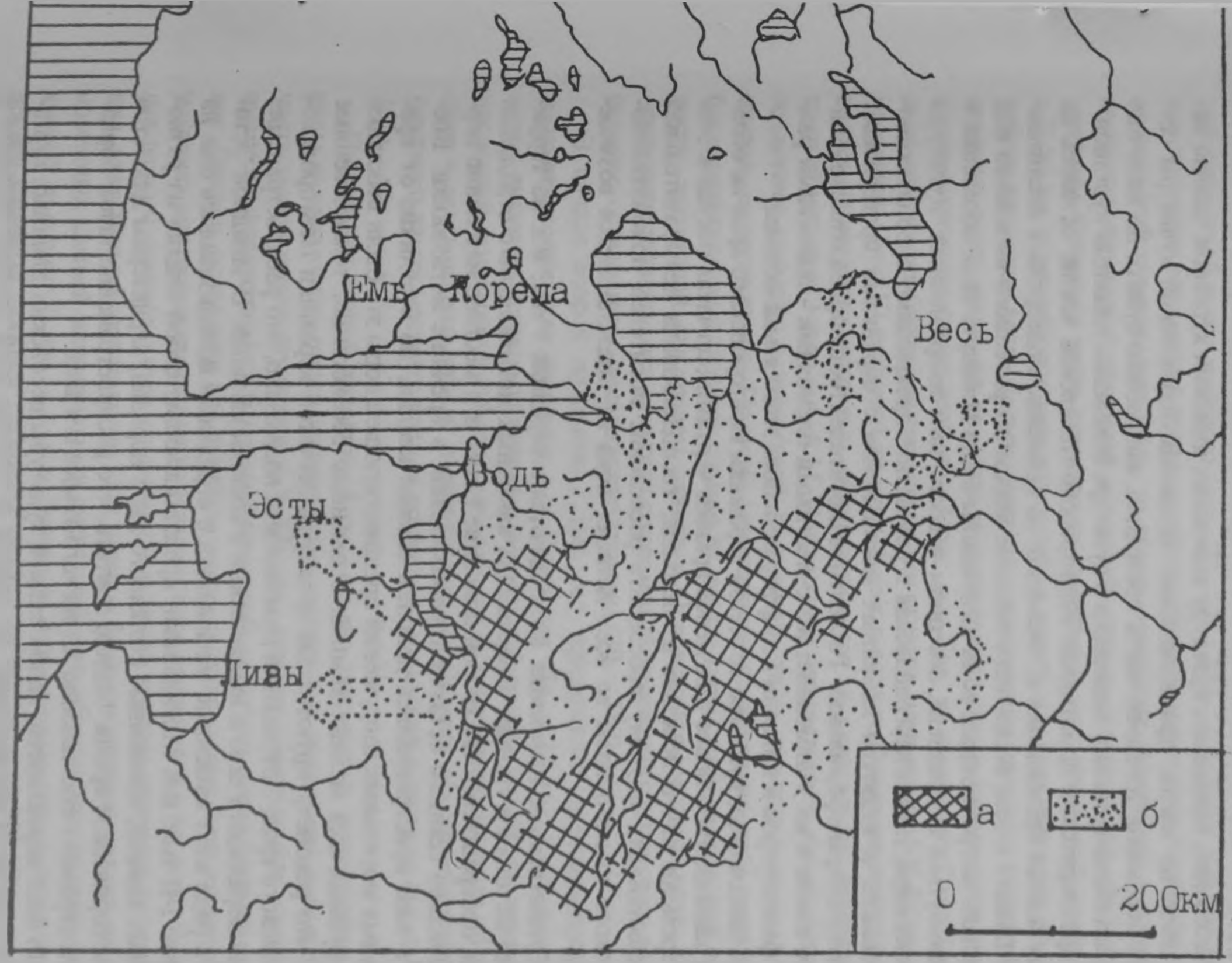

Рис. 2. Миграция славянского населения на северо-запад Русской равнины и распад прибалтийско-финской общности.
а- ареал культуры псковских длинных курганов: б - ареал прибалтийско-финской этноязыковой общности и направления миграций ее носителей в результате притока нового населения.

пада, нужно полагать, доминировал славянский этнос (30, с.296-303; 31, с. 209-217).

Население, создавшее культуру псковских длинных курганов, заняло исключительно земли, принадлежащие племенам ильменской культуры сетчатой керамики. Какая-то часть последних, как можно судить по наличию прибалтийско-финских элементов в культуре псковских длинных курганов и в древнерусских памятниках Новгородско-Псковской земли, осталась на своих местах проживания и, очевидно, со временем подверглась ассимиляции. Вместе с тем, более значительные массы аборигенного населения под натиском миграционных волн вынуждены были покинуть свои поселения и продвинуться в западном, северном и восточном направлениях. Культуры лууконсаари, позднекаргопольская в результате прекращают свое функционирование, а культура каменных могильников с оградками претерпевает заметную трансформацию. Расселение носителей общеприбалтийско-финского языка и их взаимодействие с местными племенами - потомками ранних финно-угров и привели к дифференциации этого языка-основы.

К сожалению, культура сетчатой керамики Новгородского края не обладает какими-либо более или менее яркими чертами (сетчатая посуда к этому времени почти исчезает из обихода, господствовала невыразительная гладкостенная), поэтому проследить расселение носителей прибалтийско-финского языка-основы во всех деталях пока не представляется возможным.

Существенные изменения наблюдаются в середине I тыс. н.э. на территории Эстонии и Латвии. Сооружение каменных могильников с оградками здесь прекращается. Во второй половине I тыс. н.э. местное население первоначально ссыпало остатки трупосожжений в прежние могильники. Кое-где к ним пристраивались дополнительные кладки, но в отличие от правильных могильных сооружений предшествующей поры это были выкладки из крупных или мелких камней, сложенные бессистемно, тождественные тем, что реконструируются для культуры сетчатой керамики Новгородско-Псковского края. Эстонскими археологами подмечено, что распространение новой обрядности шло в направлении с востока на запад. В западной Эстонии в ряде мест каменные могильники с оградками использовались еще на рубеже I-II тыс. н.э. Могильники, представляющие собой кладки из разномерных камней, сложенные без какого-либо порядка, характерны для эстов и в историческое время. Можно считать, что распространение такой обрядности отражает становление эстонского этноса и языка.

По всей вероятности, напор племен культуры псковских длинных курганов в западном направлении не стихал в течение всей третьей четверти I тыс. н.э. Для сдерживания натиска население Эстонии вынуждено было соорудить на восточном пограничье цепь городищ.

В Прионежье в середине I тыс. н.э. на смену поселениям позднекаргопольской культуры приходят селища с лепной, обычно неорнаментированной керамикой приладожского типа (32; 33, с.121-142). Если для памятников позднекаргопольской культуры были характерны легкие постройки типа саамской куваксы или чума, то теперь получают бытование также бревенчатые жилища с глиняной обмазкой стен и очагами или печами-каменками. Основная часть датирующих находок с этих поселений относится к X-XI вв. и это обусловлено развитием к этому времени торговли на балтийско-волжском пути. Датирующих находок предшествующих столетий на селищах очень мало, но они есть и свидетельствуют о зарождении новой культуры именно около середины I тыс. н.э. Так, на поселении Пога I найдена кубическая бусина со скругленными углами, датируемая VII-IX вв., на поселении Суна VI встречен железный нож с волютообразным навершием, широкие аналогии которому обнаруживаются в славянских древностях третьей четверти I тыс. н.э. А.М. Спиридонов предполагает, что население, создавшее культуру с керамикой ладожского типа, пришло с юга, с чем нельзя не согласиться. По всей вероятности, становление этой культуры было результатом миграции племен из ареала прибалтийско-финской общности, вызванной движением славян в Псковско-Ильменский край. Есть основания полагать, что культуру с керамикой ладожского типа создало население, оставившее приладожские курганы (29, с.280).

В начале второй половины I тыс. н.э. прекращает функционировать позднекаргопольская культура и в Белозерье (34, с.11-16). Складывается новая культура, отождествляемая с летописной весью. В лепной керамике последней выявляются субстратные элементы, свидетельствующие об участии в ее сложении наряду с пришлыми носителями общеприбалтийско-финского языка местных племен позднекаргопольской культуры (35, с.152, 153).

Памятники второй половины I тыс. н.э. на территории проживания корелы и хяме очень плохо изучены. Исследованные поселения и основная часть могильников относятся к X-XIII вв., поэтому данных для изучения процесса формирования раннесредневековой культуры этого региона пока нет. Однако, основания для предположения о становлении этой культуры в условиях миграции населения из Ильменского бассейна все же есть. Наиболее ранним погребальным памятником в земле корелы является захоронение, открытое в Нукутталахти. Под дерном была расчищена кладка из разномерных камней неправильных очертаний того облика, что появились во второй половине I тыс. н.э. и в Эстонии. Встреченные среди сожженных костей вещевые находки датируют могилу VI в. (36, с.19,20). Следующие по времени захоронения по обряду кремации, открытые раскопками в Лапинлахти и относящиеся к VIII в., остатки трупосожжений находились сре-

ди множества камней под невысокими насыпями. В могильнике на острове Эссари под Выборгом исследованы могилы, сложенные из камней, близ Хелюля в местечке Хернемяки.

К концу I тыс. н.э. и к самому началу II тыс. в земле корелы относятся захоронения по обряду трупосожжения в грунтовых могильниках (2, с.45,46). По вещевым инвентарям они близки к древностям южной Финляндии, Эстонии и Скандинавии, поэтому исследователи предполагают передвижение населения в это время в Карелию с запада. Вероятно, так оно и было. Однако в более раннее время, в третьей четверти I тыс. н.э., имела место миграция из Ильменского бассейна, следствием чего стало прекращение функционирования культуры лууконсаари и распространение новой обрядности - захоронений по обряду трупосожжения среди бесформенных выкладок из камней.

Подводя итоги изложенному, можно утверждать, что импульсом процесса распада общеприбалтийско-финской общности стало расселение в Новгородско-Псковском регионе крупных масс нового населения, в котором доминировал славянский этнос. При этом более или менее значительные группы прибалтийско-финского населения бассейнов Ильменя и Псковского озера вынуждены были отступить в западном, северном и северо-восточном направлениях. В результате местные культуры раннего железного века прекращают существование, начинается формирование культур отдельных прибалтийско-финских племенных образований, известных по средневековым письменным источникам. Культура каменных могильников с оградками стала субстратной при формировании племен суоми, эстов, ливов. Только со второй половины I тыс. н.э. выделяются древности ливов, до этого в эсто-ливском регионе функционировала единая культура. Культура лууконсаари явилась подосновой раннесредневековых племенных образований корелы и еми, позднекаргопольская - веси. В землях южнее Финского залива, куда не распространялась культура псковских длинных курганов, сформировалась водь. Выделение ижоры, как известно, было результатом сравнительно позднего ответвления от корелы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995.

2. Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1987.

3. *Аристе П.А.* Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

4. *Laanest A.* Einführung in die ostseefinnischen Sprachen. Hamburg, 1982.

5. *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.

6. *Setälä E.N.* Suomensukuisten kansoien esihistoria // Suomen Suku. T. 1. Helsinki, 1926.

7. *Бубрих Д.В.* Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

8. *Tallgren A.M.* Zur Archäologie Eestis. Bd. 1. Dorpat, 1922.

9. *Tallgren A.M.* Suomalais-ugpilainen muinaistiede // Suomen Suku. T. 1. Helsinki, 1926.

10. *Hackman A.* Die ältere Eisenzeit in Finnland. Bd. 1. Helsigfors, 1905.

11. *Ebert M.* Reallexiron der Vorgeschichte. Bd. XIII. Berlin, 1928-1929.

12. *Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

13. *Янитс Л.Ю.* К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

14. *Янитс Л.Ю.* Древнейшие культурные группы на территории распространения прибалтийских финнов // Вопросы финно-угроведения. Вып. VI. Саранск, 1975.

15. *Jaanits L.* Über die gemeinsame archäologische Kultur der ostseefinnischen Stämme // Советское финно-угроведение. 1974. № 4.

16. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1962.

17. *Моора Х.А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

18. *Toivonen I.N.* Suomalais-ugrilaisesta alkukodista // Virittaja. 1953; Idem. Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat // Journal de la Societ Finno-Ougrien. 56-1. Helsinki, 1953.

19. Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Археология СССР). М., 1987.

20.*Станкевич Я.В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1960. № 76.

21. *Гурина Н.Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1961. № 87.

22. *Орлов С.Н.* Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 87. Л., 1962.

23. *Орлов С.Н.* Памятники эпохи металла в окрестностях Новгорода // Советская археология. 1967. № 2.

24. *Седов В.В.* Прибалтийские финны // Финны в Европе. VI-XV вв. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования . Вып. I. М., 1990.

25. *Sedov V.V.* Zur ethnischen Geschichte der Ostseefinnischen Stämme // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. IV. Turku, 1980.

26. *Meinander K.F.* Die Bronzezeit in Finnland. Helsinki, 1954.

27. *Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E.* Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.

28. *Косменко М.Г.* Археологические культуры периода бронзы - железного века в Карелии. СПб., 1993.

29. Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

30. *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.

31. *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

32. *Спиридонов А.М.* Северное Приладожье и Прионежье в X-XIV вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1987.

33. *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М.* Поселения эпохи средневековья // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.

34. *Манюхин И.С.* Специфические черты позднекаргопольской культуры // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 194. М., 1988.

35. *Голубева Л.А.* Весь и славяне на Белом озере в X-XIII вв. М., 1973.

36. *Кочкуркина С.И.* Археологические памятники корелы V-XV вв. М., 1981.

Valentin Sedov

BALTO-FINNIC ETHNIC LINGUISTIC COMMUNITY AND ITS DIFFERENTIATION

Settling in the region of Novgorod and Pskov of great bulk of new population, where Slav ethnos prevailed served as an impulse of process of disintegration of common Balto-Finnic community. By this fact more or less considerable groups of Balto-Finnic population of basins of Ilmen and lake Pskov had to step back to western, nort

hern and north-eastern directions. As a result, local cultures of the early Iron Age cease their existence, formation of cultures of separate Balto-Finnic tribal communities began, known by medieval written sources.The culture of stone sepulchres with fences became a substrate one with forming of tribes of Suomi, Ests, Livs. Only since the second half of the first thousand years A. D. antiquities of Livs distinguished, before that common culture had functioned in Esto-Livs region. The culture of Luukonsaari was the parent of early medieval tribal formations of Karelians and Emi, late Kargopolsk one of Vesi. In lands to the South of the Gulf of Finland, where culture of Pskov long barrows can't spread itself, Vod was formed.Formation of Izhora, as it is known, was a result of comparatively late offshoot of Karelians.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Алексей Шилов
Москва

К ВОПРОСУ О ДОФИННО-УГОРСКОМ СУБСТРАТЕ В ТОПОНИМИИ КАРЕЛИИ

На протяжении полутора веков, начиная с исследований М.А. Кастрена и А. Шегрена, ученых занимает проблема происхождения субстратной топонимии Русского Севера, под которым обычно понимают Архангельскую, Вологодскую области и некоторые сопредельные территории. В рамках решения этой проблемы особый интерес представляет топонимия Карелии, чему есть объективные причины. С одной стороны, в Карелии наблюдаются те же загадочные гидроформанты, что и на большей части Русского Севера. Общими для этих территорий являются и многие топоосновы, также не получившие пока удовлетворительной этимологии, и ряд "темных" заимствований в русских говорах. С другой стороны, карельский топонимический материал является генетически более "чистым". Во-первых, исторические документы показывают здесь более определенную этническую ситуацию (*лопь* - саамы, *корела* - карелы, *весь* - вепсы), чем на Русском Севере, где документы говорят просто о чуди. Не приходится говорить о пребывании в Карелии древних пермян, угров или волжских финнов (о соответствующей гипотезе Я. Калимы см. ниже). Кроме того, Карелия вместе с Финляндией была, по сути, последней территорией, освоенной финно-уграми при их распространении на северо-запад (независимо от места начала этого распространения, будь то Волго-Окское междуречье, Прикамье или иной регион).[1] Тем самым лексика, на основе которой складывалась дорусская топонимия Карелии, не безнадежно далеко отстоит от лексики современных прибалтийско-финских и саамского языков. Наконец, в историческое время территория Карелии была "прикрыта" со всех сторон народами, говорящими на тех же самых или близкородственных языках. Все это дает предпо-

---

[1] Здесь мы не имеем в виду относительно позднюю (и, очевидно, вторичную, если иметь в виду финно-угров вообще) миграцию карел и вепсов в Заволжье.

67795

сылки к тому, чтобы анализировать топонимию Карелии, не выходя за рамки прибалтийско-финских и саамского языков. Полученные же выводы могут быть использованы при интерпретации данных для более восточных и юго-восточных территорий, этническая история которых была, вероятно, и более сложной (приводя к пестроте топонимического фона), и более древней (о топонимии этих территорий см.: 1, с. 734; 2, с. 29-42; 3).

Но прежде надо убедиться, что нерусская топонимия Карелии действительно складывается на основе саамского, карельского, вепсского (на юге) и финского (на западе) языков, и не более. Во всяком случае, сторонников иной точки зрения не так мало. Ряд авторов постулирует наличие в Карелии и на Кольском полуострове дофинно-угорского топонимического субстрата (ДФС) (4). Впрочем, порой этот субстрат определяется как волжский или волго-окский (5) и трактуется в зависимости от того, какой смысл вкладывается в эти понятия: имеются ли в виду племена финно-волжской языковой общности или, в духе идей Б.А. Серебренникова (6, с.19-31), предшествовавшие финно-уграм индоевропейцы. Я. Калима полагал мерянскими некоторые топонимы южной и средней Карелии (7, s. 323-326) . В. Ниссиля допускал возможность присутствия в Обонежье летописной муромы, указывая гидронимы *Муромля*, *Муромозеро* и под. (8, с. 99).[2] А.И. Попов находил следы особого чудского диалекта в восточной Карелии (9, с. 95-100). Наконец, группе топонимов Прионежья и Посвирья приписывают сканди-навское происхождение (10, с. 117-118).

Итак, "спорные" топонимы Карелии делятся (по представлениям разных авторов) на следующие: дофинно-угорские; чудские, муромские или мерянские, т.е. принадлежащие финно-уграм, не проживавшим в историческое время в Карелии; скандинавские. Археологических данных, показывающих проживание скандинавов в Карелии, доселе не известно (не считая отдельных находок в северо-западном Приладожье). Исторические же документы свидетельствуют лишь об их военных экспедициях, которые по русским источникам достоверно известны с XIII в., в основном же в XVI-XVII вв.[3] Эти события в топонимии отразились, но в топонимии прибалтийско-финской и русской, отметившей факты присутствия чужеземных находников. Топонимов же скандинавских мы в Карелии определенно не находим, если не говорить о нескольких поздних, не ранее XVII в., топонимах северо-западного Приладожья. Сопоставления некоторых топонимов со скандинавскими личными именами основаны либо на недоразумениях (ошибочное прочтение текста берестяной грамоты), либо на случайных созвучиях, в то

---

[2] Но гораздо естественней выводить эти названия из кар. *murama*, вепс. *murm* 'морошка'.

[3] Отдельные места исландских саг, которые могут быть истолкованы в пользу посещения Карелии викингами в IX-XI вв., пока не нашли материального подтверждения.

время как эти топонимы получают ясную прибалтийско-финскую этимологию.

Совершенно иначе должна быть расценена "мерянская" гипотеза Я. Калимы, основу которой составило выявление ярких топонимических параллелей между южной и юго-восточной Карелией и областью исторически известного расселения мери. Наука не подтвердила проникновение мери столь далеко на северо-запад, что не зачеркнуло, однако, значение работы Я. Калимы. В ней содержится лишь ошибочный вывод. Сам же материал весьма ценен, свидетельствуя о вполне реальных фактах: близости (в силу общности происхождения) части лексики волжских и прибалтийских финнов; архаичности ряда топонимов Карелии. Последнее соответствует и нашим наблюдениям: многие топоосновы и некоторые топоформанты раскрываются с учетом изменений, характеризующих развитие современных прибалтийско-финских языков из прибалтийско-финского языка-основы. Тем самым можно говорить о былом проживании в Карелии финно-угорских племен, язык которых (назовем его чудским) был близкородственен языкам современных карел и вепсов. При этом он, видимо, не являлся их непосредственным предком, если учитывать, что по современным воззрениям формирование прибалтийско-финской языковой общности привязано к более южным территориям (11, с. 117-120).[4]

Косвенным признаком былого присутствия чуди (древних финских племен) в Карелии служат топонимы *Чудозеро*, *Чудаярви*, оставленные, очевидно, саамами,[5] ср. с подобными топонимами на Кольском полуострове, саам.*чуддэ* 'враг' (в сказках и легендах, которые рисуют ландшафт тайги, а не тундры, где проживают ныне саамы).

К чудским топонимам в Карелии (находящим, в большинстве своем, массовые аналоги в Заволочье) мы относим, например: *Ромбак* из **romb* - 'каменистый холм'; *Поньгогуба*, *Поньгома*, *Киельская Понги* (12) из **pang* - 'верх, вершина; возвышенность';[6] *Чужмозеро*, *Чюзмес* (12), ныне *Sysmä* из

---

[4]. В эпоху бронзового и железного веков археология в Карелии выделяет три круга культур, которые могут быть соотнесены с саамами, чудью и прибалтийскими финнами. Согласно археологическим и лингвистическим данным, расселение последних на большей части территории Карелии датируется концом I-началом II тыс. н.э. (5).

[5] Соответствующие районы Карелии (верховья Суны и Тарасйоки - главного притока Шуи) русские освоили поздно, по сути дела лишь в XIX веке.

[6] Ср. с общеуральским **pänä* 'вершина, холм, высота', отразившимся в современных саам. *ponn'* 'куча, насыпь', пр.-фин. *pää peä, pä, pai*, морд. *pe*, удм. *рит, рuŋ*, коми-зыр. *pom, pon*, манс. *pɛŋ, pänk, punG* 'голова, вершина; конец' (к ф.-у. источнику явно восходит и рус. диал. *паны, панки* 'курганы'). Сюда, возможно, относится и мар *pongə* 'гриб', которое М.Фасмер предлагал для объяснения гидронима *Понь-а* в Костромской обл. Об этом с соответствующими примерами с территории Архангельской обл. см. у А.К. Матвеева (13, с.114-119).

**išyžm* - 'лесная глушь' (14, с. 73), *Шуньга* из **šuŋi* 'летний'.[7]

Чудскими являются, видимо, топоформанты *-к (и)* и *-енга/-онга*. Первый встречается в названиях островов (*Кильдяк, Камень Монак, Лотоки, Робьяк, Ромбаки, Кобрако, Кивдук*) и явно восходит к **kiu/*kī* 'камень, скала', ср. с прибалтийско-финским *kivi*, мар. *кӱ* (*і*), коми *ki* 'камень', фин. *kiuas* 'каменная печь', а также с названием о. *Кий* (раньше *Кио*) близ устья Онеги. Второй присутствует в гидронимах и отражает термин *PengV* 'приток; пролив, узость, межозерная протока', имеющий параллели в марийском, коми, самодийских и юкагирском языках (а далее в тюркских языках). Родственными ему, очевидно, являются фин., кар. *eno*, саам. *jeänna, jän, eänuo, ænno* 'большая река; исток реки, глубокое место в реке, фарватер' (15, с. 39; 16, с. 52, 827) и кар. *vengi* 'межозерная протока' (17, с. 100). Формант *-енга* зачастую сочетается с основами, раскрываемыми исключительно из данных саамского языка, и можно полагать, что носители соответствующего языка (чудь) появились в Карелии не раньше саамов (18, с. 63-66).

А что можно сказать о ДФС в Карелии? Согласно Г.М. Керту и Н.Н. Мамонтовой, он является неопределимым в языковом отношении и принадлежит пионерам заселения Карелии и Кольского полуострова - пришельцам с Северного Урала и из Западной Сибири (4; 19, с. 4-9). Иные исследователи полагают (на основе археологических данных), что саамам в Фенноскандии предшествовали (возможно, являясь, наряду с "восточным", одним из компонентов их генезиса) палеоевропейцы (20, с. 129-149). Но в плане рассматриваемого вопроса это, в конечном счете, безразлично. Коль скоро неизвестным признается язык и неопределенной (археологически) этнокультурная и расовая принадлежность народа, его можно "привести" откуда угодно.

Надо сказать, что предполагаемый ДФС никак не охарактеризован с фонетико-морфологической точки зрения. Единственным критерием соотнесения тех или иных топонимов с ДФС оказывается невозможность их этимологизации на основе данных известных языков. К таким топонимам в Карелии относят названия *Выг, Илакса, Кестеньга, Сандал, Суна, Ужма, Ухта, Шижма, Шокша, Шомба* (на Кольском полуострове *Шомбач*), *Шонга*. Среди кольских "темных" названий указывается *Кочкана*, частое и в Карелии. К ДФС относят также гидронимы с финалями *-с (-з, -ж, -ш)* или *-са* (*-ша* и так далее), *-кса, -ма, -та* (*-да*). Надо сказать, что успехи топонимических исследований последних лет способствуют пересмотру подобных

---

[7] Имеется объяснение этого названия из саам. *suəŋŋ* 'травяное болото', что вступает в резкое противоречие с реалиями местности. "Летняя" же этимология находит подтверждение в парной оппозиции с ближним ойконимом *Толвуя*: пр.-фин. *talvi*, саам. *tall'v* 'зима'.

взглядов топонимистами, которые (в отличие, например, от археологов) все реже привлекают идею о ДФС.

Сначала сделаем замечание общего, "идеологического" характера. Автор является противником поспешного зачисления какого-либо слоя топонимов в непознаваемые. Такой подход закрывает дорогу исследованиям, объявляя их заведомо бесперспективными, обреченными. Мы капитулируем, еще не начав сопротивления топонимическим загадкам. Хотя, может быть, признание "темных" названий принципиально неопределимыми все же лучше (до поры), чем объявление их санскритскими, как это делается с иными гидронимами Вологодской области -*Двина, Сухона, Кубена, Стрига* (21).[8]

Что же конкретно до топонимии Карелии, то доказательств наличия здесь ДФС мы пока не видим. Не видим не в том смысле, что они не предъявлены (было бы очень интересно ознакомиться с ними, если они появятся), но в том, что не находим признаков ДФС в Карелии при охвате ее топонимии на уровне деталей карты 1:200000 (а для гидронимов - 1:100000), что составляет свыше 8 тыс. единиц. Это не значит, что все топонимы Карелии нами (или иными авторами) раскрыты. Просто мы пока не видим топонимов с "безнадежным", не финно-угорским обликом, как не видим и гидроформантов, которые не поддавались бы объяснению (кроме *-езьма*, ф.-у. происхождение которого, тем не менее, очевидно ввиду выразительной географии распространения).

Обычно признаком потенциальной древности названия считается размер именуемого объекта. В этой связи отметим, что все 10 крупнейших рек (*Кемь, Чирка-Кемь, Ковда, Шуя, Сума, Свирь, Суна, Онда, Илекса, Выг, Водла*) и все 12 крупнейших озер (*Ладожское, Онего, Топозеро, Пяозеро, Куйто, Энгозеро, Сегозеро, Тикшезеро, Нюк, Сямозеро, Кереть, Янисярви*) Карелии носят имена определенно прибалтийско-финские или саамские.

Теперь, чтобы не быть голословными, перейдем к конкретным названиям, относимым к ДФС. Для большинства из них по возможности кратко укажем наиболее вероятную этимологию, основное внимание оставив на-

---

[8] Соответствующая "гипотеза" (от имени другого автора - С.В. Жарниковой) попала и на страницы центральной прессы (*В. Филиппов.* Куда исчезли древляне и кривичи или почему вологодский говор не нуждается в переводе на санскрит // Известия. 18 апреля 1996). При этом санскритскими объявляются не только названия, действительно трудные для объяснения (*Индоманка*), но и ряд гидронимов, имеющих прозрачную пр.-фин. этимологию. Например (ограничимся Карелией), проводятся такие сопоставления (22, с. 121-125): *Гангозеро* (ср.кар. *hoanga* 'развилка' или *hanhi* 'гусь') - р. *Ганг* в Индии, *Камозеро* (саам. *kames* 'темный' или *kuam* 'шаман') - санскр. *кам* 'вода, счастье', ручей *Сагарев*(кар., вепс. *sagarv* "выдра') - санскр. *сагара* 'море'" (!?), р. *Сара* (вепс. *sara* 'приток') - санскр. *сара* 'вода, энергия, сила; наполненный'.

званию реки Выг, как одному из крупнейших географических объектов Карелии. Подчеркнем, что не считаем свои сопоставления единственно правильными во всех случаях. Важнее показать, что обсуждаемые названия могут иметь предлагаемое происхождение, то есть приписывать их к ДФС нет нужды.

р. *Илокса* (*Илакса*), ср.с названием р. *Илекса* - крупнейшего притока Водлы. Можно сопоставить с саам. *ville-liekse* 'нижняя долина' или фин. *ylälaakso* 'верховье реки'.

р. *Кестеньга*, в документах XVI в. (23, с. 319-327; 24, с. 114) - *Кистенга*, на карте Клешнина (25) - *Кестинга*. Можно сравнить с саам. *kiəsta* 'заводь; укрытие', в топонимах также 'подветренный берег' и чудским **enga* 'река'.

Кочкома - название трех рек. Напрашивается сопоставление с саам. *kuotskem* 'орел', ср. с названием беломорского мыса *Кочькам наволок* (1591 г.), ныне - мыс *Орлов*.

оз. *Сандал*, в 1563 г. - *Сандало*, *Солдал-озеро* (26), в 1585 г. - озеро *Саньдо*, *Сандало* (27). Основа *Санд-/Шанд-* нередка в топонимах Карелии: мыс *Шанда* у устья р.*Санда* на Сегозере; дер. *Сандалакша* в Кирьяжском погосте Водской пятины (12). Она может происходить из кар. *šuanta*, *šoando*, ливв. *soanda*, люд. *suand*, *suond*, вепс. *sand* 'добыча; приобретение, заготовка' или же саам. *šan$^{d}t^{A}$* 'подножный корм'. Такая семантика топонимов безусловно восходит к весьма далеким временам, и неудивительно, что подобные топонимы встречаются и в землях веси и мери (на что, в частности, обращал внимание Я. Калима).

р. *Суна*, кар. *Sununjoki*, *Suunund'ogi*, фин. *Soimijoki* в верховьях, *Sunujoki* в нижнем течении (28). В русских источниках (с 1563 г.) только *Суна*. Рассматривались этимологии из саам. *sunn* 'нить, жила', *sund* 'темя', *tjuni* 'мелкий песок', саам. **soonte-* 'прорезать'(имея в виду прорезание рекой в ее нижнем течении оз. Сундозера) (4; 8, с.75-76; 29). Географические реалии (по наблюдениям автора) подсказывают возможность и такого решения: саам. *suəin^{e}*, *suin^{e}*, *swəin^{e}*, родит, множ. *suoini* 'осока, тростник, трава'.

Ужма. Название имеет многочисленные аналоги в землях прибалтийских и волжских финнов. В Карелии: р. *Usma* (карельское название верховьев Кепы), оз. *Усмитсанярви*, бол. *Ужмасмох*. Конкретное же название *Ужма* (реже *Ушма*) принадлежало водопадному порогу у пос. Подужемье на р. Кемь, исчезнувшему в результате гидротехнических работ. Известно с середины XV в.: *подъ Ужмою юньдою; под Ужьма гарвами ловити* (30, № 296,322). Ойконим *Подужемье* становится известен в середине XVI в., как и соответствующее карельское *Usmana* (31). Определенно говорить о его происхождении трудно. Можно думать о возможных переосмыслениях с

участием др.-рус. **узмя, узмень* 'узость'[9], ср. с *Usmana* (калькой рус. *Подужемье* ожидалось бы **Usmanala*). Привлекает и фин. *usma* 'туман': фотографии (32) и описания очевидцев XIX-XX вв. свидетельствуют о клубах водяной пыли, вздымавшейся над порогом[10]. Изначально название могло быть и саамским, например из *vuoss*^{A} *mas, vīssmus* 'первый': вверх по течению Кеми Ужма была первым из трех больших порогов (еще Вуочаж и Юма), требующих обноса.

Ухта (3 реки), *Ухтица, Охта* (дважды), *Охтома* (дважды), *Бохта, Вохта, Вухтаньеги*. Элемент *охт/ухт* в северных гидронимах не без оснований трактуют как "волоковая река", сравнивая с манс. *ахт* 'протока', хант. *ох(ы)т, охгыт* 'волок' (35). Карельский топонимический материал согласуется с этой трактовкой. Из современной лексики можно указать вепс. *joht* 'старица' (17) и ливв. *jogut* 'речка' (36), что выглядит уменьшительным к **joht(u)*, ср. *Ухта*, фин. *Uhtua*, она же *Ухут* (уменьшительным к *jogi* 'река' должно быть *jovut, joguine*).

Шижма. Очевидно, происходит из фин. *sysmä*, кар. **süžmä*, **šüzmä* 'лесная глушь'; подробно см. (14, с.73-74).

Шокша - дер. на юго-западе Онежского озера. Наиболее вероятной представляется связь названия с саам. *t'šakt's* (^{A}), *tjehts* 'осень', в топонимах - 'осенняя стоянка'. Таково же, по-видимому, происхождение названия о.*Жижгин*, ранее *Жегжизня, Сокжин, Шокжин, Жогжин, Жегжично*, впервые (1559 г.) - *Зогчин* (24, с. 157).

р. *Шомба* [фин. *Sompajoki* (28)] оз. *Шомбозеро*, в 1728 г. *Шомбаярви* (25), в 1591 г. *Самбо озеро*, в 1553 г. *Шонбо озеро* (23, с. 319-327). Топонимы с подобными основами многочисленны в Карелии, Финляндии, Кольском п-ве и на Русском Севере[неполный список: 14, с.44-45]. Восходят они к пр.-фин. (и шире - ф.-у.) основе *samb-* (саам. *siempe, suəmbp*) 'палка; столб; межевой камень', с которой связывается и эпический образ Сампо (15, с. 962). Семантика основы в топонимах дискуссионна. И.И.Муллонен (37) полагает, что они маркировали границы родовой территории, будучи привязаны к водоразделам. Мы считаем, что более вероятна маркировка выхода на сухопутный участок водно-волокового пути. В иных случаях (названия островов, доминирующих возвышенностей) можно предполагать сакральное значение.

Шонга - приток Кепы. Есть еще *Шонгоостров* на Белом море, *Сонга* и *Сонгозеро* [в 1587 г. *Сонко озеро*, в 1597 г. *Шонга* река (38)], р. *Сонгой*, на

---

[9] Теснина Ужмы была самым узким местом Кеми (32).

[10] Фин. *usma* "туман" привлекалось и для объяснения латвийских топонимов *Usmā, Usmas ezers* (33). Правда, в карельском языке отмечен лишь вариант *uźva, usva* (15), но переход в *Ушма/Ужма* возможен на стадии заимствования русскими, ср. *Ижма* из *Изьва* (34).

Кольском п-ве дер. *Шонгуй* [саам. *Soanga* (16)], много топонимов на *Sonka-* в Финляндии. Внешне созвучные топоосновы могут происходить из разных источников: фин. *sonka*, кар. *šoŋka* 'лосось', вепс. *šoŋg* 'язь' [полагаются заимствованием из рус. *сёмга* (15, с. 1070)], саам. *soaŋŋ* 'задняя сторона' > фин. диал. *sonka* 'угол, скрытое место'; облик же *Шонгоострова* наводит на мысль о саам. *tseaŋG* 'стоячий, крутой'.

Наконец, о названии р. *Выг*. Финское его название *Uikujoki* (28), *Uikkujoki* (39) (возможно, эта форма возникла под влиянием фин. *uikku* 'птица поганка, Podiceps'). В русских документах название фиксируется с середины XV в. без каких-либо колебаний формы: *на море и вь Выгу; ловища на Выгу; в Выгу реки; на море на Выгу* (30, №№ 286, 287,291,297).

Сопоставление русской и финской формы названий позволяет реконструировать исходное **V'uigk-/*Vīgk-*, что чрезвычайно близко к саам. *vuoiG*^{A}, *vuəi*^{s}*k*^{A}, *vuejk*, *vui*^{s}*k*(^{A}), *vujik*, *vujk*, *vii*^{s}*k*(^{A}) 'правый, правильный; прямой'. Потенциально оба оттенка значения уместны в названии этой реки. Она действительно в обеих своих частях течет практически в одном и том же направлении (Верхний Выг до Выгозера - на северо-запад, нижний Выг от Выгозера до моря - на север) и действительно прямо, без сколь-либо существенных изгибов, что для карельских рек встречается нечасто. Но, думается, не этот признак лег в основу названия. Оно скорее означает "правильный, удобный; прямой (путь)". Известно, какое колоссальное значение играла река Выг на протяжении всей истории: по ней (начиная с Выгозера) пролегал самый короткий и удобный путь с Онежского озера (т.е. из Балтийского бассейна) на Белое море. Этот путь описывался неоднократно как в русских, так и в иноземных (40) источниках, начиная с XVI в. Не потерял он значение и в настоящем, ибо именно по местам древних волоков и руслу Выга пролегла трасса Беломорканала. Но освоен он был именно саамами, ибо как водораздельный участок между Повенецким заливом Онежского озера и Выгозером, так и собственно течение Нижнего Выга, в частности почти все его бывшие пороги, промаркированы (наряду с немногими карельскими) саамскими топонимами, в том числе и "путевыми". Возможен был и другой путь в Беломорье: от восточного берега Онежского озера рекой Водла и далее, через ее правые притоки, волоком на притоки Верхнего Выга[11]. Символично, что именно на Онежском озере близ устья Водлы и в устье Выга, то есть на концевых участках пути "из Чуди в Лопь" найдены огромные группы петроглифов III-II тыс. до н.э. Итак, мы видим, что и название реки Выг может быть объяснено из известного (саамского) языка с

---

[11] Топонимически эта трасса прослеживается слабее и мы пока не можем указать, по каким конкретно (из нескольких внешне равноценных) речкам мог идти древний водно-волоковый путь.

хорошим соответствием семантики этимона историческим реалиям функциональной роли реки для древнего населения этих краев).

Теперь вкратце скажем о гидроформантах, относимых к ДФС. Формант *-с* (*-ш -ж, -з*) имеет вепсское или саамское происхождение, что вполне убедительно показано в работах (11, 16; 41-43). Варианты *-са, -жа, -ца* и подобные локализуются в южной и юго-восточной Карелии и явно обусловлены русской переработкой гидронимов в соответствии с грамматическим родом слова "река".

Происхождение форманта *-кса* объяснено еще А.И. Поповым (34), как результат русификации гидронимов, имевших пр.-фин. форму типа □□ <> *-ksenjogi*, где *-ksen* - показатель родительного падежа существительных, оканчивающихся на *-s*. Соответствующие топонимы могли быть исходно как прибалтийско-финскими (р. *Урокса*, вытекающая из *Уросозера*, ср. пр.-фин. *uros* 'самец'), так и более ранними, и таких, пожалуй, больше[12]. В Карелии есть много гидронимов на *-кса*, имеющих заведомо саамское происхождение, но изменившихся в результате карельского, а затем русского освоения: оз. *Синемукса* (и поблизости пор. *Синамус* на р. *Видлица*), исходно - саам. **Siemmanes'* 'Младший': рядом с ним пор. *Пярзамус* - саам. 'Старший', р. *Ундукса* (через кар. **Unduksenjogi* из саам. **Vundas-* 'песчаная', ср. с р. *Ундужа* бассейна Онеги), р. *Кукса* (**Кукакса*), вытекающая из оз. *Кукас* - саам. 'Длинное'.

Формант *-ма* в гидронимии Карелии имеет, скорее всего, гетерогенное происхождение (о чем писал и А.И. Попов), отражая в одних случаях пр.-фин. и саамские суффиксы отглагольных существительных, в других - конечный согласный основы топонима (в обоих случаях при утраченном детерминанте), в третьих - являясь результатом русского освоения исходно иной финали: *-ба/-па* (из саам. *pajj*, пр-фин. *pää, peä, pä* 'голова; верх, исток') или *-ва* (из саам. *(v)uai*, пр.-фин. *oja* 'река, ручей')[13].

Наконец, формант *-да/-та*. Его происхождение также, очевидно, гетерогенно. В принципе он может отражать пр.-фин. уменьшительное *-ut* или саам. суффикс отыменных существительных, выступающие в чисто топонимообразовательных функциях (соответствующие модели хорошо известны), ср. *Волгуда, Тунгуда, Ламбуда, Чумбуда*. Возможен и древний пр.-фин. суффикс прилагательных **-еда*. Но многие подобные гидронимы приурочены к южной и юго-восточной Карелии, где финское *joki*, кар. *jogi*

---

[12] Топонимия Карелии дает множество примеров пр.-фин. модели освоения иноязычных названий: образование формы генетива от исходного топонима и добавление номенклатурного термина: р. *Софья* (*Софьянга*), в XVI-XVII в. *Сагоена, Софьян* (23, 44) - кар., фин. *Sohjenanjoki* (28); р. *Шуя* - кар. *Šuojund'ogi*, оз. *Сургуба, Сургубское* - кар. *Surgubanď'ärvi*.

[13] Ср. об одних и тех же объектах в рамках одних и тех же документов: *деревня Валгоба ... деревня на Валгом озере; деревня на усть Яндемы речки... усть Яндобы* (26).

'река' сменяется южно-карельским (ливвиковским и людиковским) *d'ogi*. Поэтому эти окончания появились здесь, скорее всего, в результате переразложения дорусских гидронимов в русском употреблении: *Šuon-d'ogi* 'Болотная река' → *Šuond-ogi* → Шонда; *Alho-d'ogi* 'Низинная река' → *Alhod-ogi* → *Алгома*: *Алгома ручей* в 1563 г. (26).

Таким образом, и в "загадочных" гидроформантах в целом нет ничего загадочного, хотя каждый конкретный случай требует индивидуального анализа.

Сказанное выше вовсе не равнозначно утверждению об отсутствии дофинно-угорского, точнее досаамского населения Карелии. Сказанное надо понимать в контексте нерешенности проблемы происхождения саамов как таковых. Отсутствие ДФС означает либо действительно его изначальное отсутствие, либо "стирание", игнорирование древней топонимии пришельцами, либо, наконец (к чему мы склоняемся сами), освоение пришельцами (саамами) той лексики, на которой строилась эта топонимия. В последнем случае разделение исконного гипотетического ДФС и собственно саамской топонимии принципиально невозможно. С одной стороны, это вывод бесспорно отрицательный. С другой, он подсказывает путь к возможному решению проблемы происхождения саамов, проблемы чрезвычайно интересной и столь же трудной ввиду неоднозначных, противоречивых порой, показаний относительно саамского языка и антропологии саамов (45-51). Мы имеем в виду, что данные топонимии Карелии и Кольского п-ова, трактуемые уже без оглядки на существование ДФС, могут помочь вычленить те элементы лексики (не пр.-фин. происхождения) саамского языка, что были заимствованы саамами в Фенноскандии от их предшественников[14]. Тем самым какая-то часть этой лексики, для которой не найдено аналогий в известных языках (45), может быть выделена для сравнения с известными элементами языков Европы или, как минимум, с топонимией соответствующих территорий[15]. В более широком плане речь может идти и о постановке подобной задачи для финно-угорской топонимии Северной Европы в целом (см. по этому поводу: 54-56).

---

[14] Ограничимся одним примером, показывающим, однако, что этот путь перспективен. А.К. Матвеев (52) отметил отсутствие термина в топонимии Заволочья (где саамская топонимия обильна) на фоне его активности в топонимии Кольского п-ва .

[15] Например, случайно ли созвучие названия гор *Бескиды* в Словакии (объясняемое с привлечением алб. *bjeshke* 'горный лес, пастбище, склон, горный хребет') и укр. *бескид(ы)* 'горы, скалы; крутизна' с саам. *peatskas, bæske* 'крутой'. Кстати (см. сноску 15), саамские топонимы, содержащие эту основу, известны на Кольском п-ове и в Карелии; там же зафиксировано русское заимствование *печка* 'водоворот' [о сдвиге семантики см. (53) с примерами]. Но этими территориями распространение данной топоосновы и ограничивается.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Матвеев А.К.* Из истории изучения субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы топономастики № 5. Свердловск, 1971.

2. *Матвеев А.К.* Апеллятивные заимствования и стратификация субстратных топонимов // Вопросы языкознания. 1995, № 2.

3. *Муллонен И.И.* Гидронимия бассейна реки Оять. Петрозаводск, 1988.

4. *Керт Г.М., Мамонтова Н.Н.* Загадки карельской топонимики: рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1982.

5. *Косменко М.Г.* Археологические культуры периода бронзы - железного века в Карелии. СПб, 1993.

6. *Серебренников Б.А.* Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955, № 6.

7. *Kalima J.* Äänisen tienoon paikannimia // Virittäjä, 1941.

8. *Nissilä V.* Die Dorfnamen des alten ludischen Gebiets. Helsinki, 1967.

9. *Попов А.И.* Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1958.

10. *Агапитов В.А.* Скандинавские черты в топонимии Заонежья // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990.

11. *Муллонен И.И.* Очерки вепсской топонимии. СПб, 1994.

12. Переписная окладная книга по Новугороду Вотской пятины 7008 года // Временник МОИДР. Кн.12, 1852.

13. *Матвеев А.К.* Названия с основой *Коне-* в топонимии Русского Севера // Этимология 1988-1990. М., 1993.

14. *Шилов А.Л.* Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.

15. Suomen kielen etymologien sanakirja. Osa 1-6. Helsinki, 1955-1978.

16. *Itkonen T.I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Osa 1,2. Helsinki, 1958.

17. *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

18. *Шилов А.Л.* К происхождению гидроформанта в субстратной топонимии Русского Севера // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Петрозаводск, 1997.

19. *Керт Г.М.* Проблемы топонимики Кольского полуострова // Ономастика Европейского Севера СССР. Мурманск, 1982.

20. *Шумкин В.Я.* Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. М., 1991.

21. *Кузнецов А.В.* Язык земли вологодской. Архангельск-Вологда, 1991.

22. *Жарникова С.* Древние тайны Русского Севера // Древность: Арьи. Славяне. М., 1996.

23. Материалы по истории Карелии X11-XУ1 в. Петрозаводск, 1941.

24. Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. Л., 1988.

25. Ландкарта Олонецкого уезда, составленная Акимом Клешниным в 1728 г. // *В.В. Пименов, Е.М.Эпштейн.* Русские исследователи Карелии (XVIII век). Петрозаводск, 1958.

26. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. // Материалы по истории народов СССР. Л., 1930. Вып.1.

27. *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1905-09, Т.2.

28. *Lönnroth O.* Itä-Karjala ja Kuollanlapin kartta. Laatinut vuonna 1918.

29. *Муллонен И.И.* Истоки топонима Суна в контексте этноязыковой истории Обонежья // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Петрозаводск, 1997.

30. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М.-Л., 1949.

31. *Шаскольский И.П.* Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI в. // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973.

32. *Григорьев С.В.* Водопады Карелии. Петрозаводск, 1956.

33. *Rudzite M.* Somugriskie hidronimi Latvijas PSR teritorija // Latviešu Leksikas attistiba. Riga, 1968.

34. *Попов А.И.* Географические названия: Введение в топонимику. М.-Л., 1965.

35 *Афанасьев А.П.* Исторические, географические и топонимические аспекты изучения древних водно-волоковых путей // Вопросы географии, сб. 110. М., 1979.

36. *Макаров Г.М.* Русско-карельский словарь. Петрозаводск, 1975.

37. *Муллонен И.И.* О "святых" топонимах и некоторых следах древних верований в вепсской топонимии // Родные сердцу имена. Петрозаводск, 1993.

38. История Карелии XVI-XVII вв. в документах. Петрозаводск - Йоэнсуу, 1987.

39. Путешествия Элиаса Лённрота. Петрозаводск, 1985.

40. *Филипов А.М.* Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестн. СПб, 1901. Т. 1, кн. 3.

41. *Керт Г.М.* Словообразование имен в саамском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1988.

42. *Керт Г.М.* Структурные типы саамской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1991.

43. *Муллонен И.И.* Вепсские топоформанты // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1991.

44. *Харузин Н.Н.* Русские лопари // Изв. ОЛЕАЭ при Московском ун-те. Т.66. Тр. этнограф. отдела. Кн. 19. М., 1890.

45. *Керт Г.М.* Саамский язык (кильдинский диалект). Л., 1971.

46. Происхождение саамов. М., 1991.

47. Финно-угорский сборник. М., 1982.

48. *Эриксон А.В.* О генетической структуре популяций лопарей // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М., 1974.

49. *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.

50. *Korhonen M.* Johdatus lapin kielen historian. Helsinki, 1981.

51. *Itkonen E.* Einige Gesichtspunkte zur Frühgeschighte der Lappen und des Lappischen // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1980. B.76.

52. *Матвеев А.К.* Древнее саамское население на территории Севера Восточно-Европейской равнины // К истории малых народностей Севера СССР. Петрозаводск, 1979.

53. *Шилов А.Л.* О некоторых терминах, обозначающих водные препятствия в Карелии // Изв. РГО. 1996. Т.128, вып. 6.

54. *Ariste P.* Die altesten Substrate in den ostseefinnischen Sprachen // Советское финно-угроведение. 1971. Т. 7, № 3.

55. *Напольских В.В.* Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилемм финно-угорской предыстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Ижевск, 1990.

56. *Напольских В.В.* Палеоевропейский субстрат в составе западных финно-утров // Uralo-indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Ч.2. М., 1990.

Aleksey Shilov

TO THE QUESTION ABOUT PROTO FINNO - UGRIC SUBSTRATE IN TOPONYMY OF KARELIA

Lack of Proto Finno - Ugric substrate denotes either its original absence or ignorance of ancient toponymy by new comers or using by Saams only that vocabulary, on which basic toponymy was build. In latter case devision of original hypothetical Proto Finno - Ugric substrate and proper Saam toponymy is impossible.

This conclusion shows the way to possible solving the problem about the origin of saams.

The data about toponymy of Karelia and the Kola Peninsula can help to distinguish the elements of vocabulary which were borrowed from Fennoscandia by Saams from their predecessors. Thus a part of this vocabulary, for what no analogy is found in the known languages, can be distinguished for comparison with the known elements of the European languages or with the toponymy of the corresponding territories.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Юрий Андуганов
Йошкар-Ола

ПРИЧИНЫ СОХРАНЕНИЯ ПРАУРАЛЬСКОГО ОБЛИКА В СИНТАКСИСЕ МАРИЙСКОГО И УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВ

На сегодняшний день неплохо изучены такие разделы уральского языкознания, как фонетика, морфология и лексика, чего нельзя сказать относительно синтаксиса. Если синтаксис финно-угорских языков с длительной традицией письменного пользования (скажем, венгерского, финского, эстонского), а также самодийских языков оказались в этом плане в достаточно хорошем положении, то детальное исследование многих сторон синтаксического строя многих других родственных языков все еще ждет пытливых умов. Тем не менее нельзя полностью свести на нет те достижения, которые сделаны в области синтаксиса коми, марийскими, мордовскими, мансийскими, удмуртскими языковедами. Существенный вклад в дело изучения синтаксического строя современного марийского языка внесли и продолжают вносить А. Алхониеми, Р. Бартенс, Г. Берецки, Л.П. Васикова, Э. Кангасмаа-Минн, а также определенные успехи достигнуты на этом поприще (точнее, в разработке некоторых его частных вопросов) М.П. Чхаидзе, Н.И. Исанбаевым, З.В. Учаевым, В.Т. Тимофеевой, Н.Т. Пенгитовым, Ф.И. Гордеевым, Л.А. Абукаевой, Г.Н. Валитовым, З.К. Ивановой, Л.А. Петуховой и др. Что касается исследования удмуртского синтаксиса, нас, например, радуют труды П.Н. Перевощикова, В.В. Поздеева, В.М. Вахрушева, В.Г. Калашниковой, Л.И. Калининой, А.Ф. Шутова, Р.И. Яшиной и др.

Недостаточная изученность современного состояния синтаксического строя многих финно-угорских языков не могла не сказаться отрицательно, как этого следовало ожидать, и на его историческом освещении, так как понятно, что без данных родственных языков, не имея под рукой необходимых письменных источников по всем периодам существования конкретного языка, невозможно проследить эволюцию как отдельно взятых синтаксических конструкций, так и, естественно, всего его синтаксического строя.

Диахронное изучение синтаксиса абсолютного большинства уральских языков (в число этого большинства следует отнести волжско-финские, пермские, многие прибалтийско-финские, обско-угорские и самодийские языки) отстает настолько, что на фоне других областей уральского языкознания оно является на деле белым пятном.

Что касается изучения синтаксиса марийского языка в сравнительно-историческом плане, нужно особо отметить работу Г. Берецки, где он убедительно пишет об истории партицинных конструкций. И.С. Галкин в своем учебном пособии для студентов по исторической грамматике марийского языка поместил раздел под заголовком "Из истории синтаксиса" (1, с. 103-117), им же опубликована статья, посвященная истории дезидеративной конструкции финно-угорских языков (2, с. 153-157). Увлеченно работает над историческим синтаксисом удмуртского языка А.Ф. Шутов (3, с. 229-230; 4, с.23-31; 5, с. 240; 6, с. 133), отдельные работы имеются и у нас (7, с. 67; 8, 264 - 268; 9, с. 162 - 168; 10, с. 3 - 196; 11, с. 47 - 56; 12, с. 93 - 142). Таким образом, налицо тот задел, который позволяет надеяться на устранение в определенном будущем того пробела, о котором было сказано выше.

Приступая к раскрытию темы работы, считаем важным отметить, что по степени сохранения синтаксического облика прауральского языка марийский и удмуртский языки Б.А. Серебренников ставит после самодийских и обско-угорских языков, которые, по его мнению, "подвергались влиянию индоевропейских языков в наименьшей степени" (13, с. 82). Поскольку нет ни одного письменного памятника, отражающего структуру прауральского языка-основы, невозможно реконструировать его синтаксический облик во всех деталях. Тем не менее, как справедливо об этом пишет венгерский академик П. Хайду, "данные родственных языков дают основание для некоторых осторожных выводов общего характера в том случае, если появление совпадающих синтаксических особенностей в отдельных языках конвергентным путем не представляется вероятным" (14, с. 252). На основе сравнительно-исторического анализа структуры уральских языков выявлен ряд характерных черт, присущих языку-основе. Здесь достаточно назвать основные из них.

1. В уральском праязыке превалировали простые предложения. Употреблялись в нем и сложные предложения, но предикативные единицы в них соединялись без помощи союзов. Надо отметить, что отсутствие сложноподчиненных предложений не создавало неудобств: содержание, передаваемое посредством современных сложноподчиненных предложений, можно было высказать более компактно - в рамках простого предложения - с использованием конструкций с нефинитными формами глагола; таким образом, отсутствие придаточных успешно компенсировалось глагольными конструкциями. В составе простых предложений марийского и удмуртского

языков простые предложения с такими конструкциями встречаются сколько угодно, например: мар. **Кок ий эрымеке, Седыкан эргыже шочын** 'Когда прошло два года, у Сэдыка родился сын'; удм. **Кык ар отчыса, Сэдыклэн пиэз вордскиз** 'Тж' (удмуртские примеры здесь и далее приводятся из: 15)

2. Уральскому праязыку было свойственно употребление подлежащего и его распространителей по отношению к сказуемому в препозиции, ср. мар. **Катя самоварым ӱстел ӱмбак шындыш** 'Катя поставила самовар на стол'; удм. **Катя самоварез жӧк вылэ пуктйз** 'Тж'.

3. В уральском праязыке зависимое слово стояло перед основным и, как следствие, определение предшествовало определяемому, управляемое - управляющему, ср. мар. **Сад велыш лекше окна-влак почылтыныт** 'Окна, выходящие в сад, открыты'; удм. **Сад пала потйсь укноос усьтэмын** 'Тж'.

В этих предложениях марийские и удмуртские послеложные сочетания **сад пала** и **сад велыш** 'в сторону сада' являются управляемыми компонентами и стоят перед причастиями **потйсь** и **почылтшо** 'выходящий', требующими от зависимых частей определенной грамматической формы. Выполняя роль организующих центров причастных конструкций, причастия **почылтшо** и **потйсь** одновременно с этим в предложении определяют подлежащие **окна-влак** и **укноос**, выраженные именами существительными. В данном случае линейные отношения между компонентами состава подлежащего совпадают с их грамматическими отношениями, порядок расположения слов соответствует направлению их грамматической зависимости. Расположение слов в предложении по такой схеме сковывало образование сложных предложений, основанных на гипотаксисе.

4. Большинство уральских языков до сих пор сохранило в себе habeo-конструкции без специального глагола со значением "иметь", явно унаследованные от языка-основы.

Кроме того, современные уральские языки содержат в себе достаточно большое количество черт, характерных языку-основе, как на уровне предложения, так и на уровне связи формы слова. Например, сказуемое могло выражаться не только глаголом, но и именем, нефинитной формой глагола, амбивалентным словом, имеющим свойство в зависимости от занимаемой им позиции выступать в предложении либо в значении имени, либо в значении глагола. Между главными членами двусоставного предложения согласованная связь могла быть и смысловой (типа мар. **Ушкал толыт** 'Коровы идут'; букв. 'Корова идут'), и грамматической (**Ушкал-влак толыт** 'Коровы идут'). Существовала оппозиция по признаку определенности/неопределенности, т.д. (16, с. 383-396; 15, с. 81-88; 14, с. 252-257; 10, с. 171; 17, с. 195-213; 16, с. 247-251; 19, с. 5-19).

Б.А.Серебренников считал, что по своему структурному типу синтаксис прауральского языка-основы был одинаков с синтаксисом тюркского типа (13). Говоря об этом, он, по всей видимости, исходил прежде всего из того, что древние черты синтаксиса тюркских языков определить легче, так как первые письменные памятники по ним относятся к V в., которым датируется возникновение памятников орхоно-енисейской письменности. Типологическое сходство уральских и тюркских языков совершенно очевидно. Более того, изучение языков в историко-типологическом плане привело исследователей к мысли о том, что некогда могла существовать урало-алтайская общность. Под влиянием этой теории Д.Р. Фокош-Фукс написал монографию, посвященную синтаксической стороне проблемы. Интересно отметить, что синтаксические параллели в уральских и алтайских языках он объединяет в довольно внушительное количество групп - в 22 (20, с. 53-122).

Б.А. Серебренников отмечал, что марийский и удмуртский языки в свое время подверглись сильному влиянию тюркских языков - чувашского и татарского (13, с. 82), но, к сожалению, он при этом не приводит подтверждающие примеры из синтаксиса. Остается лишь полагать, что, вероятно, он имел в виду те изыскания по тюркским заимствованиям в синтаксисе финно-угорских языков, которые принадлежат перу Э. Беке (21, с. 1-77). Заметим, что выявление тюркских синтаксических заимствований в марийском и удмуртском языках - дело не из простых. Сложность обусловлена главным образом тем обстоятельством, что в этих языках, как уже было сказано, отчетливо проступают черты, типологически сходные между собой, и по этой причине на пути установления происхождения синтаксических образований закономерно возникают трудности методологического порядка. Например, не всегда надежным аргументом может служить принадлежность морфологических опор определенному источнику в синтаксических конструкциях и т. д., и т.п. Причем, Э. Беке, выделяя тюркские заимствования в синтаксисе финно-угорских языков, не счел нужным обратиться к данным самодийских языков (что было вообще характерно для финно-угроведения тех времен), учет которых непременно заставил бы отказаться от трактовки некоторых "заимствований" в финно-угорских языках как тюркских. Это касается, например, притяжательных конструкций (21, с. 21-29). Э. Беке полагает, что поскольку посессивные конструкции, построенные по модели "имя в генитиве + имя с притяжательным суффиксом", "имя в генитиве + имя без притяжательного суффикса" не во всех финно-угорских языках имеют одинаковое распространение, они являются тюркскими заимствованиями. Однако знакомство с материалом самодийских языков (22) допускает возведение их к активу прауральского языка-основы (9, 10). Таким образом, утверждение того, что синтаксис удмурт-

ского и марийского языков подвергся сильному влиянию контактирующих с ними тюркских языков, по нашему мнению, не имеет под собой достаточных на то оснований.

Вместе с тем нужно согласиться с Б.А. Серебренниковым, когда он говорит о консервирующем влиянии тюркских языков на тип синтаксиса удмуртского и марийского языков, которые лучше всего сохранили на этом уровне черты уральского праязыка. Б.А. Серебренников эту мысль высказал лишь вскользь, в предисловии к коллективной монографии "Финно-волжская языковая общность" (23, с. 4), но в правоте данного его замечания сомневаться не приходится. Поэтому первой и основной причиной сохранения прауральского облика в синтаксисе марийского и удмуртского языков следует безоговорочно признать именно их контактирование в течение длительного времени с типологически сходными татарским и чувашским языками. Последние несомненно благоприятствовали сохранению прауральского облика в синтаксисе удмуртского и марийского языков.

Немаловажную и не последнюю роль в консервации древних черт синтаксиса удмуртского и марийского языков сыграли интенсивные связи между самими марийцами и удмуртами и, вполне естественно, их языков. Об их связях однозначно говорят как данные наук исторического цикла, так и факты, установленные учеными-филологами.

Под русское влияние марийский и удмуртский языки попали позже, чем мордовские. Тем не менее русский язык успел оказать заметное влияние и на синтаксис марийского и удмуртского языков. Особенно это касается системы сложных предложений, а в области простых предложений существенного чужеструктурного влияния не произошло, но тенденции к изменению строя микросинтаксиса на современном этапе развития налицо. Например, и марийцы, и удмурты вместо **колхоз председатель** стали употреблять в своей речи **председатель колхоза**. Проникают синтаксические кальки. В одних случаях их употребление оправдано, в других - нет. Русский язык мог бы оказать влияние на синтаксис марийского и удмуртского языков еще в большей степени, если бы не техническое совершенство последних как агглютинирующих. По поводу этого Н.С. Трубецкой писал: "до технического совершенства агглютинирующих ... языков индоевропейским языкам еще далеко. О том, что вопреки утверждениям индоевропейских лингвистов, агглютинирующий строй по сравнению не только с гипертрофированно-флектирующим, но и с умеренно-флектирующими представляется некоторым идеалом, - об этом свидетельствуют опыты создания искусственных языков. Шарль Балли совершенно верно заметил, что эсперанто, который состоит исключительно из индоевропейских лексем, тем не менее является языком чисто агглютинарным. Таким образом, когда индоевропейцы хотят "исправить природу" и создать более совершенный искусственный язык,

они невольно упраздняют флективность и прибегают к агглютинации. Между тем обратное явление было бы немыслимо: нельзя себе представить финна, эстонца, венгра, турка или японца (в их числе, конечно, удмурта и марийца - *Ю.А.*), который, желая создать более искусственный язык, стал бы упразднять принцип агглютинации и вводить принцип флексии" (24. с. 58-59).

Отсюда можно заключить, что наряду с консервирующим влиянием тюркских языков существенную роль в сохранении своих древних черт, унаследованных марийским и удмуртским языками от уральского языка-основы, сыграло исключительное удобство их синтаксического строя в выражении мысли, или, иными словами, техническое совершенство синтаксического строя этих языков.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986..

2. *Галкин И.С.* Об одной дезидеративной конструкции в финно-угорских языках // Uralistikái tanulmányok. Budapest, 1988.

3. *Шутов А.Ф.* Атрибутивные словосочетания с зависимым существительным в удмуртском языке // XYII Всесоюзная финно-угорская конференция. Языкознание (Тезисы докладов) I. Устинов, 1987.

4. *Шутов А.Ф.* Субстантивные словосочетания с зависимыми именами существительными в удмуртском языке // Вопросы грамматики и контактирования языков. Ижевск, 1990.

5. *Шутов А.Ф.* Об одном составе выражения гипотаксиса в пермских языках // CSIFU 6 (summaria dissertationum) 2A. Debresen, 1990.

6. *Sutov A.F.* Die Entwicklungswege der hypotaktischen Verheltnisse in den permischen Sprachen // CSIFU (Thesen) I. Syktyvkar, 1985.

7. *Anduganov J.* Die Herausbildung der Kongruens auf der Wortformebene in den finisch-ugrischen Sprachen // CSIFU (Thesen) II. Syktyvkar, 1985.

8. *Андуганов Ю.В.* К истории согласования на уровне формы слова в финно-угорских языках // СФУ 4. Таллин, 1986.

9. *Андуганов Ю.В.* К эволюции форм зависимых частей субстантивных конструкций в финно-угорских языках //Congressus Septimus Internationalis Fenno-ugristarum: Sessiones Sectionum Dissertationes. Linguistica. Debrecen, 1990.

10. *Андуганов Ю.В.* Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Часть I. Введение. субстантивные словосочетания. Йошкар-Ола, 1991.

11. *Андуганов Ю.В.* История одной синтаксической конструкции марийского языка // Finno-ugristica 17. Тарту, 1996.

12. *Абукаева Л.А.* Принципы классификации и история сложноподчиненных предложений в марийском языке: сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры: Дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1996.

13. *Серебренников Б.А.* Синтаксис прауральского языка - синтаксис тюркского типа // СФУ 2. Таллин, 1987.

14. *Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.

15. *Серебренников Б.А.* Синтаксис древнеудмуртского языка - синтаксис тюрко-татарского типа // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Устинов, 1988.

16. *Майтинская К.Е.* Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М, 1974.

17. *Karelson R.* Soome-ugri keelte lausestruktuurist seoses konjugatsiooniga // Emakeele Seltsi aastaraamat IV . Tallinn, 1959.

18. *Ravila P.* Sentense structure // Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm, 1960.

19. *Alvre P.* Lausesetruktuuriarengust uurali keeltes // Fenno-ugristica 6. Tartu, 1980.

20. *Fokos-Fuchs D.R.* Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1962.

21. *Beke Ö.* Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischen Sprachen // Keleti Szemle XV. Budapest, 1914-15.

22. *Ким А.А.* Способы выражения посессивности в самодийских языках // Языки народов севера Сибири. Новосибирск, 1986.

23. *Серебренников Б.А.* Предисловие // Финно-волжская языковая общность. М., 1989.

24. *Трубецкой Н.С.* Мысли об индоевропейской проблеме // Избранные труды по филологии. М., 1987.

Yury Anduganov

REASONS OF PRESERVATION OF PROTO-URALIC ASPECT IN SYNTAX OF MARI AND UDMURT

In the article the reasons of preservation of Proto-Uralic aspect in syntax of Mari and Udmurt are precised, it is specifically maintained that equally with preserving inflence of contacting Turkic languages the important role was played in preserving of its anciant features, inherited by Mari and Udmurt from the Uralic parent language, wich was played by comfort of their syntactical structure in expression of thoughts or, in other words, by technical perfection of the syntactical structure of the languages.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Анатолий Ракин
Сыктывкар

СПЛАНХНОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Спланхнонимия является одним из важнейших компонентов народной анатомической лексики, она состоит из четырех основных частей: 1) названия, относящиеся к системе внутренних органов в целом (кз. *гырк пытшкӧс* 'внутренние органы, грудобрюшная полость', удм. *пуштӥрлык* 'внутренние органы', кп. *гырк* 'внутренние органы, полость тела'), 2) обозначения пищеварительных органов (кз. *сёян горш* 'пищевод', удм. *кӧт* 'желудок', кп. *тарган* 'глотка'), 3) обозначения дыхательных органов (кз. *ловгорш* 'трахея', удм. *шокан гумы вайёс* 'бронхи', кп. *ниван* 'гортань'), 4) обозначения мочеполовых органов (кз. *вӧрк* 'почка', удм. *нуны кар* 'матка', кп. *кӧль* 'яичко, семенник'). Общая картотека спланхнонимической лексики пермских языков, базирующаяся как на словарном составе трех литературных языков, так и диалектов, состоит из 715 лексических единиц, которые относятся к 146 объектам номинации (ОН). В зависимости от принадлежности к конкретному языку весь корпус спланхнонимов распределяется следующим образом: коми-зырянскому языку принадлежит 312 лексических единиц, удмуртскому языку - 237 лексических единиц, коми-пермяцкому языку - 142 лексические единицы, коми-язьвинскому диалекту - 24 лексические единицы. Коми-зырянские спланхнонимы относятся к 127 ОН, удмуртские - к 109 ОН, коми-пермяцкие - к 87 ОН, коми-язьвинские - к 20 - ОН. Как и в других отраслях антропотоминимической лексики, в области спланхнонимии количество объектов номинации и лексических единиц не совпадает, т.к. значительное число ОН имеет не одно, а несколько обозначений. В составе ОН, имеющих более чем одно название, можно выделить от 5 до 13 групп: в системе коми-пермяцкой спланхнонимии - группы с 2, 3, 4, 5, 6 обозначениями, в системе удмуртской спланхнонимии - группы с 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11 обозначениями, в системе коми-зырянской спланхнонимии - группы с 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 18, 21 обозначением. Например: корень языка - кз. *кыв вуж* , *кыв дін* 'молочный зуб' - кп. *гич-*

пинь, йӧв пинь, мам пинь 'мошонка' - удм. *дурсы, калта, кольтрам, кукей пуӥы, курег пуз пуӥы, пекля* и т.д.

Основная масса спланхнонимов пермских языков относится к стилистически нейтральной лексике и имеет прямое или переносное значение. Названия с прямым значением непосредственно указывают на соответствующий анатомический объект. Если слово представляет собой непроизводную, одночленную структурную единицу, то связь между его значением и обозначаемым денотатом, как правило, не мотивирована и не поддается объяснению: *мус* 'печень', *сюв* 'кишка'. Если же спланхноним является многочленной структурной единицей, то обычно связь между значением названия и обозначаемым признаком понятна и объяснима, например: удм. *берло потэм йырпинь*, кп. *бӧрья пинь* 'зуб мудрости' (букв. 'зуб, появившийся последним, последний зуб'). Названия с переносным значением указывают на объект номинации не непосредственно, а опосредованно, путем сопоставления с каким-либо предметом окружающей действительности, например: удм. *катанчи* 'диафрагма, грудобрюшная преграда', ср. *катанчи* 'полог, занавеска, занавес', кз. *чуман* иж. 'женский половой орган', ср. *чуман* 'берестяное лукошко'. Следует отметить, что больше всего подобного рода названий встречается в составе обозначений половых органов, причем сравнение может осуществляться как с растительным, так и с животным миром, чаще с представителями орнитофауны. В основу номинации может быть положено чисто внешнее сходство, размеры, подвижность объектов сравнения, например, птиц и анатомического органа, и так далее: кз. *куз* л. скр. сс. 'половой член', ср. *куз* 'весенние побеги хвоща', кп. кз. *чипан* 'половой член', ср. кз. *чипан* 'курица', удм. *папа* 'половой член', ср. *папа* 'птичка, птица' и т.д. Спланхнонимы с переносным значением являются эвфемизмами, многие из них выглядят более смягчающими обозначениями, чем их синонимы с прямым значением, ср. кз. *патяк* 'женский половой орган' и *улыс вом* 'тж' (букв. 'нижний рот'). Некоторые спланхнонимы являются ономатопоэтическими обозначениями, т.е. названиями, образованными на основе звукоподражательных и изобразительных слов: кз. *чильган* вв., кп. *чиля* 'половой орган мальчика', ср. кз. *чильгыны* 'бить струей, пустить струю, брызнуть', кп. *чильскыны: чильскӧпетӧ йӧв* 'молоко течет струей'.

В этимологических исследованиях, в которых рассматривается или фигурирует пермская лексика, содержится 76 спланхнонимических названий, из них 35 относится к коми-зырянскому языку, 23 - к удмуртскому языку, 9 - к коми-пермяцкому языку, 9 - к коми-язьвинскому диалекту. 29 спланхнонимов рассматривается в качестве исходных лексических единиц, т.е. выводится этимология именно этих слов. Остальные названия фигурируют как вспомогательный, или дополнительный, материал в процессе выяснения

происхождения заглавного (исходного) слова, которое зачастую относится к другим разрядам антропотоминимической лексики, либо вообще к неанатомической сфере объективной реальности, напр. удм. *ныпысы* 'ноздря' в словарной статье на *пыс* 'ушко (иглы)', 'отверстие (в пуговицах)', 'петля (в крючках)', (1, с.234). Для подавляющего большинства исходных спланхнонимических названий этимологический анализ завершается реконструкцией допермской и общепермской праформ. Эти названия прауральского, прафинно-угорского, прафинно-пермского и прапермского происхождения, как правило, хорошо сохранились в современных пермских языках, например, *кыв* 'язык', *мус* 'печень', *пинь* 'зуб', *сюв* 'кишка', *нерӧд* 'железа' и т.д. Группа из четырех спланхнонимических названий, для которых реконструируется только допермская праформа (ур.**mina* ' яичко, семенник', ф.-у. **n'älmä* 'язык', ф.-у. **s'eδ'mä* 'почка', ф.-у. **ike* (- *n'e*, - *ne*) 'нёбо, десна'), в современных пермских языках не сохранилась. Конечный этимон с неанатомической или с неспланхнонимической семантикой дается для следующих названий: удм. *пуз* 'яйцо, яичко' < ур. **pesä* 'гнездо' (2, с. 375), кз. *гадь* (кя. *гадь*) 'мочевой пузырь' < общеп. **gad'* 'нечто надутое, выпуклое, выпуклый выступ' < доперм. **k8ntt3-* (1, с.74), кз. *сӧп* (удм. сэп) 'желчь, желчный пузырь' < ф.-у. **säppä* 'желчь' (2, с. 436; 3, с.411). Для остальных спланхнонимических названий, содержащихся в этимологических работах, праформа не реконструируется. К группе названий, выводимых из иноязычного источника, относятся древнее заимствование *вӧрк* 'почка', проникшее из индоиранских языков (1, с. 68; 2, с.817), и позднее заимствование *без* 'железа', проникшее в удмуртский язык из татарского языка (4, с.162). Для названия *вомкӧтш* 'за щекой', имеющего слитное написание и квалифицируемого в качестве сложного слова, производится структурный анализ (1, с.62). Следует отметить, что подобного рода составные конструкции занимают значительное место в системе анатомической лексики. Многие из них распространены во всех пермских языках, либо в двух из них. В составе спланхнонимических обозначений, состоящих из двух компонентов и являющихся описательными наименованиями, можно выделить 7 типов общепермских и общекоми названий: 1) общепермские названия типа "кз. + кп. + удм.": кз. *ты-мус*, кп. *тымус*, удм. *тымус* 'внутренности'; 2) общепермские названия типа "кз. + удм.": кз. *котку*, удм. *кӧтку* 'брюшина'; 3) общепермские названия типа "кп. + удм.": кп. *сiтан сю*, удм. *сӥтян сюл* 'прямая кишка', 4) общепермские названия типа "кп. + кя. + удм.": кп. *бӧрья пинь*, кя. *берись пинь*, удм. *бер пинь* 'зуб мудрости'; 5) общекоми названия типа "кз. + кп.": кз. *ичӧт кыв*, кп. *учӧт кыв* 'язычок', 6) общекоми названии типа "кз. + кя.": кз. *ёсь пинь*, сс. кя. *ёся пинь* 'клык'; 7) общекоми названия типа "кп. + кя.": кп. *ныпырӧт*, кя. *нθр пθрθт* 'ноздря'.

Учитывая все вышеизложенное, рассмотрим систему праформ спланхнонимической лексики. Допермский фонд спланхнонимической лексики состоит из 15 названий. 5 из них относятся к уральскому праязыку, 7 - к финно-угорскому праязыку, 3 - к финно-пермскому праязыку. Допермские праформы обозначают 10 объектов номинации. Они относятся к следующим разрядам антропотоминимической лексики: 1) обозначения, относящиеся к системе внутренних органов в целом: ур. **pučks* 'внутренность, полость', ф.-у. **kirke* 'внутренность, полость', 2) обозначения пищеварительных органов: ур. **kele* 'язык', ур. **maksa* 'печень', ф.-у. **ike* (*-n'e, -ne*) 'нёбо, десна', ф.-у. **pine* 'зуб', ф.-у. **on'c'a*-гз 'клык', ф.-у. **n'älmä* 'язык', ф.-у. **s'ola* 'кишка', 3) обозначения органов дыхания: ур. *täwe* 'легкое, легкие', 4) обозначения мочеполовых органов: ур. **muna* 'яичко, семенник', ф.-у. **s'eδ'ma* 'почка, почки', ф.-п. **wärkз* 'почка, почки', ф.-п. **kal'kkз* 'яичко', ф.-п. **kol'e* 'яичко'. В составе допермских спланхнонимов некоторые названия имеют более отдаленные истоки, чем прауральская эпоха, параллели им находят не только в финно-угорских и самодийских языках, но - и в других языковых семьях - палеосибирской и алтайской, например, ур. **kele* 'Zunge', ср. юкаг. **kał* 'sprechen', *geinner* 'Zungen, Sprache', алт.: чув. *kala-* 'sprechen' (2, s. 144). Почти все допермские спланхнонимы являются исконными названиями, исключение составляет лишь обозначение почки *wärkз*, пришедшее из индоиранских языков в финно-пермскую эпоху. Это одно из самых древних заимствований в системе спланхнонимической лексики. Остальные являются более поздними. Допермская спланхнонимическая лексика послужила одним из основных источников формирования аналогичных систем всех современных уральских языков. Из 15 названий допермского фонда прапермский язык унаследовал 11 обозначений. 4 названия, не перешедшие в прапермский язык, сохранили представители других языковых семей - прибалтийско-финской, волжской, угорской, самодийской.

Общепермский фонд спланхнонимической лексики составляют раннепрапермские, позднепрапермские и пракоми названия. Раннепрапермская спланхнонимическая лексика состоит из 11 названий, унаследованных из допермского фонда *(*pŭčk- *pučk-)* 'внутренность, полость', **gŭrk* 'внутренность, полость', **pin* 'зуб', **wǫžr* 'клык', **kŭl* 'язык', ** śul* 'кишка', **musk-* 'печень', **tŭ* 'легкие', **vork* 'почка', **kǫl'k-* 'яичко, семенник', **kǫl'* 'яичко, семенник'), и 10 названий, являющихся новообразованиями прапермской эпохи.

Новообразования раннепрапермской эпохи (все без исключения) являются исконными названиями. Три прапермских спланхнонима относятся к семантическим неологизмам. Это название желчного пузыря **sęp*, которое,

как лексическая единица, существовало с финно-угорской эпохи и имело первоначальную форму **säppä* и первоначальное значение "желчь", т.е. относилось не к анатомии, а к физиологии человека. Благодаря появлению в прапермском языке дополнительного значения "желчный пузырь" эта лексема стала функционировать также в качестве анатомического обозначения и вошла в состав названий пищеварительных органов. Слово **pǫz*, восходящее к прауральскому **pesä* 'гнездо', в прапермскую эпоху приобрело дополнительное значение "яичко, семенник" и пополнило группу обозначений мочеполовых органов. Номинативная единица **aŋ-*, восходящая к прауральскому слову **äŋɜ*, которое обозначало "подбородок", "челюсть", т.е. относилось к сомонимии и остеонимии, в прапермскую эпоху, получив значение "нёбо, десна" пополнила группу названий пищеварительных органов. Все остальные спланхнонимы являются лексическими неологизмами, т.е. такими обозначениями, которые в словарном составе допермского периода отсутствовали и в прапермском языке появились впервые: **n'ęrɜt* 'железа', **n'ůlan* 'глотка', **gǫl'an* 'глотка', **ruš* 'желудок', **papa* 'половой член', **čʲičʲ'* 'половой член', **pat'ak* 'женский половой орган'. Вся совокупность раннепрапермской спланхнонимической лексики относится к 17 объектам номинации.

В позднепрапермский период спланхнонимическая лексика пополняется 26 названиями. Один позднепрапермский спланхноним служит для обозначения объекта номинации, для которого в сложном составе прапермского языка уже имелось обозначение: **pin'-aŋ-* ' десна, дёсны', ср. раннепрап. **aŋ-* 'тж'. Остальные 25 позднепрапермских названий относятся к таким объектам номинации, для которых в спланхнонимической системе предшествующего периода обозначений не имелось. Вся совокупность раннепрапермских спланхнонимов служит для обозначения 24 объектов номинации. Общесистемным обозначением является **tu-musk* 'внутренности, внутренние органы'. К органам пищеварения относится 21 обозначение: **ǫm-pǔčk-* 'ротовая полость', **pin-aŋ-* 'десна, десны', **vůl- pin'* 'верхний зуб', **ul pin'* 'нижний зуб', **jɛl- pin'* 'молочный зуб', **pin'-vuʒɜ* 'корень зуба', **pin'-pǔčk* 'полость зуба', **qž- pin'* 'резец', **jur- pin'* 'коренной зуб', **hɛr-pin'* 'зуб мудрости', **kůl-jůl* 'кончик языка', **kůl-vuʒɜ* 'корень языка', **kůl-důŋ* 'корень языка', **kůl-dǫr* 'край языка', **kůl-vůl* 'спинка языка', **kůl-ul* 'нижняя поверхность языка', **sǫ-pǫ̊lɛs* 'двенадцатиперстная кишка', **pǫ̊dsa-s'ul* 'слепая кишка', **sitan-s'ul* 'прямая кишка', **kǫ̊t-ku* 'брюшина'. Четыре названия обозначают органы дыхания: **nůr-pǔck* 'полость носа', **nůr-půs* 'ноздря', **tů-půdɛs* 'основание легкого', **tů-vuʒɜ* 'корень легкого'. По своей структуре позднепрапермские спланхнонимические обозначения являются составными двучленными обозначениями.

Корпус пракоми спланхнонимической лексики состоит из 18 названий. В этот период продолжается процесс образования названий для внутренних органов, которые раньше не имели обозначений, например, для таких, как "дно полости рта" (**ɣm-pudɛs*), "язычок" (**ič'ɛt- kul*), "пузырь" (**gaď*), "хрящи носа"(**nur-goč*), "хрящ крыла носа" (**nur-bgrd- gǒč*), "трахея" (**lɣlalan-gɣrš, *s'ɛra-gɣl'a*), "грудная полость" (**mɣrɛs-pučk*), "мочевой пузырь" (**kuʒ-gaď*), "брюшная полость" (**kunɛm-pučk*). Остальная часть спланхнонимов пополнила синонимическую систему пракоми языка, т.е. обозначала такие анатомические объекты, которые уже имели соответствующие обозначения более раннего происхождения: **gurk-pučk* 'внутренние органы' (ср. позднепрап. **tu-musk-*), **pin'-jaj* 'десна, дёсны', (ср. позднепрап. **pin-aŋ-*), *mam-pin'* 'молочный зуб' (ср. позднепрап. *jɛl-pin'*), **jɣs'-pin'* 'клык' (ср. раннепрап. **wɣʒ'ɜr*), **targan* 'глотка' (ср. раннепрап. **n'ulan, *gɣl'an*), **nur-purɛt* 'ноздря' (ср. позднепрап. **nur-pus*). По структуре пракоми названия являются двучленными и трехчленными составными обозначениями, преобладающим является двучленный структурный тип. К трехчленному типу относится лишь одна конструкция: **nur-bɣrg-gǒč* 'хрящ крыла носа'.

Общепермская спланхнонимическая лексика, имеющая раннепрапермскую, позднепрапермскую и пракоми этимологии и состоящая из 67 номинативных единиц, относится к 49 объектам номинации, что составляет около 34 % от всего количества обозначаемых объектов, для номинации которых служит современная лексика коми-зырянского, коми-пермяцкого, удмуртского языков и коми-язьвинского диалекта. Из числа раннепрапермских и позднепрапермских спланхнонимов в качестве самостоятельных полнозначных обозначений во всех пермских языках унаследованы следующие названия: **tu-musk-* 'внутренности, внутренние органы', **puč-* (*puč-*) 'внутренность, полость', **aŋ-* 'нёбо, десна', **n'ɛrɛt* 'железа', **pin'* 'зуб', **jur-pin'* 'коренной зуб', **kul* 'язык', **n'ulan* 'глотка', **s'ul* 'кишка', **musk* 'печень', **sɛr* 'желчный пузырь', **tu* 'легкое, легкие', **kɣl'k* 'яичко, семенник' и т.д. Часть древних названий сохранилась в двух пермских языках: **gurk* 'внутренность, полость', **wɣʒ'ɜr* 'клык', **bɛr-pin* 'зуб мудрости', **ruš* 'желудок', **s'ɣ-pɣlɛs* 'двенадцатиперстная кишка', **pɣdsa-s'ul* 'слепая кишка', **sitan-s'ul* 'прямая кишка', **nur-pus* 'ноздря', **pɣz* 'яичко, семенник', **čič* 'половой член', **kɣt-ku* 'брюшина'. В качестве самостоятельного полнозначного спланхнонима только в одном из пермских языков сохранилось древнее слово **vork* 'почка, почки' > кз. **вӧрк*. Из числа спланхнонимов, возникших в пракоми период, два названия сохранились в одном из коми языков и в коми-язьвинском диалекте: **jɣc'-pin'* 'клык' > кз. *ёсь пинь*, кя. *ёся пинь*, **nur-purɛt* 'ноздря' > кп. *ныр пыröт*, кя. *нθр пθрθт*. Осталь-

ные спланхнонимы перешли в словарный состав современных коми языков без существенных семантических и морфологических изменений.

Отличительные особенности спланхнонимической лексики пермских языков, которые отделяют их друг от друга, связаны с формированием индивидуально-пермского фонда анатомической лексики. Этот пласт названий образует верхний слой в диахронической иерархии анатомической лексики, составляя в каждом из пермских языков единое целое с допермскими и общепермскими словами. К индивидуально-пермской спланхнонимической лексике относятся индивидуально-удмуртские, индивидуально-коми-зырянские и индивидуально-коми-пермяцкие названия. Индивидуально-удмуртская лексика начинает складываться с возникновения праудмуртского языка, после отделения от пракоми языка, поэтому она не имеет генетических параллелей ни в коми-зырянском, ни в коми-пермяцком языках, например: *ньылон выжы* 'зев', *сиён гумы* 'пищевод', *котырес сюл* 'ободочная кишка', *жушул нёред* 'поджелудочная железа', *нуны кар* 'матка', *ныпи жоб* 'плацента' и т.д. Индивидуально - коми-зырянская спланхнонимическая лексика начинает складываться с возникновения древнекоми-зырянского языка, после распада пракоми общности, поэтому она не имеет генетических соответствий ни в удмуртском, ни в коми-пермяцком языках, например: *вомкöтш* 'преддверие рта', *ан лёдзьяс* 'нёбные складки', *ныркöрша* 'носоглотка', *сюв чаль* 'аппендикс', *ловгорш пом кöя* 'киль трахеи', *кык ты кост* 'средостение', *кöйдыс лэччан сöн* 'семявыбрасывающий проток' и т.д. Индивидуально-коми-пермяцкая анатомическая лексика начинает складываться также после распада пракоми общности, поэтому она присуща только коми-пермяцкому языку и в других близкородственных языках генетических соответствий не имеет, например: *пинь сер* 'зубная дуга', *кыв яй* 'тело языка', *горш осьта* 'зев', *ньылас* 'пищевод', *кудз визывтан* 'мочеточник', *пипиль* 'половой орган мальчика', *кöль кучик* 'крайняя плоть' и т.д.

Составной частью индивидуально-пермского фонда являются заимствования. Иноязычный компонент удмуртской спланхнонимической лексики составляют тюркские и русские заимствования. К тюркским заимствованиям относятся названия татарского, башкирского и чувашского происхождения: *урт* 'ротовая полость', *без* 'железа', *пакар* 'желудок, брюшина', *кукей* 'яичко, семенник', *казалык* 'сальник', *катанчи* 'диафрагма', *калта* 'мошонка'. Русских заимствований, как и тюркских, в системе удмуртской спланхнонимии немного: железа, коронка, матка, эмаль, аппендикс и т.д. Иноязычный компонент индивидуально-коми-зырянской спланхнонимии составляют названия самодийского и русского происхождения. Заимствованием из самодийских языков является лишь один спланхноним, проникший в ижемский диалект из ненецкого языка: *палуку* 'кишка'. К широко распро-

страненным русским заимствованиям коми-зырянского языка относятся: *клык* 'клык', *мошня* 'мошонка', *матка* 'матка'. Остальная часть заимствований имеет ограниченную территорию распространения, встречается в одном или нескольких диалектах, либо в отдельных лексикографических источниках: *алака* иж. 'десна, дёсны', *кила* иж. вым. уд. 'мужской половой орган', *золотьник* печ. 'матка'. Неисконную часть коми-пермяцкой спланхнонимии представляет только одна группа заимствований - названия русского происхождения: *нёбо, пищевод, кишка, лёгко* 'легкое, легкие', *почка, мошня* 'мошонка', *матка* и т.д. В заключение отметим, что большинство заимствованных спланхнонимов в пермских языках употребляется параллельно с исконными названиями (удм. *без* и *нёред* 'железа', кз. *клык* и *водзир*, кп. *пищевод* и *ньылас*). Однако есть и такие случаи, которые свидетельствуют о том, что заимствования (например, кп. *легко* 'легкое, легкие', *кишка* 'кишка') стали более употребительными, чем исконные названия (*ты* 'легкое, легкие', *сюв* 'кишка'), и вытеснили последние, квалифицируемые в современных словарях в качестве устаревших слов, в пассивный словарный запас. А заимствование *почка* в коми-пермяцком языке полностью заменило слово *вӧрк* 'почка, почки', восходящее к финно-пермскому праязыку.

Сокращения: *алт.* - алтайские языки, *вв.* - верхневычегодский диалект коми-зырянского языка, *вым.* - вымский диалект коми-зырянского языка, *иж.* - ижемский диалект коми-зырянского языка, *кз.* - коми-зырянский язык, *кп.* -коми-пермяцкий язык, *кя.* - коми-язьвинский диалект, *л.* - лузский диалект коми-зырянского языка, *печ.* - печорский диалект коми-зырянского языка, *позднепрап.* - позднепрапермский язык, *раннепрап.* - раннепрапермский язык, *скр.* - присыктывкарский диалект коми-зырянского языка, *сс.* - среднесысольский диалект коми-зырянского языка, *уд.* - удорский диалект коми-зырянского языка, *удм.* - удмуртский язык, *ур.* - уральский язык, *ф.-п.* - финно-пермский праязык, *ф.-у.* - финно-угорский праязык, *чув.* - чувашский язык, *юкаг.* -юкагирский язык.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

2. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Band 1. Uralisches und finnisch-ugrisches Schicht. Band II. Finnisch-permisches und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht. Budapest, 1988.

3. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.

4. *Алатырев В.И.* Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск, 1988.

Anatoly Rakin

SPLANCHNONYMIC VOCABULARY IN PERMIC

Splanchnonymy is one of the most important parts of folk anatomical vocabulary, it serves for designation of splanchnic organs. Great bulk of splanchnonyms is regarded to stylistically neutral vocabulary and has streigt or figurative meaning. Denominations with streight meaning point directly to the corresponding anatomical object, denominations with figurative meaning point indirectly, by means of comparison with realities of surrounding world. often with the representatives of ornithofauna.Diachronically three components are distinguished in the structure of splanchnonymic vocabulary: Proto - Permic, Common Permic and Individual Permic. The most ancient denominations go back to Uralic, Finno - Ugric, Finno - Permic and Common Permic parent language. Individual Permic layer chronologically is the latest one appeared in the period of indipendent development of the Permic languages. In the structure of individual Komi-Zyryan, individual Komi Permic and individual Udmurt vocabulary primordial part is a specific feature as well as unprimordial one.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

СООБЩЕНИЯ

Алхо Алхониеми
Турку

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНЕССИВА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В марийском языке направительный падеж, латив, часто выступает в функции обстоятельства при таких глаголах, к которым в других финно-угорских языках, и, даже не говоря об индоевропейских языках, присоединяются местные падежи. Это говорит о том, что марийский латив, который примыкает к глаголам со значениями "возникать", "оставаться," "меняться" или "создавать," "оставлять", "переставлять" развивался весьма своеобразно в отличие от вносительного и местного падежей.

В данной статье делается попытка рассмотреть употребление таких форм местного падежа, которые близки по своим функциям элативным образованиям. Как известно, в марийском языке настоящего элатива нет, а функции этого падежа выражаются при помощи послеложного образования *гыч*. Следовательно, объектом рассмотрения становятся такие контексты, в которых наличествуют *гыч* - послеложные конструкции, но в которых можно встретить также форму местного падежа.

Имеются относительно обычные конструкции, в которых местные падежи выражают совокупность или общее количество, о части которого ведется речь. Это своеобразное образование инессива бросилось в глаза уже первых исследователей марийского языка. Так, в марийском материале Антала Регули, который издал Йожеф Буденц, имеется вопросительный знак после формы такого инессива:

[1] *vizitešte (?) iktežem mulanem pueve* (1, s.119).

'Из пяти один (от)дали мне'.

Ю. Вихман, который позже записал те же предложения из многих диалектов, доказал все же, что заметки А.Регули не были ошибочными.

[2] К *βəzətəštə iktəžəm məlänem pueβə./* J *βəzətəštə iktəžəm məlänem pueβə./*

S *ßizətəštə iktə(žə)m məlänem pušt./* Mo *ßizətəštə iktəzəm məlanem pušt* (2, s.179).

Приведенный ниже иллюстративный материал подтверждает то, о чем говорилось выше:

[3] *šəm lu šəm türlə kajəkəštə iktəžə ßelə počtəmə* (3, s. 282).

'Из семидесяти семи различных птиц только у одной нет хвоста (загадка, обозначающая лягушку'.

[4] *J..roδo-šotsəšəšto iktaže šužen ʾla* (4, s. 62).

'... из родственников один живет впроголодь'.

На такое употребление инессива ссылается в своей грамматике также и З. В. Учаев, сравните:

[5] *Индеш йочаште икте веле экзаменым пуэн ыш керт* ...(5, с.74).

'Из девяти детей только один не смог выдержать экзамен ...'

Кроме инессива, наличествуют соответствующие *гыч* - конструкции и в диалектах, как, например, в предложениях [6-7]; следует заметить, что пример [6] является уже вариантом предложения А. Регули из малмыжского диалекта.

[6] Ма *ßiźʼtkʼtšʼn iktʼžʼm malaňʼm putš.*

'Из пяти один отдали мне'.

[7] К *lu eδemnä-χtsʾn iktət ken* (6, s. 71).

'Из нас десяти один ушел'.

Кроме *гыч* - конструкций [9] можно также использовать инессив [8] и в таком контексте, где выделяется часть из другого целого, содержится идея выделения части, подвергающейся счету.

[8] JO *ßara kuγəza kažne šil-moklakašte püšeδen nalən iźi paškatam posna iźi kümüžeš* (7, s.462).

'Тогда дед от каждого кусочка мяса отрезал маленькие кусочки и положил их на другое маленькое блюдо'.

[9] B ... *tšitšmaš lindəγətšʼən kum šulδušum šulum nalət* (8, s. 207).

'... из всего хлеба отрежем три ломтика'.

В примерах с местным падежом выражена также целостность (совокупность), откуда можно узнать количество или объем чего-то.

[10] B *pulδurtʼšo ßitšʼ-kana kətškəra γən, orßaštəže ßitšʼ put lekteš; lü-γana kətškəra γən, lü put lekteš ik orßa γültəštəže* (8, s. 350).

'Если куропатка пять раз прокричит, то из воза снопов будет пять пудов зерна, если же она прокричит десять раз, то будет десять пудов зерна из воза снопов'.

Обычно место, откуда что-то отделяется, выражается элативом, однако в диалектных текстах встречаются и некоторые формы инессива [11]; в примерах [11 и 12] предикаты, или сказуемые-глаголы являются идентичными:

[11] U *purla kit parńaštə̑ tuðə̑ luktə̑n naleš šerɣašə̑m* (9, s. 486).

'С пальца правой руки он снимает кольцо (если протягивается ему правая рука)'.

[12] U *ßatet ala ške tińə̑n kiδetketš luktə̑n nalə̑n da kajen* (9, s. 104).

'Твоя жена, возможно, сама сняла с твоей руки (кольцо) и ушла'.

Как в примерах с инессивом [13], так и в примерах с элативом [14] предикатом является глагол *erə̑ktaš* 'удалять'.

[13] U *ßüt-aßa, körɣə̑štem osalə̑m erə̑kte*! (10, s.125).

'Мать воды, убери плохое (порчу) изнутри моего'.

[14] U *tul-ßoðə̑ž, osalžə̑m erə̑kte tiδe jə̑ŋgə̑tš́*! (10, s.132).

'Дух огня, удали плохое (порчу) от этого мужчины '.

Глаголы *лукташ* 'вынести', *лекташ* 'выходить', а также *налаш* 'взять', которые являются главным образом глаголами движения (сравните словарные статьи *лукташ* и *лекташ* и, например, в словаре Марий мутер (11) употребляются зачастую в связи со словом в местном падеже.

[15] U *izə̑(n) kˀlatet ondʼžə̑lnə̑žə̑ mükˠš-omartat šoɣaleš. mükˠš-omartan körɣə̑štə̑žə̑ put-ak pel-ak müm luktə̑m* (10, s. 273-274).

'Перед маленьким забором находится маленький пчелиный улей. С пчелиного улья я вытащил полтора пуда меда'.

[16] U *apsat lukteš lulakˠšə̑m, opta ßotš́kə̑škə̑. ßotš́kə̑štə̑ ńimat oɣeš lek. apsat lulakə̑m luktеδen kiška* (9, s. 43).

'Кузнец берет кости старика (из огня), кладет в ушат. В ушате ничего не происходит (кости не превращаются в юношу). Кузнец выбрасывает кости из ушата'.

[17] Мо *kut šueš, nalaš ok li. - dʼə̑ɪɲə̑n üstel ümpalnə̑ nalaš ok li* (12, s. 150).

'Хотя можно достать, брать нельзя. - (отгадать загадку:) со стола чужого нельзя брать (ничего)'.

К глаголу *ӱ ӱаш* 'пить' присоединяется довольно часто инессив и даже тогда, когда тот, кто пьет (пьющий),не находится в локалитете, выраженным инессивом [примеры 18,19]; при этом форма элатива все-таки также возможна [20].

[18] U *purla ßotš́kə̑štə̑žə̑ ßi šińdʼža, sola ßotš́kə̑štə̑žə̑ jara ßüt. imńə̑lakə̑št manə̑t: purla ßotš́kə̑štə̑žə̑ jü...*(9, s. 351).

'В правом бочонке - сила, в левом - чистая вода. Лошади говорят: пей с правого бочонка ...'

[19] U *slonlak tš́ila ßüδə̑m jerə̑štə̑ jün pitarat* (10, s. 292).

'Слоны (которые столпились вокруг озера) выпивают с озера всю воду'.

[20] В *jüδüm tuδun ußerže - uškal tš́izəɣə̑tš́ sörom jüeš...* (13, s.49).

'Ночью его *увер* сосет молоко с вымени коровы...'

Совсем обычным является употребление формы местного падежа в контексте, где раскрывается место исчезновения [21-22], хотя элатив не известен [23]:

[21] B *...bara šošəm agalan lektət; lum kaja pasušto; mlande koška ...* (Sebeok - Ingemann, 86).

'... тогда весной отправляются пахать; снег тает с полей; земля подсыхает ...'

[22] J *tə̑ń ala palet, maneš, nemnan oksa tsə̑la ^{d}jomə̑n olašte* (7, s.110).

'Может быть ты знаешь, говорит, все наши деньги исчезли из города'.

[23] B *uškalem jomo paseɣə̑tš́* (8, s.182).

'Моя корова исчезла с поля '.

Возможно, что многие такие конструкции инессива, о которых велась здесь речь, становятся прозрачными исходя из основных функций местных падежей. Место исчезновения раскрывается во многих языках местными падежами; локалитет, откуда берется питье, можем понять как место, где (из чего) пьют. Глагол *налаш*, наверное, кроме значения 'взять откуда-то' имеет также значение 'взять (выбрать) где-то во владение'; например, значение местного падежа примера [17] может выходить из этого. Также предложение [16] можно понять как 'в ушате не родится из костей юноша', с другой стороны, можно было также ожидать употребление и латива.

Вероятно, что употребление инессива в конструкциях '1, 2 и т.д. из количества чего-то', выходит из послеложных конструкций '1, 2 и т.д. в толпе, в стаде (совокупности)'. В этом случае инессив, например, в предложении [3] был бы характерным. Употребление инессива с одушевленными предметами, вероятно, тогда получило бы также свое объяснение. Специфика состоит все-таки в том, что послеложные конструкции с инессивом также не всегда могут управляться глаголами движения и глаголами взятия.

[24] S *imńə̑ lo ŋə̑štə̑ kok imńə̑m ojə̑ršə̑m* (2, s. 72).

'В табуне (ожидалось бы "из табуна") лошадей я выбрал двух коней '.

В некоторых рассмотренных предложениях [пример 13] возникает вопрос, примыкает ли инессив ближе к объекту, чем к глаголу, иначе говоря, является ли, например, это предложение более понятным "убери зло, находящееся внутри меня'.

Как сказано, по крайней мере, часть из самых необычных видов употребления инессива может иметь свои корни в первичном употреблении местного падежа. С другой стороны, эти примеры с инессивом могут вызвать также вопрос: являются ли верными предположения о происхождении *štv* - суффикса?

Как известно, серия *s*-овых суффиксов восходит к периоду финно-волжской эпохи. В прибалтийско-финских, саамском и мордовских языках суффикс местного падежа по своей структуре представляет собой сочетание

суффикса -*s* и древнего локативного суффикса *-*nA*, сравните: финск. -*ssA*, шв. саам. -*snV*, мд. -*sV* < **snA* < **s+nA*. В суффиксе исходного падежа в этих языках наоборот произошло так, что к s-овому суффиксу присоединяется древний сепаративный суффикс -*tA*, сравните: фин. -*stA*, шв. саам. -*stV*, мд. -*stV* < *s+tA*.

По поводу происхождения -*štV* суффикса марийского инессива имеются две различные точки зрения. Одни лингвисты считают, что суффикс - *štV* состоит из элементов -s и локативного суффикса -*t*. Такого мнения придерживаются И. С. Галкин, К. Е. Майтинская и др. (14, с. 47-48; 15, с.40; 16, с.251).

По мнению других, например, Й. Синнеи,Э. Беке, М. Корхонена, суффикс - *štV* по своему происхождению состоит из тех же составных частей, что и инессив в других финно-волжских языках, только здесь произошло изменение звуков *šnV* > *štV* (17, s. 79; 18, s. 191; 19, s. 224).

Многие исследователи давно уже обратили внимание на то, что инессивный суффикс - *štV* по своему внешнему облику идентичен с элативным суффиксом финского, саамского и мордовских языков. Так, например, Й.Синнеи в своих различных ранних статьях отмечает: "... в черемисском языке инессив имеет вид элатива" (17, s. 418). Без своего внимания не оставил марийский инессив и Б. А. Серебренников. Он пишет: "Окончание древнего отложительного падежа -*m* в марийском языке содержится в окончании местного падежа - *ште*" (20, с. 141). В исследовании Б. А. Серебренникова, на мой взгляд, является странным то, что, после того, как он отклонил звуковое развитие суффиксов *šnV* > *štV*, констатирует: "Элемент *m* здесь (= окончание - *ште*) скорее восходит к древнеуральскому суффиксу локатива -*m* (или - *mm*)" (20, с. 141).

А что, если марийский суффикс инессива все-таки представляет собой формально другой, возникший при финно-волжской общности элатив? Во всяком случае ожидалось бы тогда, что серия марийских локальных падежей с *с*-овым формантом возникла бы из примарных элементов, и результатом явился бы исходный падеж с формой на -*štV*. Этот суффикс исходного падежа позже объединил в себе более древний суффикс инессива на -*štV* и выступал сначала в роли инессива-элатива. Позже значение исходного падежа в марийском языке идентифицировалось в некоторых формах с суффиксом исходного падежа - *ч* (< -*t* <-*tV*). И, вероятно, в падежной системе в качестве исходного падежа закрепился бы послелог *гыч*. Тогда в суффиксе *štV* осталось бы лишь значение инессива. Временное использование этого суффикса как исходного падежа было бы все-таки реликтом того времени, когда суффикс еще являлся суффиксом элатива-инессива. Непродуктивный местный падеж также освоил бы в себе подобное употребление [пример 17].

Само по себе явление (суффикс исходного падежа может иметь также функции местного падежа) не является чуждым в финно-угорской языковой семье. В большей части в саамском языке суффикс локатива на - *st* имеет функции как исходного, так и местного падежей (21, s. 269;19, s. 223-224). В смешанном кажлоцко-дракинском говоре мордовских языков древний исходный падеж в парадигме *эз*-овых послелогов полностью вытеснил инессивную форму и взял на себя функции местного падежа, о чем говорилось в одной из моих статей (22).

[25] *aligak v́ät't' äzda svajat v́il'št* (Paasonen 1941, 305).

'Внизу в воде были столбы'.

Нужно заметить, что в марийских диалектах также можно иногда встретить употребление хабитивно-исходного падежа на - *леч*, который является бесспорно местным падежом.

[26] *U üδər manеš: me mišna atš̆am denə̑ olaškə̑, užalə̑šna kok üškə̑žə̑m ... okša meletš̆em. üδər luktеš okšam, pa ti ßatə̑lan* (9, s. 191).

'Девушка говорит: мы пошли с отцом в город, продавали двух быков.... Деньги у меня. Девушка берет деньги и дает этой женщине'.

Другие примеры по использованию этого падежа можно найти в моей статье (23, s. 70-71).

В заключение хочется сказать, что слияние двух древних падежей, местного и исходного, в марийском языке допустимо, что не является исключением и для других финно-угорских языков.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ :

В = бирский говор,
J = яранский говор,
JO = йошкар-олинский говор,
К = козьмодемьянский говор,
Ма = малмыжский говор,
Мо = моркинский говор,
S = сернурский говор,
U = уржумский говор.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Budenz, József*. Erdei cseremiczség. NyK 3. Budapest, 1864.
2. *Wichmann, Yrjö*. Tscheremissische Texte. Herausgegeben von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen. MSFOu 163. Helsinki, 1978.
3. *Jevsevjev, Timofej*. Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen. II. Herausgegeben von Sirkka Saarinen. MSFOu 199. Helsinki, 1989.
4. *Beke, Ödön*. Tscheremissische Texte zur Religion und Volkskunde. Oslo Etnografiske Museum, Bulletin 4. Oslo, 1931.
5. *Учаев З.В.* Марий йылме. Икымше ужаш. Йошкар-Ола, 1982.
6. *Ramstedt, G.J.* Bergtscheremissische Sprachstudien. MSFOu 17. Helsinki, 1902.
7. *Beke, Ödön*. Tscheremissische Texte. Band I. Budapest, 1957.
8. *Beke, Ödön*. Tscheremissische Texte. Band IV. Budapest, 1961.

9. *Beke, Ödön.* Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzälungen. MSFOu 76. Helsinki, 1938.
10. *Beke, Ödön.* Tscheremissische Texte. Band III. Budapest, 1961.
11. Марий мутер. III. Йошкар-Ола, 1994.
12. *Wichmann, Yrjö.* Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen. MSFOu 59. Helsinki, 1931.
13. *Beke, Ödön.* Texte zur Religion der Osttscheremissen. Sonderabdruck aus Anthropos, Band 29. Wien, 1934.
14. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Часть I. Йошкар-Ола, 1964.
15. *Галкин И.С.* Некоторые саамско-марийские грамматические параллели // Volgalaiskielet muutoksessa. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 45. Turku, 1994.
16. *Майтинская К.Е.* Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания I. Москва, 1974.
17. *Szinnyei, József.* Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1910.
18. *Beke, Ödön.* Cseremisz nyelvtan. Budapest, 1911.
19. *Korhonen, Mikko.* Johdatus lapin kielen tutkimukseen. Helsinki, 1981.
20. *Серебренников Б.А.* Финно-волжская языковая общность. Москва, 1989.
21. *Itkonen, Erkki.* Kieli ja sen tutkimus. Helsinki, 1966.
22. *Alhoniemi, Alho.* Mordvan sijasynkretismistä. Sananjalka 34. Turku, 1992.
23. *Alhoniemi, Alho.* Zur Verwendung der Trennungskasus im Tscheremissischen. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 3. Turku, 1977.
24. *Paasonen, H.* Tscheremissischen Texte. Herausgegeben von Paavo Siro. MSFOu 78. Helsinki, 1939.

Alho Alhoniemi

PECULIARITIES OF USING INESSIVE IN MARI

Blending of the two ancient cases local and initial is possible in Mari as well as in the other Finno-Ugric languages.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Людмила Барцева
Йошкар-Ола

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ НА МЕТОНИМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологизмы, воспринимаемые нами как целостные сочетания слов, всегда являются результатом зародившегося образа. Появившиеся в речи словосочетания - единицы с цельным значением - первоначально были индивидуальными, окказиональными образованиями. Многократное воспроизведение превратило их в устойчивые единицы словарного состава. В таких экспрессивных фразеологических единицах их компоненты почти полностью утрачивают свои исходные значения. В основе целостного по значению сочетания слов заложен признак сопоставления одного явления действительности с другим. Важным свойством образных фразеологических единиц является их оценочный характер, с помощью которого удается ярче оттенить те или иные признаки людей и явлений действительности. Таковы, например, давно известные марийскому народу фразеологизмы **ава (ачаава) шулдыр йымалне илаш (шинчаш)** 'жить беззаботно, под покровительством матери (родителей), находиться, быть на их иждивении, содержании', букв. 'жить (сидеть) под крылышками матери (родителей)'; **атмашке верешташ** 'быть пойманным, схваченным; оказаться в безвыходном положении', букв. 'попадать, попасть в намет (в сеть)'; **вачӹмбак (вачывак, вачышке) кӹзен (кушкыж) шинчаш** 'подчинять кого-л. своей воле, заставлять исполнять свои капризы, желания и т.д.' букв. 'садиться, сесть на плечи кого-л.'; **гайкым пӹтыралаш** 'для подчинения себе применять крутые меры ', букв. 'завинчивать гайки' (1).

Создание нового целостного значения устойчивого словосочетания, полной растворенности самостоятельных значений его компонентов происходит в результате метафорического или метонимического переноса значения (2, с. 82). Переходу переменных словосочетаний в постоянные, устойчивые, несомненно, в большей степени содействует метафоризация, расширение и обобщение значения в сторону образной типичности.

Термином "метафора" обозначают перенос названия на основе сходства признаков двух явлений. В метафоре никогда не называют признак, по которому это сближение сделано, о нем следует догадываться. Таким образом, метафора проявляется в смысловой двуплановости выражения. Одно значение определяется контекстом, а другое - привычным употреблением слова. При метафорическом переносе может быть образ, соответствующий возможному реальному действию. Например: **вож гычак пытараш** 'уничтожить окончательно', букв.: 'уничтожить с корня' (Ольга). **Тошто койышыжым вож гычак пытараш кӱлеш!** (Николаев) 'Нужно окончательно покончить с его старыми привычками!'; **вӱд йогын ваштареш ияш (каяш)** 'действовать, преодолевая трудности; сопротивляться', букв.'идти (пойти) против течения': **Кунамже шкеат чыташ лийдыме нелыш верештат. Чытет. Сенен лекташ манын, вӱд йогын ваштареш ият** (Самойлов) 'Иногда сам тоже попадаешь в невозможную трудную ситуацию. Терпишь. Чтобы выдержать, идешь против течения'. Такие образы возникают в том случае, когда появляются представления о конкретных действиях.

Признавая, что метафоризация является одним из основных путей возникновения фразеологизма, следует помнить и о том, что устойчивые обороты помимо метафоризации активно создаются путем метонимического переноса (синекдоха специально не выделяется, т.к. она является частным случаем метонимии).

Метонимией называют переносы, происходящие на основе относительно устойчивой связи между явлением, имеющим имя, и вновь называемым явлением, т.е. при метонимии предметы, явления, процессы, действия, обозначаемые прямым и переносным значениями, связаны по своей природе. Между двумя понятиями имеется реальная связь.

Смежность действий в глагольных фразеологизмах обнаруживается в том, что одно действие оказывается частным проявлением второго, более широкого действия, общее обозначается через частное. Например: **вуйым йомдараш** букв.'терять, потерять голову' 1. погибать, быть убитым на чужбине; умирать; пропадать, сгинуть; 2. безрассудно, сильно влюбляться; **кидым пуаш** 'поздороваться за руку', букв. 'дать руку'; **кидым пышташ** 'подписаться, расписаться', букв. 'положить, класть руку'; **кыдалым кучен кошташ** 'быть безучастным в чем-л., ходить без дела', букв. 'ходить руки в пояс'; **тупым ончыкташ** букв. 'показывать спину' 1. отвернувшись, уходить, уезжать; не желать разговаривать с кем-л. или что-л. делать; 2.поспешно убегать откуда-л.; **сага йымач ончаш** 'неодобрительно, недоброжелательно относиться к кому-чему-л.', букв. 'смотреть из-под лба';

южышко нӧлталаш 'разрушить, погубить от взрыва, пожара что-л. (здание, сооружение, т.д.)', букв. 'поднять в воздух'.

Метонимический характер создания образа наблюдается в словосочетании: **копам (кидым) ваш пераш** 'заключать, заключить деловое соглашение, торговую сделку, договор', букв. 'ударить по рукам с кем-л.', которое через соответствующий обычай при торговой сделке стало обозначать саму торговую сделку: **Эпай тос, ынде налше ен шке мутшым ойлыш, копажым пераш да пуаш веле. Тиде ак деч кӱшкӧ налын от керт, ушкал тений волен** (Элексейн) ' Эпай, друг, покупатель теперь сказал свое решение, осталось только ударить по рукам и отдать (корову). Выше этой цены не купишь, нынче цена на корову снизилась'.

Ломыжыш савыраш 'уничтожить, сжечь', букв. 'превратить в золу, пепел': **Пӧртшӧ кушко йомын? - йӱлалтеныт, ломыжыш савыреныт, маныт** (Николаев) 'Дом-то куда подевался? - говорят, что сожгли его, превратили в пепел'. В данном фразеологизме также усматриваем отношение части к целому. В действительности при сжигании, пожаре любой предмет превращается в золу - это его результат.

Нерым куптырташ 'с пренебрежением отказаться, не соглашаться с кем-чем-л.', букв. 'морщить нос'. Прямое значение обнаруживается и в переносном, поскольку "морщить нос" является одним из внешних признаков проявления недовольства: **Якыпым артельыш пурташ Василий темлыш. Вокан Йыван, Талман Тьопой да эше кок-кум ен нерым куптыртыл шинчышт. Но шонымыштым тӱжвак ышт лук** (Майоров) 'Василий дал рекомендацию включить Якова в артель. Вокан Йыван, Толман Тьопой да еще два-три человека сидели, морща нос. Но промолчали'.

Тупым пӱгырташ 'выполнять тяжелую изнурительную физическую работу', букв.'сгибать, согнуть спину': **Вет мый помещик омыл, моло гаяк кресаньык улам, моло гаяк тупым пӱгыртен пашам ыштем** (Сапаев) 'Ведь я не помещик, я такой же крестьянин, как и все, как и все выполняю тяжелую работу'.

Метонимический образ, основанный на отношении части к целому, является внутренней формой многих устойчивых словосочетаний: **вуйым ончыкташ** 'появляться где-л. на короткое время', букв. 'показывать голову'; **вуйым пышташ** 'умирать, умереть, погибать в бою; жертвовать собой', букв. 'положить, класть голову'; **вуйым сакаш** 'приходить в уныние, в отчаяние, огорчаться', букв. 'повесить голову'; **тӱрвым куптырташ** 'сердиться, обижаться на когол-л., недовольствовать', букв. 'морщить губы'; **умшам петыраш** 'перестать говорить, разговаривать', букв.'закрывать, закрыть рот'; **шинчам ӱмырешлан кумаш** 'умереть', букв.'навеки закрыть глаза'.

Встречаются случаи метафоризации фразеологических единиц, возникших на основе метонимического переноса, при которых частные реальные значения могут не совершаться. Так, **шокшым кергалташ** 'работать энергично, усердно', букв. 'засучить рукава' может обозначать не только такую работу, где действительно нужно засучить рукава, но он употребляется также для характеристики всякого усердного умственного и физического труда, сопровождаемого без указанного элемента в работе: **Ой, шуко тӱкна паша. Шокшым веле кергалте** (Галютин) 'Ой, и приходится много работать. Только засучи рукава'.

Вуй гыч ниялташ 'хвалить, одобрять', букв. 'гладить по голове' - образное по своему значению выражение. В нем проявляются как метонимический, так и метафорический переносы. Похвала может выражаться как глажением по голове, так и без него. В настоящее время под данным фразеологизмом понимаем "хвалить, одобрять": **Ешем-шамыч шукеш огыл Пасу гычын теве толыт, Йӧраталын вӱчкалтат, Вуй гычем ниялтат** (Чавайн) 'Вот скоро вернется с поля моя семья, любя, похлопают меня по плечу, по головке погладят'.

Вышеуказанные примеры приводят к мысли о том, что образные глагольные фразеологические единицы активно развивались не только путем метафоризации, но и с помощью метонимии, основанной на отношении части к целому. В глагольных фразеологизмах, созданных на основе метонимии, обнаруживаются элементы определенных действий, наличествующих в исходных словосочетаниях. Порой встречаются случаи, когда частные реальные значения не совершаются. Подобное явление приводит к метафоризации целостного значения, т.е. метонимический образ, явно присутствующий в глагольном фразеологизме, отходит на задний план, создавая возможности для проявления образа с оценочным характером, основанный на метафоризации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Грачева Ф.Т.* Марий фразеологий мутер. Тунемше-влаклан пособий. Йошкар-Ола, 1989.

2. *Костючок Л.Я.* Возможности семантических сдвигов при сочетаемости слов // Русская историческая лексикология и лексикография. Межвузовский сборник. Вып. 3. Л., 1983.

Lyudmila Bartseva

TO THE GUESTION OF PHRASEOLOGICAL COMBINATION ON METHONYMIC BASE IN MARI

The article deals with figurative verbal phraseological units, developing not only by means of metaphor but also with the help of methonymy, based on the relation of a part to the whole.

In verbal phraseological combination, created on the base of methonymy, elements of determined actions can be found, presented in initial word combinations. Sometimes examples are found when private real meanings are not performed. Similar phenomenon leads to metaphorization of the whole meaning. Methonymical form, presented in verbal phraseological units, moves to the back ground, creating the opportunity for display of image with estimate character, based on metaphor.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Валентина Быконя
Томск

СТАНОВЛЕНИЕ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Собирательные числительные - один из наиболее молодых разрядов в системе селькупских числительных. Данный разряд формируется на базе имеющихся грамматических форм за счет их обособления и закрепления в определенной функции. Синтетические и аналитические формы собирательных числительных проявляют в своем развитии тенденцию к унификации грамматических форм.

В становлении собирательных числительных прослеживаются следующие закономерности: 1) развитие собирательности начинается в сфере 3 лица. Форма собирательного числительного 3-го лица множественного числа *nagurit* 'они трое', послужила основой в становлении других форм - *nagurtaßit* 'мы трое', *nagurtalit* 'вы трое' . В основе лежат противопоставления: 3-е лицо - 1-е лицо; 3-е лицо - 2-е лицо. Данная закономерность выявляется на материале кетского диалекта и говоров среднеобских сюсюкумов.

Формы *nagurit* и *tettit* обращают на себя внимание своим суффиксальным оформлением. Возникает вопрос: какова природа суффикса *-t*, которому в условиях междиалектного чередования согласных соответствует *-n*? Суффикс *-t/-n* получил распространение в словообразовании собирательных числительных сложной структуры, например, *nagurukun* 'трое', *tettigut* 'вчетвером'. Ответ на этот вопрос вытекает из сопоставления форм *nagurit* и *tettit* с предикативными формами существительного 3-го лица множественного числа: таз. *tepit gumit* 'они люди', ел. *tepin gumen* 'тж', обС Ч *tabla qut* 'тж': *(-t)-n* является суффиксом множественного числа. Таким образом, подтверждается мысль о том, что собирательные числительные получают оформление, аналогичное оформлению предикативных форм имени существительного. В таком случае парадигмы собирательных числительных должны иметь вид: *nagurmit*, *nagurlit*, **nagurit*, т.е. в формах 1-го и 2-го лица содержится показатель лица, а в форме 3-го лица *nagurit* 'они трое' он

отсутствует. Но современные парадигмы демонстрируют иной этап в развитии языка: собирательное числительное 3-го лица получает аналогично первым двум членам показатель лица и имеет вид *nagurtjt*. Объяснить это можно тем, что в парадигмах идут изменения, направленные на выравнивание рядов. В этом смысле парадигмы собирательных числительных множественного числа с соответствующим оформлением суффикса *-mit, -lit,-tit* не противоречат закономерностям языковых изменений, они восстанавливают набор суффиксов лично-числовых форм имени существительного *-mit/ -min, -lit/ -lin, tit/ -tin*, в котором положение третьего суффикса недостаточно устойчиво.

Так, Г.Н. Прокофьев отмечает, что суффикс *-tit* в формах 3-го лица почти не встречается (1, с.41), 3-е лицо непоследовательно в своем оформлении: оно получает суффикс множественного числа, реже - лично-числовой показатель. Аналогичная ситуация обнаруживается в сфере собирательных числительных, поэтому есть основания считать суффикс *-t* в формах *nagurit, tetti-t* идентичным суффиксу множественного числа.

В качестве подтверждения возможности предложенного пути становления собирательных числительных могут служить формы, которые с точки зрения современного состояния языка являются нерегулярными. К ним относятся *nagur-ta-ßit* 'мы втроем', *nagur-ta-lit* 'вы втроем', *nagur-ta-tit* 'они втроем'. Последние встречаются в говорах Сюсюкум и отличаются от остальных тем, что имеют более сложную морфологическую структуру. Представляется, что в основу парадигмы легло собирательное числительное *nagurit* 'они втроем'. Аналогичная по структуре форма отмечена в говоре Шешкуп: *tettu-n-mun* 'мы вчетвером'.

В связи с формами усложненной морфологической структуры напрашивается следующий ход поступательного развития собирательных числительных: собирательность во множественном числе первоначально стала выражаться в сфере 'они', где в соответствии с предикативной формой имени существительного 3-го лица, например, *tabla qumi-t* 'они люди' образовалась форма *nagurit* 'они втроем'. В этом плане прослеживается аналогия с собирательным числительным *šiteq* 'оба'. Но грамматическая форма *nagurit* удерживала данное собирательное числительное только на одном уровне сферы 'они'. Для того, чтобы перейти на другие уровни (1-е и 2-е лицо), собирательное числительное *nagurit* получает дополнительное оформление суффиксами *-mit ~-ßit* и *-lit*, т.е. лично-числовыми показателями. Дополнительному осложнению подвергается также *nagurit* и в 3-ем лице: *nagur-ta-tit*. Таким образом, в рамках данной парадигмы происходит выравнивание по грамматической форме, что приводит к усложнению морфологической структуры. В первую очередь, это касается третьего члена парадигмы. На

современном этапе развития языка избыточность сохраняется, но уже намечается тенденция к ее устранению: *nagurta-βit* > *nagurtaut* > **nagurtat*.

Такой путь становления собирательных числительных 'втроем' видится в соответствии с данными некоторых говоров кетского диалекта и среднеобских говоров Сюсюкум. В говоры Шешкуп форма *tettunmun* могла быть привнесена в результате междиалектных смешений, поскольку основной путь образования собирательных числительных множественного числа лежит здесь через количественные числительные, ср. обС Ш *mi nagurmit* 'мы втроем', *ti nagurlit* 'вы втроем', *tabla nagurlit* 'они втроем' и т. д. Для формы *tettunmun* может быть предложена другая трактовка.

Следует отметить, что в говорах Чумылькуп встречается форма собирательного числительного *nagorut* 'мы втроем', которая имеет то же суффиксальное оформление, что и *nagorit* 'они втроем', но отличается гласным последнего слога. Для нее восстанавливается иной путь изменений. Появление этой формы является результатом фонетических модификаций, а именно, *nagormit* > *nagorwit* > *nagorut* (*m* вокализуется, а *u* является рефлексом билабиального *w*). В условиях противопоставления с формой 2-го лица *nagorlit* 'вы втроем' *nagorut* ориентировано только на сферу 1-го лица, т.е. 'мы втроем'. Собирательное числительное *tettut* 'мы вчетвером', пройдя аналогичный путь изменений (*tettut* <*tettitwit* <*tettimit*) и утратив показатель 1-го лица, теряет с ним соотнесенность. Поэтому возникает необходимость в дополнительном морфологическом оформлении. Таким образом, суффикс *-mit* вновь возвращается для оформления собирательного числительного и восстанавливает грамматически выраженную соотнесенность с 1-м лицом. Присоединение суффикса сопровождается фонетическими изменениями (*tettut* + *mit* → *tettunmun*).

Тем не менее в диалектах встречается ряд собирательных числительных с суффиксом *-n/ -t* без соответствующей привязки к лицу: обС С *nāgorun* 'втроем, обС Ч *tetun* 'вчетвером', тым. *nagərut* 'втроем', *tetit* 'вчетвером. Эти формы могли совпасть в процессе исторического развития, пройдя разные пути формирования и, кроме того, к развитию в них обобщенного значения могла привести грамматикализация отдельных форм. Такой путь изменений прослеживается в рамках парадигм.

Нельзя не отметить того обстоятельства, что особые формы собирательного числительного 'трое': *nagurtaßit, nagurtalit, nagurtatit* напоминают в известной мере славянский тип собирательных числительных : 'пятеродесятеро': дрруссk. от *пяторъ* до *десяторъ* образовались от основ порядковых числительных *пять, шесть* с помощью суффикса *-р* (2, с.12). Данное типологическое соответствие привлекает к себе внимание тем, что в регионах их распространения порядковость в ряде случаев передается суффиксом

-tV, что также является их отличительной особенностью. Но числительное *nagur* 'три' имеет в нижнекетском говоре порядковую форму *nagúre* 'третий', поэтому считаем предложенный путь развития допустимым.

Представляется нелогичным приписывать рассмотренный ход становления собирательных числительных через форму 3-го лица другим собирательным числительным. В этом случае следовало бы предположить упрощение их грамматической формы еще до письменных фиксаций языка. Не обнаруживается даже косвенных свидетельств, подтверждающих такой вариант развития. Целесообразнее, видимо, признать разные направления пути их становления: как от основы количественного числительного, так и от собирательного числительного 3-го лица.

Развитие аналитических форм собирательных числительных связано с изменениями, происходящими в сфере двойственного числа имени существительного. В селькупских диалектах в ряде случаев осуществился переход аналитических форм типа: обС Ш *tehilgup šedeja* 'мужчины оба' в синтетические *tehilguštja* 'мужчины-дв.'. Переходу собирательного числительного *šedeja* в суффикс двойственного числа *-štja* способствовали: 1) возможность сочетаться с существительными, 2) относительно свободное месторасположение по отношению к существительному и, в первую очередь, его постпозиция. Единичные случаи, подтверждающие сказанное, сохраняются в современных диалектах, ср. обС Ш *šund'ekala šede·ja''*две птички (букв. птички-мн. обе)'. В то же время наблюдается тенденция в сторону вытеснения синтетических форм двойственного числа аналитическими: обС Ч *qup-qi* 'два человека (букв. человек-дв.)' → *šedə qup-qi* 'два человека (букв. два человек-дв.)' → *šedɜ qup* 'два человека (букв. два человек.)' → *kiha·če-γ* 'два ребенка (букв. ребенок-дв.)' → *šedə kiha·če-γ* 'два ребенка (букв. два ребенок-дв.)' → *šedə kiha·če* 'два ребенка (букв. два ребенок)'. Современный этап отражает параллельные варианты, например, *mat ßattit šünd'eßtə čāžak manninhan šedə kiha·če-γ kanap qate·lešpat* 'Я по дороге иду, вижу, двое детей собаку бьют'; *šöt təbə·lqup ka:limba·k andō·got* ' Двое мужчин остались в лодке'; *šidə čel mažo·t qßaja·γai* 'Два дня (букв. два день) по лесу ходили'. Плеоназм устраняется за счет утраты суффикса двойственного числа *-qi*. Аналитическая конструкция *šedɜ qup* 'два человека' с именем существительным в единственном числе логически переходит в собирательное числительное *šedqup* 'двое, оба, вдвоем'.

Из сказанного следует, что появление аналитических форм собирательных числительных является результатом внутреннего развития языка и одним из проявлений изменения его морфологической структуры. Это изменение проходит в рамках действующей грамматической категории двойственности, где идет перераспределение средств ее выражения, а именно, на

смену суффиксу *-qi* < сам. **k* приходит суффикс *-štja*, обязанный своим происхождением собирательному числительному *šede·ja* 'оба'. В южных диалектах данный процесс проявляется неравномерно. Новый суффикс интенсивно распространяется в системе имени существительного и местоимений в среднеобских говорах Сюсюкум, Шешкуп и Чумылькуп. В этих говорах личные местоимения 3-го лица, имея форму множественного числа, сочетаются с собирательными числительными 'оба, вдвоем': *tabit šedja, tabla šite·q, tabla šedjak, tabla šinne* 'они оба'.

Аналитические образования с участием компонента со значением 'человек' в других самодийских языках не встречаются. Типологически они сопоставляются с собирательными числительными в уйгурском языке. После "двух" они представляют собой словосочетание с существительным "человек" (3, с. 22, 23) .

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Прокофьев Г.Н.* Селькупский (остяко-самоедский) язык // Селькупская грамматика. Л., 1935.

2. *Мизина К.Н.* Числительные украинского языка. АКД. Днепропетровск, 1968.

3. *Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.* Язык желтых уйгуров. М., 1966.

Valentina Bykonja

FORMATION OF COLLECTIVE NUMERALS IN SELKUP DIALECTS

Appearance of analitical forms of collective numerals in the result of the inner development of the language and one of the displays of its morphological structure's changing. This change is in the frame of present grammatical category of dual number, where redistribution of expressive means takes place. and namely, suffix qi< myself *k has the tendency to change into stja. originated from the dual numeral sede. ja - both. In southern dialects such a process displays itself irregularly. The new suffix is spread in the system of noun and pronoun in the Middle Ob variants of Sjusjukum. Sheshkup and Chumylkup. In the mentioned variants the personal pronouns of the third person, having the plural form, are combined with collective numerals "both, the two": tabit sedja, tabla site'q, tabla sedjak, tabla sinne - they both". Analitical formations having the component with the meaning "man" aren't founed in the other Samoyedic languages. Typologically they can be compared with collective numerals in the Uygur language. Having the component with the meaning "two", these analitical formations represent wordcombinations with the noun "man".

«Финно-угроведение». 1997. № 2.

Валерий Максимов
Йошкар-Ола

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Начало изучения грамматического строя, описания падежных и предложно-падежных конструкций марийского языка связано с выходом в свет первой марийской грамматики (1). В данной грамматике нет особого раздела по синтаксису, но имеются некоторые замечания по частным вопросам синтаксиса (2, с.98), высказанные в связи с изложением материала о частях речи в марийском языке. Так, интересные для нас высказывания имеются в примечаниях к послелогам, причём, следует отметить, что в первой грамматике они именуются предлогами. Автор в основном правильно заметил, что "сіе предлоги **шке** и **ште** (в настоящее время они являются падежными окончаниями - *В.М.*) при именахъ имьющихъ удареніе на показанныхъ литерахъ поставляются при Родительномъ падежѣ, отнимая отъ того падежа послѣднія литеры нъ, например: **сандалы кы ште въ мирѣ**" (1, с.132).

Термин "управление" в грамматике 1775 года не упоминается.

В 1837 году в Казани вышла в свет "Черемисская грамматика" А.Альбинского. Составленная на материале горного наречия, по типу русской грамматики, она предназначалась будущим переводчикам. В учебнике наблюдаются также примеры на луговом наречии марийского языка. Грамматика разделена на восемь глав, которые соответствуют частям речи. Послелогам А. Альбинский посвятил "подглаву О пословіи" (3, с.202-205), в которой отмечает как постпозиционность, так и грамматическую выразительность "различных отношений лицъ или вещей; равно и дѣйствиій ихъ".

"Словосочинение" автор считает частью грамматики, которая рассматривает правила управления одной части речи другой или зависимость одной от другой (3, с. 211). VIII главу А.Альбинский посвятил анализу сочетаний глаголов с именами существительными и местоимениями. В частности в § 101 он указывает, что глаголы **инанем** 'верю', **ӱшанем** 'надеюсь', **пашем** 'помогаю', **пуэм** 'даю', **кумалам** 'молюсь' требуют дательного падежа,

а глаголы **шыдешкем** 'злюсь', **мускулем** 'насмехаюсь', **öпкелем** 'жалуюсь', **ойгырем** 'переживаю', **модам** 'играю', **шортам** 'плачу' - винительного (3, с.230). Как известно, в марийском языке не все перечисленные глаголы управляют словом в винительном падеже, на что обратила внимание Л.Петухова. Она пишет: "глаголы **шорташ** 'плакать', **шыдешкаш** 'злиться', **öпкелаш** 'каяться' никогда не требуют употребления винительного падежа. Эти глаголы являются непереходными и не имеют при себе прямого объекта" (4, с.8).

В грамматике А.Альбинского можно найти ряд замечаний об управлении. Так, говоря об употреблении послеложной конструкции с отдельными глаголами, А.Альбинский в частности отмечает, что некоторые глаголы в марийском языке требуют от зависимого слова формы определённого косвенного падежа. Так, глаголы, " **ванжемъ** 'перехожу, переѣзжаю, переплываю', **ваштэмъ** 'переношу, перевожу, переплавляю' требуют пословного падежа с пословіемъ **гачъ**; например: **Киберь-гачь ванженамъ** - я проехал мостом, **Юлъ-гачъ вашташа рушъ толэнъ тышка** - Русский перевозчик пришёл сюда за Волгу." (3, с.236). Далее в § 98 своей грамматики А.Альбинский сопоставляет марийский материал с русским: "Глаголы действительные, означающие различные действия людей... требуют вместо винительного падежа Российского именительного падежа единственного числа при всяком случае в разговоре: **к и д м у ш к а ш** 'мыть руки', **ц а н г ш и я ш** 'звонить в колокол' (3, с.228). Несмотря на то, что данное наблюдение представляет определенную ценность, в нём допущена неточность, так как автор упустил из виду возможность употребления имён существительных в глагольных словосочетаниях как в винительном, так и в именительном падежах, ср. примеры: **пӱй мушкаш** 'зубы чистить' и **пӱйым мушкаш** 'тж', **йынгыр йынгырташ** 'звонить в колокольчик' и **йынгырым йынгырташ** 'тж'. А. Альбинский также отмечает такую синтаксическую особенность управляемых послелогами имён, как способность "поставляться въ родительномъ падежѣ для благозвучія, не теряя впрочем возможности стоять и въ именительномъ падежѣ: **юма и юманъ доно** - 'сь Богомъ, у Бога', **тыда и тыданъ верецень** - 'за него, для него', **каша и кашанъ сага** - 'возле ходящего, рядомъ съ ходящимъ' и проч." (3, с.205).

"Черемисская грамматика" А. Альбинского нашла у разных исследователей различную оценку. Так, В.М. Васильев эту грамматику оценил следующим образом: "Написанная по типу русской грамматики, работа Альбинского не могла выявить особенностей марийского языка, фонетических, морфологических и совсем не затронула синтаксических сочетаний" (5, с.45).

Тем не менее следует отметить, что А. Альбинский первым в истории марийского языкознания затронул вопрос о словосочетании, посвятив его исследованию отдельную главу в своей грамматике. Им впервые была отмечена такая синтаксическая особенность послелогов, как возможность их сочетания с именами, выраженными разными падежами.

Ф.И. Видеман впервые обнаруживает синтаксическую особенность послелогов сочетаться обычно с номинативом и реже генитивом личных и указательных местоимений. Кроме того, он определяет природу послелогов, "указывая на субстантивность и адвербиальность" (6, с.214). Автор считает обязательным наличие винительного падежа при переходном глаголе, а его отсутствие ошибкой. В разделе "Posposition" Ф.И. Видеман определяет природу послелогов, даёт перечень наиболее употребительных послелогов "с примерами их значения и применения, указывая на их происхождение" (6, с. 215). При семантической характеристике автор подчёркивает имеющую место в языке двоякую (наречную и послеложную) функцию некоторых послеложных единиц (6, с. 216).

Значительным событием в истории изучения марийского языка явился выход в свет "Пособія къ изученію Черемисскаго языка на луговомъ наръчіи" Ф.Васильева (1887). В "Пособии..." вопросы синтаксиса рассматриваются в отдельной главе. Автор в ней отмечал, что "В черемисском языке управляемое слово нередко управляет не одним словом, как в русском языке, а целой группой, иногда целыми предложениями. Все сокращённые предложения (причастие на - *мо*) подчиняются главному или посредством падежного окончания, или предлогом" (7, с.101). Автор далее замечает, что "предлоги (послелоги - *В.М.*), если относятся к местоимениям личным, или даже и к существительным, ставятся в начальной форме". В результате наблюдений Ф. Васильев приходит к заключению, что русские предлоги и марийские послелоги не всегда тождественны в своих значениях. Так, при нарицательных и собственных именах к послелогам прибавляется притяжательный суффикс 3 лица. "Например: Христосын **п о ч е ш ы ж е** шуко калык коштон улут - За Христом следовало много народа" (7, с. 101).

Ф. Васильев отмечал, что послелоги не требуют косвенных падежей, исключение составляет, например: **верчын, тудлан верчын** 'для того', 'потому' (7, с.63).

Действительно, предшествующее послелогу имя в марийском языке может иметь форму либо именительного, либо родительного, либо дательного падежа. Можно попутно заметить, что номинативное управление наиболее распространено в угорских, пермских и марийском языках. Например: "у. **книга улэ** 'под книгу' (досл. 'книга под'), мр. **поран годым** 'в метель' (досл. 'метель во время'), в. **haz előtt** 'перед домом' (досл. 'дом впереди') (8,

с.386); генитивное - прибалтийско-финских, саамском и мордовских языках; ср. ф. **pöydän päällä** 'на столе' (досл. 'стола на'), мд. **кудонть эйсе** 'в доме' (досл. 'дома в')" (9, с.19). В самодийских языках преобладает генитивное послеложное управление. И.-Н. Шебештьен предполагает, что в конструкциях генитивного типа пережитки уральского языка-основы, где "притяжательность формально не выражалась ни у названия обладателя, ни у названия предмета обладания" (10, с.339).

Ф. Васильев говорит также о влиянии залога на тип синтаксической связи. "Действительные глаголы (глаголы действительного залога) **о й л а ш** 'говорить', **ы ш т а ш** 'делать' и др. в марийском языке, как и в русском, требуют падежа винительного, что даже производные от этих глаголов формы, которые по-русски сочетаются иначе, требуют всегда падежа винительного: **ш о ч м ы м о й л ы м о** 'рассказ о рождении'". Автор утверждает, что "глаголы, означающие стыд, боязнь, спасение, а в марийском сочетаются с послелогом **гыч**: **М у р ы м м у р а ш й ы н г - г ы ч е н и т в о ж ы л** - петь песню людей не стыдись. **Ш о я к ы м о й л э н т у н ы к т о ш ы - ш а м ы ч - г ы ч е н ш е к л а н ы з а** - остерегайтесь лжепророков" (7, с.82-83). Заметим, что конструкции с послелогом **гыч** с глаголами данного типа в современном марийском языке встречаются в северо-западном и горном наречиях, например: сев.-зап. **поезд гӹц перегал-тда** 'берегитесь поезда', **пиры гӹц (гӹцын) лӱдам** 'боюсь волка' (досл. 'боюсь из волка').

В "Пособии..." делается первая попытка определения группы глаголов, употребляющихся со словом в том или другом падеже. Словосочетания автор разделяет на беспредложные и предложные, хотя, как известно, в марийском языке имеются только послелоги: **Юмо гычын людам** 'я боюсь бога' вм. современного литературного **юмо деч лӱдам** 'тж'(7, с. 84).

Как справедливо замечает Л.А. Петухова, Ф. Васильев нечётко различает согласование и управление (4, с.23). Общеизвестно, что в марийском языке имена прилагательные и числительные, находящиеся перед именами существительными, никогда не бывают с последними в связи управления, они всегда примыкают к ним, а у Ф. Васильева "числительное никогда не бывает управляющим словом, не требует никаких падежей и не склоняется, а склоняется только определяемое имя существительное: **Х р и с т о с л у а т к о к т у н е м ш ы ж е-ш а м ы ч ы м к ы ч к ы р а л ы н**. - Христос позвал двенадцать учеников своих" (7, с.76- 78).

При оценке работы Ф.Васильева нужно отметить и то, что он опирался на основные выводы русских грамматистов 20-50-х годов XIX века, которые рассматривали связи слов в структуре предложения по способу согласования и управления.

Заслуга Ф.Васильева состоит в том, что он впервые зафиксировал и проанализировал грамматическую функцию марийских послеложных конструкций.

Богатый фактический материал по послелогам самых разных диалектов и говоров содержит раздел "Послелоги" в грамматике Э.Беке (11, с. 424-426). Э.Беке не уделяет большого внимания описанию синтаксических особенностей послелогов.

Научное исследование марийского языка широко развернулось после 1917 года, когда появились более широкие возможности для развития письменности и национальной культуры марийского народа.

Вопросы синтаксиса марийского языка волновали многих учёных. Так, к изучению послелогов и послеложных конструкций обращается первый марийский доктор филологических наук В.М. Васильев. В одной из ранних работ "Записки по грамматике языка народа мари" (1918) он выделяет раздел синтаксиса. Эта книга представляет результат более чем десятилетнего наблюдения над живым разговорным языком марийцев. В разделе, посвящённом простому предложению, автор рассматривает морфологическое выражение членов предложения. В связи с этим раскрываются значения падежей, употребление глаголов с словами в разных падежных формах. В параграфе о склонении, выделяя восьмой падеж с послелогами и наречиями, В.М. Васильев раскрывает значение падежей и послеложных конструкций. Обращая внимание на основные отличия марийских послелогов от русских предлогов, автор указывает на постпозиционность первых, их сочетаемость с номинативом имени и "изменяемость по притяжательности к некоторым падежам" (12, с.12).

В "Научной грамматике марийского языка" В.М. Васильев выделяет управление как вид подчинительной связи (13, с.280), и далее выражает солидарность с мнением С.И. Абакумова, считающего, что "управление представляет употребление подчинённого слова в косвенном падеже для передачи определённых замечаний" (14, с.122). В.М. Васильев также замечает, что "различаются два вида управления: посредственное, когда для этого используется предлог во флективных языках и послелог в агглютинативных; непосредственное, при котором используется только форма какого-либо падежа" (13, с.282). Кроме этого, по лексико-грамматической принадлежности управляющего слова он выделяет присубстантивное, приадъективное, приглагольное управление.

При этом автор научной грамматики делает отдельные замечания по употреблению формы основного слова послеложного сочетания. Присубстантивное (субстантивное) управление автор характеризует следующим образом: "Присубстантивное управление - это выражение главного слова родительным падежом управляемого слова с различиями родительного дей-

ствующего лица, принадлежности, носителя признака и т.д. Например: **Йолагайын пӧртшӧ** тӱрын каен - Дом лентяя скривился на бок" (13, с.282, 15, с.105). Приадъективное (адъективное) управление выражается прилагательным, "требующим постановки дополнения в падежах дательном и творительном и обстоятельственных слов в местном падеже. Например: Мемнан колхоз **киндылан ток** - Наш колхоз богат хлебом" (13, с.283; 15, с.106). Приглагольное (глагольное) управление отличается требованием постановки объектов действий в том или ином падеже. "Здесь уже больше разнообразия в использовании падежей в обоих языках - марийском и русском. Например: **Мемнан дене** кӧ уло гын кызыт? - Кто же есть у нас теперь? Мый **имньылан шӱльым** пукшышым - Я дал лошади овёс" (13, с.283; 15, с.107).

Глаголы могут управлять не только одним, но и двумя и более объектами. В сочетании слов управляющее есть главное, управляемое - второстепенное, и оно обычно определяет предмет с какой-либо стороны, а всякое определение в языке ставится перед определяемым словом.

Таким образом, что В.М. Васильев сделал первую попытку наиболее полно представить как особенности дистрибуции послелогов в предложении, так и виды управления в марийском языке.

Ссылаясь на существующие в то время русские грамматики, где сочетания имён с предлогами определяются как формы косвенных падежей, другой известный исследователь марийского языка Г.Г. Кармазин, на наш взгляд, вполне справедливо, настаивал на необходимости в квалификации послеложных сочетаний в одном ряду с падежными формами (16, с.34). Однако "в целях облегчения изучения категории падежа" Г.Г. Кармазин считает целесообразным объединить все послеложные конструкции в одном "послеложном падеже" (16, с. 35). Тем не менее в последующие годы теория Г.Г. Кармазина и его последователей о послеложном падеже не нашла поддержки.

Определённую лепту в изучение управления внёс М.П. Чхаидзе изданием учебного пособия для преподавателей марийского языка "Синтаксис лугово-восточного марийского языка", представляющего собой системный курс синтаксиса марийского языка (1941). В данном пособии по-новому освещаются многие теоретические вопросы марийского языка, в том числе типы связей слов в предложении (согласование, управление, примыкание). Так, М.П. Чхаидзе пишет: "если взять, например, согласование и управление, то кажется, что эти категории очень слабо развиты (особенно согласование)" (17, с.9). "Управление, - отмечает М.П. Чхаидзе, - выражение зависимости одного слова от другого формами несходных грамматических категорий. Иначе говоря, управление значит, что подчиняющее слово требует постановки подчинённого слова в определённом падеже. При этом можно

заметить следующие характерные явления: подчиняющее слово требует в подчинённом слове такую падежную форму, которой само не имеет" (17, с.23). Он впервые указывает и на некоторые особенности глагольного управления в марийском языке. В трактовке некоторых языковых фактов учёный не всегда прав. Например, в сочетаниях имени с послелогом М.П. Чхаидзе усматривает примыкающую связь, утверждая, что при этом смысловая связь слов не выражается соответствующими формами слов, а в словосочетаниях, где "косвенное дополнение выражено местоимением тудо 'он', имеющим послеложное оформление", устанавливает связь управление (17, с. 24).

Противоречивость в работе М.П. Чхаидзе наблюдается и в отношении выделения вида синтаксической связи между глаголом и его объектом (**колым кучаш кӱлеш** 'надо рыбу ловить' - **кол кучаш кӱлеш** 'тж'). В первом примере автор видит между частями словосочетания управление, а во втором - примыкание. Однако в обоих случаях, на наш взгляд, следует выделять сильное непосредственное управление.

Шаткая позиция автора в понимании видов синтаксической связи (в этом случае управления и примыкания) вела не к решению проблемы, а, наоборот, к её запутыванию. М.П. Чхаидзе при определении управления исходит только из формальных признаков сочетающихся компонентов. Если исходить из формы, то нельзя считать управлением связь между глаголом и неоформленным прямым объектом в таких словосочетаниях, как **паренге погаш** 'собирать картошку', **кино ончымек** 'после просмотра кинофильма, букв. 'просмотрев кино'. Употребление прямого объекта при неспрягаемых формах относится к числу типичных особенностей марийского языка.

В данном случае мы имеем дело с объектным падежом, а, значит, не падежом подлежащего, т.к. в таких случаях управляющее слово без изменения смыслового отношения с зависимой частью равным образом может требовать объект или с показателем *-м*, являющимся материальным признаком винительного падежа, или без него.

Виды подчинительных синтаксических связей в дальнейшем выделялись авторами грамматик, а также учебников для школ. Так, в учебниках для средней и неполной средней школы Н. Суворова и Г. Костатеева (18, с.9); К.Ф. Смирнова, И.М. Солнцева, И.А. Борисова (19); Н.С. Суворова (20); К.Ф. Смирнова, И.А. Борисова (21) управление выделяется как вид подчинительной связи, где главное слово требует от зависимого постановки его в определённом падеже.

В 50-х годах в марийском языкознании были достигнуты большие успехи в разработке проблем синтаксиса, в том числе была поставлена и проблема синтаксической связи и сделаны определённые успехи в её решении.

Н.Т. Пенгитов установил следующие виды подчинительной связи между членами предложения: согласование (между главными членами предложения; обособленным определением, приложением и определяемым словом), управление, сообразование (или притяжение) и примыкание. При управлении, как пишет Н.Т. Пенгитов, главное слово требует от зависимого постановки в определённом падеже или употребления с послелогами. Например: Пуым **товар дене руат** 'Дрова рубят топором' (22, с.6; 23, с.11).

На наш взгляд, более обоснованным является высказывание М.П. Чхаидзе в работе "К вопросу о категории глагольного управления" о том, что изучение управления должно вестись по следующим направлениям: лексико-семантическому, морфологическому, синтаксическому, так как "марийский язык как язык финно-угорский имеет номинативный строй предложения. Поэтому управление в нём в основном сходно с управлением русского языка" (24, с.175).

Л.А.Петухова в кандидатской диссертации "Глагольно-именные словосочетания в марийском языке" также выделяет управление как вид синтаксической связи. Управление, по её мнению, это такой тип подчинительной связи слов в словосочетании, при котором употребление зависимой падежной формы или послеложной конструкции обусловлено лексико-грамматическим значением ведущего слова, в данном случае - глагола. Зависимое слово называется управляемым, ведущее - управляющим (4, с.47).

Управление как вид синтаксической связи также выделяется в учебных пособиях и монографиях последующих лет (2, с.20-21; 25, с.11; 26; 27).

Иное решение проблемы предлагают зарубежные исследователи. Е.Кангасмаа-Минн в фундаментальной работе "The Syntactical Distribution of the Cheremis Genetive" рассматривает синтаксическую функцию родительного падежа в марийском языке, затрагивает и вопрос о связи слов в предложении. Она утверждает, что в предложении связь между словами может быть трёх видов: согласование, подчинение (т.е. управление - *В.М.*) и нексус. Автор пишет: "В случае подчинения элементов, один из них является главным, другой подчиняется первому" (28, с.19). Автор, проводя структурный анализ синтаксической дистрибуции генитива марийского языка, отмечает лексико-грамматические свойства управляемого слова. При глагольном управлении управляемое слово с релятивным может выступать в номинативе, генитиве, редко дативе и элативе (28, с. 162, 167, 168).

Известный финно-угровед А. Алхониеми рассматривает в своих работах синтаксические связи в марийском языке. На ранних этапах научной деятельности ученый исследует частные вопросы, касающиеся в основном послелогов (29, 30). В докторской диссертации "Über die Funktionen der Wohin-kasus im Tscheremissischen" (31) и далее в других работах (32; 33; 34; 35) пишет о падежных значениях управляемого слова с послелогами. В

других исследованиях А. Алхониеми рассматривает глагольное управление, в частности сочетания послелогов с управляемыми словами (32 с. 61-224; 32, с.20; 33, с. 4-6; 34, с. 50-60), а также замечает, что в марийском языке управляемое слово наиболее часто употребляется в номинативе, генитиве, аккузативе и направительном падежах (32, с. 1-11; 35, с. 463-469; 36, с. 50-120). Автор обстоятельно исследует диалектные ареалы распространения каждой из форм в той или иной функции.

Таким образом, из обзора имеющейся в марийском языкознании литературы можно сделать следующие выводы:

1. Управление как вид подчинительной связи в марийском языке первым начал рассматривать Ф. Васильев в "Пособии к изучению Черемисского языка на луговом наречии". Автором положено начало рассмотрения вопроса о синтаксических образованиях и дистрибутивном анализе послелогов.

2. В.М. Васильев даёт более полную разностороннюю характеристику управления. На основе анализа фактического лингвистического материала автор впервые разграничивает виды управления в зависимости от лексико-грамматического выражения управляющего слова, выделяя: присубстантивное (субстантивное), приадъективное (адъективное) и приглагольное (глагольное) управления. В.М. Васильев сделал первую попытку наиболее полно представить дистрибуцию послелогов в предложении.

3. М.П. Чхаидзе выделил следующие возможные направления в изучении управления: лексико-семантическое, морфологическое и синтаксическое.

4. Мнения зарубежных исследователей, касающиеся вопросов управления, в основном, сходны с мнениями российских учёных. Они отмечают, что в марийском языке управляемое слово в словосочетаниях наиболее часто употребляется в номинативе, генитиве, аккузативе, дативе и в направительном падежах.

5. В настоящее время управление выделяется как вид синтаксической связи, характеризующийся тем, что главное слово требует постановки зависимого слова в какой-либо падежной форме с послелогом или без него.

6. Управление в марийском языке заслуживает специального углубленного изучения.

Сокращения языков и диалектов:

в. - венгерский язык; *мд.* - мордовские языки; *мр.* - марийский язык; *сев.-зап.* - северо-западное наречие марийского языка; *у.* - удмуртский язык; *ф.* - финский язык.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ Черемисскаго языка. Санкт-Петербургъ, 1775.

2. *Андуганов Ю.В.* Ик тӱшка мут кылдыш нерген // Марий филологий. Йошкар-Ола, 1983.

3. *Альбинский А.* Черемисская грамматика. Казань, 1837.

4. *Петухова Л.А.* Глагольно-именные словосочетания в марийском языке. Йошкар-Ола, 1980.

5. *Васильев В.М.* Марийский язык. (Основы научной грамматики марийского языка) // Н.ф. МарНИИ оп.2., д.87., 1951.- 481 с.

6. *Wiedemann F.* Versuch einer Grammatik der tsheremissischen Sprache... Reval, 1847.

7. *Васильев Ф.* Пособія къ изученію Черемисскаго языка на луговомъ наречіи. Казань, 1887.

8. *Майтинская К.Е.* Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

9. *Майтинская К.Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. М-Л.,1982.

10. *Sebestyén Á.* A magyar nyelv névutórendszere. Budapest, 1965.

11. *Beke Ö.* Cseremisz nyelvtan //Nyk. Budapest, 1911.

12. *Васильев В.М.* Записки по грамматике народа мари. Казань,1918.

13. *Васильев В.М.* Научная грамматика марийского языка // Н.ф. МарНИИ оп.2., д.9., В.2., 1946.- 402 с.

14. *Абакумов С.* Современный русский язык. М., 1942.

15. *Васильев В.М.* Управление слов в марийском языке // Некоторые вопросы языкознания. Козьмодемьянск, 1948.

16. *Кармазин Г.Г.* Падежи в марийском языке: В порядке обсуждения к первой научной конференции по марийскому языку. Йошкар-Ола, 1936.

17. *Чхаидзе М.П.* Синтаксис лугово-восточного марийского языка. М., 1941.

18. *Суворов Н.С., Костатеев Г.* Мары йӹлмӹ грамматика. Ч. II. Синтаксис. Неполный дон средний школышто тыменьшывлӓлӓн. Козьмодемьянск, 1943.

19. *Смирнов К.Ф., Солнцев И.М, Борисов И.А.* Марий йылме грамматике. Кокымшо ужаш. Синтаксис. Шымияш да средний школлан лукмо учебник. Йошкар-Ола, 1949.

20. *Суворов Н.С.* Мары йӹлмӹ грамматике. Часть 2. Учебник для 6-7 классов семилетней и средней школы. Изд-е 3. Козьмодемьянск, 1950.

21. *Смирнов К.Ф., Борисов И.А.* Марий йылме грамматике. Кокымшо ужаш. Синтаксис. Шымияш да средний школлын 6-7 класслан. 3-е изд-е. Йошкар-Ола, 1953.

22. *Пенчитов Н.Т.* Марий йылме учебник. Синтаксис. Кокымшо ужаш. 6-7 класслан. Йошкар-Ола, 1955.

23. *Пенчитов Н.Т.* Марий йылме учебник. Синтаксис. Кокымшо ужаш. 6-7 класслан. Йошкар-Ола, 1975.

24. *Чхаидзе М.П.* К вопросу о категории глагольного управления. (На сопоставительном материале марийского и русского языков) // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. V.

25. *Васикова Л.П.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: Туныктышылан полыш. Йошкар-Ола, 1987.

26. *Тимофеева В.Т.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: Туныктышылан полыш. Йошкар-Ола, 1989.

27. *Учаев З.В.* Марий йылме. Теорий. 5-9 класслан учебник. Йошкар-Ола, 1994.

28. *Kangasmaa-Minn E.* The Syntactical Distribution of the Cheremis Genetive I // SUST. Helsinki, 1966

29. *Alhoniemi A.* Über das tscheremisische Bal,Bäl // FUF. Helsinki, 1964. B. XXXV. H. 1-2.

30. *Alhoniemi A.* Über die distributive Verwendung der tsheremissischen Postposition //CSIFU. Helsinki, 1965. P.I.

31. *Alhoniemi A.* Über die Funktionen der Wochinkasus im Tscheremissischen // SUST. Helsinki, 1967. N 142.

32. *Alhoniemi A.* Über einige nichtadverbiale Verwendungsweisen der Woher-Kasus im Tscheremissischen // SUST. Helsinki, 1973. N 150.

33. *Alhoniemi A.* Zur Verwendung der Trennungskasus im Tscheremissischen //FUF. Turku, 1977. B. XLII. H. 1-2.

34. *Alhoniemi A.* Marin kielioppi //Apuneuvoja suomalais-ugrilalaisten kielten opitoja varten. Helsinki, 1985.

35. *Alhoniemi A.* Über die Kasuskongruenz von Adjektiv und Partizip in den tscheremissischen Dialekten // Nyelvtudomany közlemenyek. Budapest, 1983.

36. *Alhoniemi A.* Postpositiorakenteiden synkroniaa ja diakroniaa // Sananjalka. Turku, 1988.

Valery Maximov

HISTORY OF GOVERNMENT STUDY IN MARI

Government as a kind of subordinate relation in Mari was first investigated by F. Vasiljev in "Posobije k izucheniju Cheremisskogo jazyka na lugovom narechiji" (Text - book to the Cheremiss language study, Lowland variant). The author gave the beginning to the investigation of the problem of syntactical formation and gistributional analysis of postpositions.

V.M. Vasiljev gave full characteristics of government. On the basis of factual linguistical material the author for the first time diferentiates kinds of government due to lexical - grammatical expression of governer, distinguishing presubstantial (substantial), preadjective (adjective) and preverbal (verbal) government. V. M. Vasiljev was the first one who made the attempt to present the distribution of postpositions in a sentence.

M.P. Chkhaidze distinguished the following possible directions in the study of government: lexical - semantical, morphological and syntactical.

Foreign investigators, dealing with the problem of government support the Russian scientists' point of view. They notice that in Mari governed word in word - combinations is more often used in nominative, genetive, accusative and in loca l cases.

At present government is distinguished as a kind of syntactical relation when a governer word demands a governed one in any case form with postposition or without it.

Government in the Mari language deserves special and full study.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Геннадий Тираспольский
Сыктывкар

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И. А. КУРАТОВА

Понятийно-терминологический фонд финно-угроведения начал складываться в условиях, когда мышление европейских языковедов определялось прочными традициями античной грамматической школы и формирующимися представлениями об истории индоевропейских языков. Не удивительно, что финно-угорское сравнительное языкознание развивалось большей частью "параллельно с сравнительно-исторической индоевропеистикой" (1, с.55). Описательные исследования финно-угорских языков, особенно на первых порах, также были во многом подражательными, копируя понятия и схемы грамматических трактатов, выполненных на материале индоевропейских языков.

В этих условиях важными были исследования финно-угроведов, стремившихся к нетрадиционному истолкованию свойств финно-угорских языков. Выработанные этими исследователями понятия и термины способствовали превращению финно-угорской лингвистики в самостоятельную научную отрасль.

В кругу таких исследователей заметное место принадлежит коми поэту, просветителю и языковеду И.А. Куратову, чьи лингвистические труды волей обстоятельств не были своевременно опубликованы с должной полнотой и поэтому не получили широкого признания как при жизни исследователя, так и после его смерти. Приближающийся 160-летний юбилей И.А. Куратова побуждает снова обратиться к его научному наследию, в настоящем случае - к его лингвистической терминологии.

Для ее выявления нами была произведена сплошная выборка соответствующих наименований, употребляющихся в изданиях (2; 3). В стороне были оставлены позднейшие публикации лексикографических опытов И.А. Куратова и его неизданные рукописные фрагменты, терминология которых по своему содержанию либо не отличается от научной лексики указанных изданий, либо требует отдельного исследования. В корпус рассматриваемой

лексики не включались и названия языков, поскольку эти наименования, являясь, бесспорно, важными для уяснения истории финно-угорской лингвистической терминологии, к собственно лингвистическим терминам не относятся *.

В результате обследования указанных куратовских работ было выявлено 206 языковедческих терминов и терминологических словосочетаний. Регистрация терминологии производилась с соблюдением следующих правил: 1) терминологические словосочетания, содержащие в своем составе термин, который употреблен в качестве самостоятельной лексической единицы (ср., напр. *личное местоимение* и *местоимение*), рассматриваются как целостное наименование и считаются за один термин; 2) компонент терминологического словосочетания, употребленный в качестве самостоятельного термина (ср. *именительный падеж* и *падеж*), рассматривается, кроме того, вне терминологического словосочетания как самостоятельная единица. В записи соответствующего терминологического словосочетания такое слово выделяется круглыми скобками, напр. *именительный (падеж)*; 3) грамматические варианты термина даны в одной записи, напр. *беглый, -ая*.

Излагаемый ниже алфавитный перечень лингвистических терминов И.А. Куратова представляет собой не только опыт систематизации его научной лексики, но и предметный указатель к его лингвистическим сочинениям, опубликованным в томах (2; 3). Каждый из терминов поэтому сопровождается в этом перечне римской цифрой, указывающей номер тома, и арабскими цифрами, обозначающими номера страниц, на которых употребляется этот термин.

Алфавитный перечень лингвистических терминов И.А. Куратова

Азбука I: 210; II: 71
акцент II: 46
алфавит II: 42, 72
аффикс II: 65, 74-82, 85, 87-89, 91, 94-96, 130, 131

Беглый, -ая (звук, буква) II: 42, 46, 52
безличный (глагол) II: 81, 90
будущее (время) II: 36, 37, 92,
будущее (время) простое II: 92, 96, 98
будущее (время) сложное II: 92
буква I: 207, 211, 248, 258, 260; II: 31, 32, 34, 39, 42, 43, 46, 50, 52, 56, 66-68, 70, 72-76, 78-80, 82, 85, 88, 91, 92, 95, 96, 102, 104, 107, 108, 111, 124, 130

* Перечень этих языков см. в работе (4, с.35-38). К указанному перечню необходимо добавить **айно (курильский) [айнский] язык**, упоминаемый в книге (3, с.33).

Взаимный (глагол) II: 90
взаимный (залог) II: 38
вид II: 33, 36, 38, 47, 53, 56, 91
винительный (падеж) II: 50, 56, 119, 131, 132
возвратительный (вид) II: 91
возвратное (местоимение) II: 76, 86
возвратный (глагол) II: 90
возвратный (залог) II: 38, 47
вопросительная (частица) II: 101, 102
вопросительное (местоимение) II: 90
временно́е (числительное) II: 84, 85
время I: 262; II: 31, 35-38, 40, 41, 43, 54, 64, 69, 91-98, 133
вспомогательная (частица) II: 73, 74, 92, 94
вспомогательный (глагол) II: 36, 96, 97, 133
вставка II: 74, 86, 87
вставной, -ая *см.* вставочный, -ая
вставочный, -ая (звук, буква) II: 42, 73-75, 85, 87, 91, 92, 130
второстепенное (слово) II: 35
выбрасываемый, *-ая* (звук, буква) II: 42, 74

Герундий I: 263; II: 37, 83, 84, 92-94, 96
глагол I: 262; II: 35-44, 46-48, 53, 54, 56, 64, 65, 67, 69, 70, 71, 73, 75, 76, 78-83, 85, 86, 89-92, 94-98, 110, 118, 121, 130-133
гласный, -ая (звук, буква) II: 31, 33,39, 42, 48, 68, 72-76
грамматика I: 213, 219, 260, 262, 41,56, 64, 98

Дательный (падеж) II: 81
дебелый, -ая (звук, буква) II: 42, 73
деепричастие I: 263; II: 37, 38, 92-94, 96
действительный (глагол) II: 90, 110, 118, 132
действительный (залог) I: 262; II: 38, 40, 50, 51, 75, 82, 92, 111
длительный (вид) II: 91
дополнительное (слово) II: 79

Единственное (число) II: 36-38, 67, 74-76, 78, 80, 91-98

Женский (род) II: 43

Залог I: 262; II 33, 38, 47, 50-53, 92, 111
звательный (падеж) II: 81
звук I: 258; II: 42-44, 48, 66, 68-70, 72, 97, 102, 105, 125, 129
звуковая мимика II: 48, 68, 69, 102, 105, 109, 114
звукоподражание II: 48, 50, 68, 102, 103, 105
знак препинания II: 79
знаменательное (слово) II: 33, 34, 41, 47
значение (сло́ва) II: 34, 41, 46, 66, 69, 74, 78-80, 94, 97, 125, 132, 133

Изъявительное (наклонение) II: 31, 35, 37, 42, 91, 94, 97, 98
именительный (падеж) II: 40,

имя II: 50, 53, 54, 56, 64, 65, 73-75, 78-83, 85, 86, 88, 89, 91, 92, 97, 121, 130, 132, 133
инфикс II: 130
исходный (падеж) П: 56

Качественное (прилагательное) II: 54, 83-85
количественное (числительное) II: 47, 84, 85, 88, 133
конструкция II: 48, 57, 64
коренная (буква) II: 130
коренное (слово) II: 32, 35, 40, 42-44, 46, 56, 73-76, 82-84, 86, 90, 94, 121, 130, 133
коренной (язык) II: 46, 50
корень II: 29, 33, 37, 40, 42, 49, 64, 76, 103, 105, 109, 111, 112, 130
косвенный (падеж) II: 43, 69
кратное (числительное) II: 84, 85

Лексикография II: 48, 66
лексикон I: 255; II: 61, 66-68
лицо II: 36, 40, 43, 54, 56, 57, 64, 67, 69, 74-76, 79-81, 86, 89, 91-96, 131, 133
личное (местоимение) II: 35, 36, 43, 56, 66, 69, 70, 75-77, 79-81, 86, 89, 94, 98, 129, 130
лишительное (прилагательное) II: 84, 86

Междометие П: 74, 78-81, 83, 95, 96, 112, 129
местоимение I: 263; II: 34-36, 43, 56, 65, 66, 69, 70, 75-81, 86-88, 94, 98, 121, 129-130
местоимение-(прилагательное) II: 86, 88
Общий (глагол) II: 90
местоимение-(существительное) II: 86, 87
местоимение-(числительное) II: 88, 89
местоименная (частица) I: 263; II: 36, 57, 130
многократный (вид) II: 47, 91
множественное (число) II: 34, 36-39, 43, 47, 69, 76, 78, 80, 81, 85, 87-89, 92-98, 111, 118, 132, 133
множительное (числительное) II: 84
мягкая (буква) II: 73, 74, 76, 80, 89

Наклонение I: 263; II: 31, 35-38, 85, 88, 89, 97
40, 42, 64, 67, 75, 81, 82, 86, 91-98, 112, 118, 131
наречие [диалект, язык] II: 29, 31-33, 41, 49, 64, 71, 96, 112, 133
наречие [часть речи] II: 41, 48, 56, 64, 73, 78-80, 82-85, 87, 89, 92, 98, 132
настоящее (время) I: 262; II: 31, 35-37, 43, 54, 69, 92-98
начинательный (вид) I: 91
неодушевленное (существительное) II: 40, 65, 78
неопределенное (местоимение) [в тексте ошибочно *неопределяемое*] II: 86-89, 131
неопределенное (наклонение) II: 36, 38, 42, 51, 81, 91, 93, 94, 96, 112, 118, 131
неопределенный (вид) II: 91
неполное (послеположение) II: 75
носовой (звук) II: 68

однократный (вид) II: 91
односложный (язык) II: 33, 40, 68
одушевленное (существительное) I: 40, 65, 78, 121
окончание II: 29, 33, 41, 43, 53-56, 65, 75, 76, 78, 80, 95, 96, 133
окончательный (вид) II: 91
ономатика II: 66
ономатическое сходство II: 30, 66, 123, 124
определенное (местоимение) II: 86, 89
определительное (местоимение) *см.* определенное (местоимение)
определительное (слово) II: 79, 85, 88, 89, 97
определительный (падеж) П: 39, 40, 56
организм II: 54
отглагольное (прилагательное) I: 262
отдалительный (падеж) II: 56
относительное (местоимение) II: 87
относительное (прилагательное) II: 83-85, 132
отрицательная (частица) II: 37, 96
отрицательное (спряжение) II: 37, 38, 92, 94-96
отрицательный (глагол) II: 76, 97

Падеж II: 29, 33, 39, 40, 41, 43, 53, 54, 64, 69-71, 78, 81, 90, 98, 119, 130-132
первообразное (слово) II: 40, 73-75, 79, 82-85, 91, 133
письмо II: 70, 79
приставной, *-ая* (звук, буква) II: 46
повелительное (наклонение) I: 263; II: 35, 64, 67, 75, 82, 86, 91, 92, 95-98
подлежащее II: 41
подставной, *-ая* (слог, буква) II: 46
положительная (степень) II: 54
положительное (спряжение) II: 37, 38
полугласный, *-ая* (звук, буква) II: 42, 72-75
полуслово II: 48
порядок (слов) II: 41
порядковое (числительное) см.
прошедшее (время) II: 35, 36, 38, 92, 93, 95-98, 133
порядочное (числительное)
порядочное (числительное) II:
послеположение I: 263; II: 29, 34, 39-41, 56, 65, 73-83, 85-87, 89, 90, 94-96, 121, 131-133
превосходная (степень) II: 84, 133
предлог I: 258; II: 34-36, 39-41, 53, 56, 65, 78, 90, 92, 132
предложение II: 32, 41, 47, 64, 65, 68,79
предложный (падеж) II: 132
префикс [*см.* также приставка] I: 130
приблизительный (падеж) II: 39, 40, 56
придаточное (предложение) I: 65
прилагательное I: 213, 262, 263; II: 41, 54, 64, 78, 81-85, 86 [ошибочно дважды указано *притяжательное*], 88, 89, 92,97,121,132,133
принадлежное (прилагательное) I: 84, 86
приставка I: 33, 35, 78, 86

приставной, -*ая* (звук, буква) II: 46, 79
притяжательное (местоимение) I: 43, 56, 79, 80, 88, 89
притяжательное (прилагательное) I: 83, 84, 86
приставной, -*ая* (звук, буква) II: 46, 79
притяжательное (местоимение) I: 43, 56, 79, 80, 88, 89
притяжательное (прилагательное) I: 83, 84, 86
причастие I: 262; II: 37, 84, 92-97
производное (слово) I: 73, 77, 79, 82, 84, 86, 89, 95
производство (слова) II: 79
произношение II: 32
прописная (буква) II: 79, 82
пропорциональное (числительное) II: 84
прямой (падеж) II: 69

Разделительное (числительное) II: 84, 85, 133
речь I: 207, 259; II: 29, 33, 41, 42, 47, 48, 57, 65, 68, 78, 80, 87, 121
род II: 43, 65, 78, 104, 121, 123
родительный (падеж) II: 41, 43, 64, 70, 81, 90

Самостоятельное (слово) II: 130
семейство (языков) II: 30
синтаксис I: 23, 41, 43, 55, 79, 121, 134
система (языка) II: 53
сказуемое II: 41, 42, 97, 133
склонение II: 29, 33-35, 42, 54, 56, 64, 71, 123, 129
словарь II: 52, 53, 71, 99, 101, 102, 125
словесность I: 263; II: 120
слово I: 207, 219, 247, 248, 258-260; II: 29, 32-36, 40-48,50-52, 54-56, 63-65, 67-69, 73-76, 78-83, 86-89, 95-97, 101, 104, 106, 107, 11-113, 115, 118, 119, 121, 123, 125, 129, 130, 132, 133
словопроизведение II: 29
словорасположение II: 46, 47
слог II: 32, 40, 43, 48, 73, 77, 79, 120, 130, 133
служебная (частица) II:35, 46, 47
служебное (слово) II: 33-35, 41
совокупительное (числительное) II: 84, 85
согласный, -ая (звук, буква) II: 31, 39, 42, 68, 72-76, 91, 102
сокращение (сло́ва) II: 74
сопоставление (слов) II: 33-35, 41, 55
составное (слово) II: 88
союз II: 34, 47, 65, 74, 78, 79
спряжение II: 29, 33-35, 37, 38, 42, 54, 64, 65, 71, 92, 94-96, 123
сравнительная степень II: 54, 84
средний (глагол) II: 90, 110
средний (залог) II: 38, 52, 75
степень сравнения II: 54, 84, 133
страдательный (глагол) II: 90
страдательный (залог) I: 262; II: 38, 92
строение грамматическое II: 29
строй (речи) II: 33
строчная (буква) II: 79
суффикс II: 54, 56, 65, 121, 130-132
существительное I: 213; II: 34, 35, 39, 41, 47, 56, 64, 65, 69, 74, 75, 77, 78, 80-83, 85, 86,

88-92, 94, 95, 121, 131, 138

Твердая (буква) II: 73, 74, 76, 80, 89
тема [тематический гласный или согласный] II: 130
тематическая (буква) II: 130
тип (языка) II: 53, 131
толковый (словарь) II: 99, 101
тонкий, -ая (звук, буква) II: 42, 73

Ударение II: 31, 43, 44, 79
указательное (местоимение) II: 88, 89
уменьшительная (частица) II: 107
ускорительный (вид) II: 91
утвердительное (спряжение) II: 92, 94

Фонетика I: 258; II: 29, 31
форма II: 29, 31, 33-35, 38, 40-42, 47, 50, 52-57, 64, 65, 69, 72, 78, 95, 96, 112, 121, 130-133
фраза II: 51

Частица I: 262; II: 34-40, 44, 46-50, 56, 57, 64, 65, 73-75, 78, 81, 82, 84-86, 88, 89, 91, 92, 94-96, 101, 102, 105, 107-110, 118, 130, 131, 133
часть речи II: 29, 33-35, 41, 47, 65, 69, 78, 133
числительное II: 47, 84, 85
числительное (прилагательное) II: 83, 110
число II: 33, 34, 36-41, 43, 47, 54, 64, 67, 69, 74, 76, 78, 80-81, 85, 87-89, 91-98, 111, 131-133
член [артикль] II: 47, 78

Шипящий (звук) II: 68

Этимологическая [морфологическая] (форма) II: 34, 41, 54, 56
этимология I: 254; II: 34, 41, 51,55, 79

Язык I: 208-210, 212, 213, 219, 220, 239, 247-249, 254-258, 261, 262, 264; II: 29-34, 39-51, 53-57, 62-72, 83-95, 97-98, 102, 105, 108, 116, 121, 123, 124, 130, 131, 134

Приведенную терминологию И.А. Куратова можно разделить на несколько тематических групп. Выделяются следующие термины: 1) общелингвистические; 2) фонетико-морфологические; 3) грамматические; 4) словообразовательно-лексикографические.

1. Общелингвистические термины

конструкция
коренной (язык)
наречие [диалект, язык]
односложный (язык)
организм
речь
семейство (языков)
система (языка)
словесность
строй (речи)
тип (языка)
язык

Указанные термины И.А. Куратова в кругу его научной лексики составляют самую малочисленную группу - 12 единиц. Объясняется это прежде всего тем, что в 60-70-х годах XIX в., когда И.А. Куратов работал над своими лингвистическими сочинениями, теория общего языкознания, потесненная компаративистикой, развивалась медленно, прерывисто, без опоры на разработанную понятийно-терминологическую основу. При обсуждении общелингвистических вопросов того времени нередко пользовались терминами, заимствованными из лексики других наук: биологии, психологии, социологии (напр. *организм, коренной язык, семейство языков, тип языка*) или из различных отраслей филологии (напр. *конструкция, речь, словесность*). Другая причина скудности общелингвистической лексики в работах И.А. Куратова заключается в том, что вопросами общего языкознания он специально не занимался, рассматривая их попутно, в связи с разработкой грамматики коми языка. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие в корпусе общелингвистической терминологии И.А. Куратова тех наименований, которые входят в понятийный аппарат сравнительно-исторического языкознания - они представлены только одним термином *семейство языка*. В рукописных материалах И.А. Куратова, опубликованных Е.С. Гуляевым, содержатся, кроме того, еще три компаративных термина: *сродство* [*родство*] *языков*, *праязык*, *ветвь* [*языка*] (5, с. 92-93). Эти наименования составляют незначительную часть того терминологического богатства, которым располагало сравнительно-историческое языкознание 3-й четверти XIX в. Особенно впечатляет то, что в научной лексике Куратова почти не отразилась весьма развитая фонетическая терминология компаративистики прошлого века, сформировавшаяся под большим влиянием древнеиндийской филологической школы. Такая особенность терминологии Куратова - следствие того, что к сравнительно-историческим штудиям он относился сдержанно, тяготея к описательным исследованиям в духе логико-грамматической школы с ее типологическим уклоном.

Отличительной особенностью общелингвистических терминов в работах И.А. Куратова, как и в исследованиях других языковедов того времени, является различная степень их смысловой отработанности, вследствие чего некоторые единицы этого пласта научной лексики могут квалифицироваться как термины с большими оговорками. Прежде всего это относится к слову *система*. В научных трудах XIX в. оно употреблялось в широком и поэтому расплывчатом смысле, синонимичном значениям "целое", "целостное", ср. следующее толкование этого слова: "*Система* - так называется соединение однородного знания в одно целое. Основанием для такого соединения служит одно какое-либо начало или принцип..." (6, с.90). Не случайно слово *система* в лингвистических работах И.А. Куратова находится в синонимических отношениях с такими терминами, как *тип*

(языка), конструкция, организм и даже *строй (речи)*, ср.: "... это сочинение ["Грамматика зырянского языка" П.И. Савваитова, СПб., 1850] ... представляет больше искусственную **систему** нашего языка, чем действительный **тип** его [выделено здесь и далее мной - *Г.Т*]" (3, с.53); "он [коми язык] сформировался как-то странно, непохоже на европейские языки, **конструкция** его слишком своеобразна..." (3, с.57); "... язык есть также живой **организм**, но не животный организм, а организм мысли..." (3, с.54); "Здесь [в Усть-Сысольске] говорят по зырянской грамматике рядом русских слов, несколько иначе выговариваемых и приноровленных к **строю** зырянской речи" (3, с.53). Впервые термин *система* в определенном лингвистическом смысле был применен, как известно, Ф. де Соссюром, однако и он находил возможным употреблять наряду с наименованием *система* его синонимы *механизм*, *организм* и *структура* (7, с.680, 681, 684, 685). В языкознании наших дней, при ясно выраженном стремлении языковедов упорядочить употребление термина *система*, разнобой в его истолковании по-прежнему велик, ср., напр. (8, с.412-413) и (9, с.390). По этому поводу М.И. Стеблин-Каменский в свое время остро заметил, что "слово *система* почти превратилось в трудах наших лингвистов в слово, лишенное лексического значения" (10, с.49). Стремление ряда языковедов упорядочить употребление этого термина не увенчалось решительным успехом, так как наряду с субъективными причинами, подвижность лексической семантики и этого слова вызывается объективным стремлением исследователей глубже вникнуть в то свойство языка, которое именуется *системностью*. Так, высказывалось довольно спорное мнение о том, что термин *система (языка)* должен включать в себя и прямо противоположное понятие "антисистема" (11, с.183; 12).

Соответствует научному уровню того времени и неразграничение Куратовым терминов *язык* и *речь*. Развернутое обоснование различать их принадлежит, как известно, Ф. де Соссюру, и в наши дни необходимость такого разграничения разделяется большинством языковедов. Вместе с тем вопрос о соотношении языка и речи в языкознании наших дней все еще остается, по словам Н.А. Слюсаревой, "наименее ясным" (13, с.106).

В частности, слово *язык* употребляется равно в широком смысле (суммирующем значения "совокупность навыков говорения и понимания" и "речь как реализация этих навыков"), равно и в узком ("язык как совокупность навыков говорения и понимания").

Чтобы избежать неразличения этих употреблений, язык в узком смысле (т.е. совокупность навыков говорения и понимания, хранящихся в памяти человека) целесообразно назвать *мнéма* (от древнегреческого μνῆμη [μνῆμα] "память"). За широким же смыслом рассматриваемого слова можно оставить традиционное терминологическое обозначение *язык*.

2. Фонетико-графические термины

азбука
акцент
алфавит
беглый, -ая (звук, буква)
буква
вставка
вставочный, -ая (звук, буква)
выбрасываемый, -ая (звук, буква)
гласный, -ая (звук, буква)
дебелый, -ая (звук, буква)
звук
звуковая мимика
звукоподражание
знак препинания
коренная (буква)
мягкая (буква)
носовой (звук)
письмо
подставной, -ая (слог, буква)
полугласный, -ая (звук, буква)
приставной, -ая (звук, буква)
произношение
прописная (буква)
слог
согласный, -ая (звук, буква)
строчная (буква)
твердая (буква)
тонкий, -ая (звук, буква)
ударение
фонетика
шипящий (звук)

Хотя эта группа терминов (32 единицы) в численном отношении и превосходит предшествующую, удельный вес фонетико-графической терминологии в лингвистических работах И.А. Куратова невелик. Объясняется это прежде всего тем, что его фонетические представления сложились под влиянием лингвистических школ XVIII в., которые в свою очередь базировались на филологических теориях Средневековья и эпохи Возрождения. Последние были ориентированы на латинский и древнегреческий языки, которые применялись и исследовались преимущественно в письменной форме. "Это обстоятельство привело к тому, что звуковая сторона языка оказалась в полном пренебрежении: изучались буквы, а не звуки" (14, с.20).

Фонетико-графическая терминология И.А. Куратова свидетельствует о том, что он ясно сознавал существование в языке звуковых процессов, ср. термины *вставочный (звук)* и *выбрасываемый (звук)*, и тем самым в некоторой степени приближался к компаративному истолкованию звукового строя языка. Однако И.А. Куратову не удалось выйти за пределы чисто количественного восприятия звуковых процессов, увидеть в них качественные и системные изменения фонетического строя. Впрочем, подобное истолкование звуковых явлений в языке было присуще большинству лингвистов вплоть до XX в. Исключение из этого составляли лишь И.А. Бодуэн де Куртенэ и Ф. де Соссюр, системный подход которых к фонологическим процессам получил признание лингвистической общественности только в первые десятилетия XX в.

3. Грамматические термины

аффикс
безличный (глагол)
будущее (время)
будущее (время) простое
будущее (время) сложное
взаимный (глагол)
взаимный (залог)
вид
винительный (падеж)
возвратительный (вид)
возвратное (местоимение)
возвратный (глагол)
возвратный (залог)
вопросительная (частица)
вопросительное (местоимение)
временно́е (числительное)
время
вспомогательная (частица)
вспомогательный (глагол)
второстепенное (слово)
герундий
глагол
грамматика
дательный (падеж)
деепричастие
действительный (залог)
длительный (вид)
дополнительное (слово)
единственное (число)
женский (род)
залог
звательный (падеж)
знаменательное (слово)
изъявительное (наклонение)
именительный (падеж)
имя
инфикс
исходный (падеж)
качественное (прилагательное)
количественное (числительное)
конструкция
косвенный (падеж)
кратное (числительное)
лицо
личное (местоимение)
лишительное (прилагательное)
междометие
местоимение
местоимение-(прилагательное)
местоимение-(существительное)
местоимение-(числительное)
местоименная (частица)
многократный (вид)
множественное (число)
множительное (числительное)
наклонение
наречие [часть речи]
настоящее (время)
начинательный (вид)
неодушевленное (существительное)
неопределенное (местоимение)
неопределенное (наклонение)
неопределенный (вид)
неполное (послеположение)
общий (глагол)
однократный (вид)
окончание
окончательный (вид)
определенное (местоимение)
определительное (слово)
определительный (падеж)
отглагольное (прилагательное)
отдалительный (падеж)
относительное (местоимение) II: 87
относительное (прилагательное)
отрицательная (частица)

отрицательное (спряжение)
отрицательный (глагол)
падеж
повелительное (наклонение)
подлежащее
положительная (степень)
положительное (спряжение)
полуслово
порядок (слов)
порядочное (числительное)
послеполагаемое (наречие) [часть речи]
послеположение
превосходная (степень)
предлог
предложение
предложный (падеж)
префикс
приблизительный (падеж)
придаточное (предложение)
прилагательное
принадлежное (прилагательное)
приставка
притяжательное (местоимение)
притяжательное (прилагательное)
причастие
пропорциональное (числительное)
прошедшее (время)
прямой (падеж)
разделительное (числительное)
род
родительный (падеж)
синтаксис
сказуемое
склонение
словорасположение
служебная (частица)
служебное (слово)
совокупительное (числительное)
сопоставление (слов)
союз
спряжение
сравнительная степень
средний (глагол)
средний (залог)
степень сравнения
страдательный (глагол)
страдательный (залог)
строение грамматическое
суффикс
существительное
указательное (местоимение)
уменьшительная (частица)
ускорительный (вид)
утвердительное (спряжение)
форма
фраза
частица
часть речи
числительное
числительное (прилагательное)
член [артикль]
этимологическая [морфологическая] (форма)
этимология [морфология]

Это наиболее крупная и вместе с тем самая пестрая по своему составу группа лингвистических терминов И.А. Куратова. Наряду с собственно грамматическими обозначениями морфологических и синтаксических явлений здесь можно найти термины общей теории частей речи (*глагол, существительное, прилагательное* и т.п.), термины морфемики, напр. *инфикс, префикс*, а также термины, которые к грамматическим можно отнести лишь при наличии особых контекстуальных условий их употребления, напр. *полуслово, фраза*.

Рассматриваемые термины с учетом их соотнесенности с привлекаемым в работах И.А. Куратова лингвистическим материалом можно разделить на общелингвистические и пермистические. Первые прилагаются Куратовым и к материалу коми языка, и других языков, вторые же - лишь к единицам и явлениям коми языка, отражая его грамматическую специфику. К последним относятся, напр., терминологические обозначения *вспомогательная (частица), послеположение, отдалительный (падеж), отрицательное (спряжение), утвердительное (спряжение)*. По своему количеству такие термины сильно уступают общеграмматическим.

Особенность грамматических терминов И.А. Куратова - определенная недифференцированность наименований синтаксических и морфологических единиц. Так, термины *подлежащее* и *сказуемое* нередко смешиваются Куратовым с обозначениями частей речи и словоформ, ср. следующие наблюдения И.А. Куратова над структурой коми предложения: "То, что зырянские грамотеи должны были назвать родительным падежом, предшествует тому, что у них называется именительным, предмет - отношению его, имя существительное - послеположению (предлогу), имя прилагательное - существительному, наречие - глаголу, все необходимое к объяснению признаков предмета и действия - самому предмету и действию" (3, с.41). Такая особенность вполне соответствует научным воззрениям той эпохи, терминологические пережитки которой сохраняются и в наши дни, ср., напр., терминологическое словосочетание *порядок слов*: синтаксическая корректность последнего, несмотря на его привычность и широкую употребительность, более чем сомнительна.

Одним из самых ходовых в исследованиях И.А. Куратова и вместе с тем наименее отработанных в смысловом отношении является термин *частица*. Обычно И.А. Куратов употребляет этот термин в значении "аффикс", ср., напр.: "Настоящее и прошедшее времена различаются подобозначащими частицами..., первое частицею *а*, второе - *i*..." (3, с.36). Иногда термин *частица* применяется Куратовым для наименования гипотетических словообразовательных морфем, которые он пытается выделить в ряде непроизводных основ, ср.: "*Лолал* [«дыши»] состоит из трех слов: лол «душа, дух», *а* - частицы, усвоящей [придающей] предмету или действию то свойство, которое выражается предшествующим словом, и *л*, обращающей это слово в глагол" (3, с.40). И, наконец, этот термин употребляется И.А. Куратовым в значении "служебное слово в составе аналитической формы", ср.: "В отрицательном спряжении корень глагола остается неизменным и спрягается отрицательная частица, большей частью предшествующая первому" (3, с.37).

Употребление И.А Куратовым наименования *частица* вместо хорошо ему известного термина *аффикс* определяется взглядами Куратова на типо-

логические свойства коми языка. Отстаивая точку зрения, согласно которой коми язык по своим морфологическим свойствам относится к изолирующим, И.А. Куратов противопоставляет его языкам других морфологических типов, и прежде всего тем, для которых показательны аффиксы. Употребление И.А. Куратовым наименования *частица* в значении "наименьшая двуплановая единица языка" объясняется, конечно, и отсутствием в понятийном аппарате лингвистики 3-й четверти XIX в. термина *морфема*, введенного в научный оборот значительно позднее И.А. Бодуэном де Куртенэ.

Термин *этимология* И.А. Куратов вместе с современными ему языковедами употребляет в значении "морфология". Как известно, наименование *морфология* обязано своим появлением в лингвистике Августу Шлейхеру. Находясь под влиянием естественно-научных идей, он перенес этот термин в языкознание из биологии, где он имеет значение "наука, изучающая форму и строение животных и растений".

4. Словообразовательно-лексикографические термины

знаменательное (слово)
значение (сло́ва)
коренное (слово)
корень
лексикография
лексикон
ономатика
ономатическое сходство
первообразное (слово)
производное (слово)
производство (сло́ва)
самостоятельное (слово)
словарь
слово
словопроизведение
сокращение (сло́ва)
составное (слово)
тема [тематический гласный или согласный]
тематическая (буква)
толковый (словарь)

Особенностью этой группы терминов является наличие в ней лексических единиц, которые вышли из современного терминологического употребления. Так, наименования *ономатика* 'словарный состав языка', *ономатическое сходство* 'сходство языков в словарном составе', *производство* (сло́ва) 'словопроизводство' и *словопроизведение* 'то же' отсутствуют в наиболее полном отечественном словаре лингвистических терминов (8), а слово *лексикон* в значении "словарь-книга" отмечено там же как устаревшее (8, с.215). Что касается терминов *первообразное* (*слово*) и *коренное* [*корневое*] (*слово*), то хотя они и отмечены в указанном словаре, вместо них, по данным того же словаря, чаще употребляется термин *первичное слово* (8, с.315-316).

Завершая статью, отметим, что систематизация и анализ лингвистических терминов И.А. Куратова проливают свет не только на индивидуальные

свойства его словоупотребления, но и на некоторые важные черты финно-угорской лингвистической терминологии 3-й четверти XIX в. Главная из них заключается в том, что в этой терминологии отразился переход финно-угристики от подражательного логико-грамматического направления и компаративистики к новому этапу, на котором финно-угроведение стало превращаться в относительно самостоятельную область исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.

2. *Куратов И.А.* Художественной произведениеяс. [Т.1-й]. Сыктывкар, 1939.

3. *Куратов И.А.* Лингвистические работы. [Т.2-й]. Сыктывкар, 1939.

4. *Тираспольский Г.И.* Над рукописями И.А. Куратова. Сыктывкар, 1985.

5. *Гуляев Е.С.* Комментарии к высказываниям И.А. Куратова о языке // Куратовские чтения. Т. 2. Сыктывкар, 1976.

6. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. Т. 30. СПб., 1900.

7. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.

8. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

9. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2.М., 1976.

10. *Стеблин-Каменский М.И.* Спорное в языкознании. Л., 1974.

11. *Будагов Р.А.* Что такое развитие и совершенствование языка? М., 1977.

12. *Маковский М.М.* Системность и асистемность в языке. М., 1980.

13. *Слюсарева Н.А.* Язык и речь - пространство и время // Теория языка, англистика, кельтология. М., 1976.

14. *Звегинцев В.А.* История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. ч.1-я. М., 1960.

Gennady Tiraspolsky

I.A. KURATOV'S LINGUISTIC TERMINOLOGY

Komi poet and enlightener I.A. Kuratov greatly contributed to the development of Finno-Ugric linguistic terminology. Terms mentioned in his linguistic works are devided into following groups: 1) general linguistic 2) phonetic-morphological 3) grammatical 4) word-building - lexicographical. Their systematization and analysis made in the article throw light not only on the individual features of Kuratov's usage of words but also on some important features of Finno-Ugric linguistic terminology of the third quarter of the XIX th century. The main of them consists in the fact that in this terminology the transition of Finno-Ugric study from imitative logical-grammatical direction and comparative analysis to a new stage when study of Finno-Ugric turns into relatively independent field of investigation.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Александра Ким
Томск

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЗНАЧЕНИЯ "ДУША" В ПРАУРАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Религия является одной из древних, универсальных и значительных сфер общественной жизни. Естественно, что она представлена языковыми символами, поскольку в лексическом составе языка находит отражение вся та "физическая и социальная среда", в которой существует человек (1, с. 272). Изучение лексического аспекта религиозных представлений является весьма перспективным для пополнения знаний о духовной культуре уральских народов.

В лексике уральцев слово 'душа' в значении, соответствующем христианскому, отсутствует. Для выражения понятия "душа" используется лексическое поле, состоящее из целого ряда элементов. За каждым из них тянутся обширные концептуальные значения, и их перевод не может быть однозначным в контексте разных речевых высказываний. В речи довольно большой круг слов ассоциируется с русским словом 'душа'. Приведу лишь несколько примеров из различных уральских языков. В венгерском языке к терминологии для понятия "душа" можно отнести *elme*, *lélek*, *sziv*, *jonh*, *iz* (2). Нганасаны могут перевести на русский язык как 'душа' глаза (**сеймы**), мозг (**дие**), сердце (**сэ**), кровь (**кам**), дыхание (**бачӱ**) и другие слова в соответствующем контексте (3, с. 52-58). У селькупов в комплекс сложной "души" обычно включается дыхание (**кейты**), тень (**тика**) и так называемая жизненность (**ильсат**) (4, с.120).

В своем сообщении я остановлюсь на прауральском термине **waimɜ/ *wajŋe*, который можно связать с понятием 'душа', и введу данные самодийских языков, способствующие раскрытию его значения.

В лингвистической литературе имеется две реконструкции:

1) Реконструкция, предложенная К. Редеи, -**waimɜ* 'Herz' на основе финского, эстонского, саамского, мордовского языков, причем значение "сердце" фиксируется лишь в одном диалекте саамского. В мордовском

языке (лексема **ojme**) представлены значения "дыхание"; "дух, душа (душа-дыхание)" (Atem; Geist, Seele, Hauchseele), сходное значение имеется и в эстонском языке (лексема **vaim**) - "дух, душа, чувство, восприятие" (Geist, Seele, Gefühl, Empfindung). Саамские данные Lapp.N (**vuoi'gŋâ** 'spirit') и данные самодийских языков (селькупское **kwej** 'Seele') К. Редеи исключает из этого этимологического ряда ввиду инлаутного **jn* (5, s. 809-810).

2) Реконструкция, содержащаяся в работе А.Ю. Айхенвальда, В.Я. Петрухина, Е.А. Хелимского (6, с.190), - **wajŋe / *waimɜ* 'душа-дыхание'. В этимологическом ряду данной реконструкции содержатся сделанные К. Редеи исключения. Кстати, эта точка зрения не расходится с содержанием словарной статьи в "Этимологическом словаре уральских языков" Б. Коллиндера (7, s. 68). Возможности чередования **m / n** в системе самодийских падежных формантов рассматривались А. Кюннапом, А. Йоки, И. Шебештьен, Э. Беккер (см. 8, с.41-43).

Во всех самодийских языках представлены лексемы анализируемого этимологического ряда и Ю. Янхуненом реконструирована прасамодийская основа **wäjŋ-* 'дыхание, душа' (9, s. 173).

Рассмотрим самодийские лексемы в этнокультурном контексте.

В селькупском лексема, восходящая к прасамодийской **wäjŋ-*, представлена в словаре М.А. Кастрена в следующих диалектных вариантах: kuei N, Jel, B, Tas, Kar; kuai OO; kuaji NP и имеет значение "душа" (10). В материалах Григоровского (кетская группа селькупов) слово **квай /квой** имеет более широкий спектр значений: "дух", "дыхание", "душа", "воздух". Ср. **квояргу** 'дышать' (11, s. 81). В примере, зафиксированном К. Доннером в начале века, это слово связано с культовым предметом - шаманским бубном: **nuuŋaagən kwejt** t'äŋku - в бубне духа (его) нет (12, p. 373).

В языке тазовских селькупов отмечается еще значение "пар", например: na ütil' kejit orintisä 'mit der Kraft dieses Wasserdampfes'; ütit kejitsä gentitil' qagli 'Lokomotive (eig. der mit Wasser-Dampf-fahrende-Schlitten)' (13, s. 88).

В записях селькупских текстов нашего времени слово *qwej* в значении "душа", "дух" используется в основном в религиозном контексте христианского содержания, например: НС qup qwej nomńe waz'éc'qun 'человечья душа к богу улетает'; УО qwə̀jəb čandʒiŋ 'дух (мой) вышел'. Большинство примеров с этим словом отражают значение "дыхание" / "дух": НС qwə́jo͞w t'abortét 'дух мой захватывает': manàn t'àbət qwajówim 'у меня захватило дух': СТС qwajməsəm t'àbəkůt 'у меня дыхания нет'.

Слово *qwej* зафиксировано в языке нарымских селькупов в качестве географического термина. Именно так селькупы именовали р. Обь. Для этого термина приводится исходное значение "душа", что видимо, связано с поч-

тительным отношением селькупов к главной водной артерии всего региона (14, с. 12). Не противоречит этому объяснению и другое основание использования слова *qwej / qwaj* в качестве географического термина: как душа-дыхание или дыхание входило в жизненный цикл селькупов, так и река представляла жизненно важный объект среднего мира. В экспедиционных материалах 60-80-х гг. слово *qwej* используется для обозначения любой реки и полностью совпадает по форме со словом *qwej* "дыхание" или его дериватами ср.: СТС tep qursa qursa i qwaimdə ud'ərəbat 'он бежал, бежал и задержал дыхание'; man qwajarnán sapkán 'я дышу легко'; qwatše amdə qwajn kögən 'город (Томск) стоит на краю реки'; НС paraxod tsaŽaŋ taŋ kut'eŋ ulquj qwáj 'пароход идет на низ, где ледяная река (т.е. Северный Ледовитый океан)'; qwaj qórjŋ jeŋ 'река глубокая'; УО kwej 'плес'; kwej 'вздох', 'одышка'.

Рискну высказать предположение, что с этой же производящей основой (**wэ-*) связаны еще некоторые слова, охватывающие две семантические доминанты: 1) некоторое обжитое пространство (двор), 2) движение в пространстве. Приведем соответствующие примеры: 1) СТС nu i qüntla wes nil'z'iŋ ondjt qwájaγэntэt sérnat 'ну и лошади так в свой двор вошли'; НС t táŭ pom ŭgəlgù k'er'eg'eŋ qwajánt 'эту лесину затащить хочу во двор; 2) НС qwaim tügu ker'eg'eŋ štop qwál ik qwajní qwájgjndō 'реку закрыть надо, чтобы рыба из реки не вышла'; ßes tšótšul' qwajálŽэkuk 'всю землю облететь надо'; mazjm qwajálŽэku 'меня обступить'. По-видимому, данные лексемы можно возвести к прасамодийским **wəjâ* - 'переезжать', **wəjərâ* 'перевозить' (9, s. 169).

Интерпретация семантической взаимосвязи всех лексем представляется следующей: пространство (обжитое: местность, двор) - Обь (или вообще любая река как часть обжитого пространства) - движение в пространстве - дыхание (как вид движения и признак жизни) - душа (как неотъемлемая часть жизнедеятельности человека).

Косвенное подтверждение такой интерпретации мы находим в некоторых традициях селькупов. Прежде всего в погребальной обрядности:

во-первых, подвижность являлась критерием в различении живого-неживого, поэтому при захоронении селькупы руководствовались в основном подвижностью тела. Возможно, дыхание ассоциировалось с подвижностью и свидетельствовало о жизни;

во-вторых, сама душа-дыхание являлась в представлении селькупов динамичной - с возрастом менялась, делалась короче. Говорят, что у молодых *квэев тюмб* 'душа длинная', а у старых *квэев паука* 'душа короткая' (15, с. 357);

в-третьих, все живые и умершие обязательно включались в освоенное пространство - "были обитателями одной округи" (16, с. 48).

Наиболее интересный материал относительно исследуемой лексемы предлагает тымский ареал. Помимо обычных для данной основы значений здесь она вошла в целый комплекс слов, связанных с религиозными представлениями: 1) *варгы кувей* - букв. 'большая душа', т.е. основная, главная душа человека, обитающая в его теле (семантика этого сочетания раскрывается из функции этой души, как основной, руководящей всеми остальными душами человека); 2) *коп поджегыл тэргу кувей* (*куп* 'человек'; *пуджегыл* < *пудж* 'пустота/внутренность', адъективная форма локатива; *тэргу* 'выходить', причастная форма; *кувей* 'душа') или сокращенно *кувтäрге* - букв. 'из человека вышедшая душа' (внутренняя форма сочетания соответствует функции этой души, покидающей вскоре после рождения тело человека и поселяющейся в семейном или родовом культовом амбарчике под защитой различных духов природы или духов-тотемов для того, чтобы быть посредницей между ними и 'большой душой' человека); 3) *кувалоз* (*кувей* 'душа' + *лоз* 'дух') - материализация *кувтäрге* (это своеобразный двойник человека, которого вырезали обычно из дерева и помещали в культовый амбарчик); по-другому интерпретирует этот термин Г.И. Пелих - *кувалоз* она связывает со стреловидными фигурками и само название понимает как "стрела" (17, с.64); 4) *квударгу/кодаргу/кударгу/кутаргу* 'дух, глава семейных духов в семейном культовом амбарчике' *кударгу ал'джегат/кодаргу эмата* - 'хозяйка/жена кударгу'; *кударгун йды/кударгун йда* - 'сын хозяина кударгу'; *кударгун неды/кодаргет нјейда* - 'дочь кударгу'; *кутаргу тојменды* - 'самый младший сын кударгу'(18, с. 78; 19, с. 61-62); 5) кударгу - это также шаман, "в руках которого сосредоточена вся магическая сила", позволяющая самостоятельно совершать религиозные акты (18, с.78).

Сведения о душе-qwej у селькупов коррелируют с данными других самодийцев.

Камасинское слово mā̀i̯e/mā̀i̯ə/mā̀i̯ə трактуется в словаре К.Доннера как "душа, пар, дыхание" (Seele, Dunst, Atem) (20, s. 37).

Нганасанское слово bačü', bait'u' еще М.А. Кастрен перевел как "душа" (Seele) (10, s. 279). Это слово используется в выражении *бачю' кэхаи э*, которое переводится как "душа отделилась", букв. 'дыхание порвалось' (21, с.174). Иногда в контексте слово *бачӯ* может почти равнозначно заменяться словом "жизнь": *бачӯ комад'ӧ* '(он ему) жизнь спас' (3, с.58). Более распространенным является значение "дыхание": *бачe* 'дышать'; *бачебсан* 'дыхание'; *бачебсанӯ* 'использовать для дыхания' (22). По мнению А.А. Попова, *бачӯ'о* можно перевести и как "пар" (23, с.102).

Энецкое béddu', b'é'ddu, bedu' имеет значения "душа", "дыхание" (10; 24, с.206; 25, s.32). В экспедиционных материалах из пос. Потапово (диалект бай) встретилась форма *пуʸытуч* 'дышать', *мод' пуʸытуна* 'я дышу'.

Ненецкое jind' встречается в аналогичных значениях: "душа", "воздух", "пар" (10). Более детально рассмотрены значения этого слова в ненецко-русском словаре Н.М. Терещенко: *индцялма* 1) прекращение, остановка дыхания, 2) перен. гибель, погибель, смерть; *инд''(д)* 1) дыхание :индта мадарй'' 'у него оборвалось дыхание', 2) вздох, 3) пар (от дыхания, от кипения), 4) испарение, 5) умирать, душа, жизнь: *индта хая* 'он умер'; екар'' н,амгэхэд индта пербата 'не знаю, в чем только душа у него держится'; харто' индакартадо' ницъ сяй'' ' они не пожалели даже своей жизни'; инд''лаха 1) подобный пару, парообразный, 2) б.-з. тонкий, легкий (26).

В диалекте лесных ненцев это слово встретилось в значении "дыхание" - ß'int(') (27).

Душа-дыхание локализовалась в различных частях человеческого организма и вне его.

Энцы "размещали" ее в грудной клетке и части живота. Эта душа уходила в верхний мир после смерти человека, покидая тело через рот или через живот (в случае ранения или при вскрытии) (24, с.206).

По представлению нганасан, в период всей жизни человека душа-дыхание "живет" в сердце (3, с.62).

По данным тымских селькупов, душа *варгы кувей* обитает в области сердца или лба, а душа *кувтäрге* - в материализованном двойнике человека - *кувалоз* (19, с.61).

Несмотря на то, что душу принято считать нематериальной субстанцией, антропологические данные позволяют говорить о своеобразной модели для души-qwej. Моделирование души-дыхания дает возможность воспринимать ее зрительно.

Так, у нганасан душа-дыхание моделируется в нитях, солнечном луче, паре: называя нить при разговоре по-русски, также применяют слово "душа", например, "мягкая у него была душа", т.е. нить была непрочной. Нити связывают человека с солнцем-матерью. Под влиянием солнца дыхание крепнет. Нити отождествляются с лучом *диЗар*, с дыханием *бачу*. Это же название *бачу* носит и пар, который выходит изо рта человека во время дыхания (3, с. 59).

Представление о душе-дыхании могло возникнуть из зрительного впечатления, получаемого от выходящего изо рта пара, холодного воздуха, улетучивающегося вверх (27, с.32). Именно эти представления и легли в основу описанных моделей.

У селькупов душа-дыхание, именно, *кувалоз* (букв, 'душа-дух') воплощается в специально изготовленных фигурках, соответствующих конкретным людям. Эти фигурки могли быть металлическими или деревянными, они характеризовались соответствующими признаками пола, а нередко передавали некоторую схожесть с объектом (18, с.73).

Как свидетельствуют комплексные гуманитарные исследования, более ранний пласт представлений самодийцев о человеке вполне обходится без такого понятия, как "душа", "дух". Все то, что в понимании современных индоевропейцев относится к духовной деятельности человека, к идеальному, у большинства самодийцев еще недавно, а у некоторых до сих пор выступает в материальных качествах, предметах, изображениях, к которым приложимо любое материальное действие. Все функционально важные для жизни органы (или функции) человека (в том числе и дыхание или душа-дыхание) могут быть смоделированы в "материале" или мысленно (3, с.74). Наличие моделирования само за себя свидетельствует об овеществлении, материализации жизненно важного компонента.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Следует констатировать единообразие значений самодийских слов, восходящих к прауральскому **wajŋe/*wajmɜ*: "душа", "дыхание", "дух", "пар". Принимая во внимание данные эстонского и мордовского языков, следует отметить доминирование этих значений в уральском этимологическом гнезде.

2. Располагая значения в порядке их возможного возникновения в различных самодийских языках, необходимо остановиться на следующей очередности: "дыхание"/"пар"/"воздух" > "душа"/"дух". Этот порядок не противоречит тезису, сформулированному М.А. Бородиной, В.Г. Гаком: "Наименее четкими границами обладают номинаты, относящиеся к продуктам духовной жизни людей. Их наименования вторичны, они исторически перенесены с названий объективного материального мира, независимого от человека" (29, с.9).

3. Различие значений слов, развившихся из прауральской основы **wajmɜ/ *wajŋe*, позволяет считать, что прауральцы знали нечто конкретное, связанное с живым организмом: "женщина" (финск.), "душа" (эст.), "сердце", "живот" (саам.), "живое существо" (морд.), "дыхание" (морд., самод.) (5, s. 809). Понятие души формировалось на базе данной лексемы в постуральский период. Об этом свидетельствуют приведенные самодийские данные: разнообразие локализации души-дыхания у отдельных самодийских народов, а также различные способы ее моделирования. Данный вывод подтверждает мнение о том, что в лексическом слое уральского происхождения не обнаруживается следов шаманства, духовной жизни, культа предков (30, с. 411).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

2. *Büky B.* Hungarian terminology for soul and related concepts // Uralic mythology and Folklore. Budapest-Helsinki, 1989.

3. *Грачева Н.Г.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л.: Наука, 1983.

4. *Прокофьева Е.Д.* Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.

5. *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Budapest,1988.

6. *Айхенвальд А.Ю., Петрухин В.Я., Хелимский Е.А.* К реконструкции мифологических представлений финно-угорских народов // Балто-славянские исследования. М.: Наука, 1981.

7. *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. Stockholm, 1955.

8. *Беккер Э.Г.* Категория падежа в селькупском языке. Томск, 1978.

9. *Janhunen J.* Samojedischer Wortschats. Helsinki, 1977.

10. *Castrén M.A.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. -Petersburg, 1855.

11.*Helimski E.* The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1983.

12. *Joki A.J.* Notes on Selkup shamanism // Shamanism in Siberia. Budapest, 1978.

13. *Erdely I.* Selkupisches Wörterverzeichnis. Tas-Dialekt. Budapest,1969.

14. *Малолетко А.М.* Палеотопонимика. Томск: ТГУ, 1992.

15. *Кулемзин В.М.* Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVIII-XX вв. Селькупы // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Том 2. Мир реальный и потусторонний. Томск: ТГУ, 1994.

16. *Головнев А.В.* Селькупское толкование пространства // Уральская мифология. Международный симпозиум. Тезисы. Сыктывкар, 1992.

17. *Пелих Г.И.* Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980.

18. *Ураев Р.А.* Материалы к шаманизму тымских селькупов // Труды Томского гос. объединенного историко-архитектурного музея. Томск, 1994.

19. *Ким А.А.* Томский этнограф Р.А. Ураев о функционировании системы душ у тымских селькупов // Сибирские чтения. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 1992.

20. Kai Donners Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzugen der Grammatik bearbeitet und herausgegeben von A.J. Joki. Helsinki, 1944.

21. *Ламбер Жан-Люк.* Дочь Солнца для нганасанского шамана // Таймырский этнолингвистический сборник. Москва: РГГУ, 1994.

22. *Костеркина Н., Хелимский Е.* Малые камлания большого шамана // Таймырский этнолингвистический сборник. Москва: РГГУ, 1994.

23. *Попов А.И.* Тавгийцы. М.-Л., 1936.

24. *Прокофьева Е.Д.* Материалы по религиозным представлениям энцев // СМАЭ. Т. 14, Л., 1953.

25. *Katzschmann M., Pusztay J.* Jenissej-Samojedisches (Enzisches) Wörterverzeichnis, Hamburg, 1978.

26. *Терещенко Н.М.* Ненецко-русский словарь. М.: Энциклопедия, 1965.

27. *Попова Я.Н.* Ненецко-русский словарь. Лесное наречие. Szeged, 1978.

28. *Попов А.А.* Душа и смерть по воззрениям нганасанов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.

29. *Бородина М.А., Гак В.Г.* К типологии и методике историко-семантических исследований. Л.: Наука, 1979.

30. Основы финно-угорского языкознания. М., 1974.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ МАРИЙСКИХ СЛОВ

Имне 'лошадь'

О происхождении слова *имне* 'лошадь' в марийском языке существует в настоящее время несколько точек зрения. Финский ученый Ю. Вихман это слово сравнил с монгольским *emnig* 'дикий, неукрощенный, необъезженный (о лошади)'(1, s. 51). За Ю. Вихманом его соотечественник Г. Рамстедт в своем словаре калмыцкого языка калмыцкому слову *elmag, emnəg* 'wild ungebändigt (von Pferden)' приводит как соответствие марийскому горн. *imn'i* 'лошадь' и алтайскому *ämdik* и считает марийское слово тюркским заимствованием (2, s. 120-121). Далее немецкий ученый О. Прицак в своем труде о древней Булгарии и протобулгарском языке высказал мнение о том, что марийское слово *имне* 'лошадь' заимствовано из булгарского, т.е. древнечувашского языка (3, s. 68). Другой финский ученый М. Рясянен с мнением О. Прицака полностью соглашается (4, s. 43). Более подробно об этом слове, правда без упоминания марийского и чувашского языков, еще раньше писал Х. Паасонен. Он отмечал, что в самодийских языках это слово тюркского происхождения (камас. *инэ*, ненец. *юно*, селькуп. *чӧнд, тъунд*, нганасан. *юнта*, кетс. *юда* 'лошадь' праформа **junta~junto*) (5, s. 90, 269). Использовав данные Х. Паасонена и Т. Лехтисало, А. Йоки для камасинского языка восстанавливает развитие этого слова, начиная с праформы: **jüntä > *jünä > *jinä > *tnä*, для монгольского он восстанавливает праформу **jondu*, а дотюркской он считает формы **juntu, *junto*? (6, s. 138). И.Добродомов посвятил специальную статью этому слову под названием "К этимологии марийского названия лошади" и пишет, что марийское слово *имне* 'лошадь' является одним из старых чувашских заимствований, которое в древнечувашском языке звучало как **имне*, где произошло ассимилятивное изменение *-мл- > -мн-* вследствие ранней деэтимологизации его (7, с. 254). Древнечувашское слово **имне*, по мнению И. Добродомова, яв-

ляется не чем иным, как тем же словом, которое имеется в тюркских и монгольских языках со значением 'дикий, неукрощенный, необъезженный', хотя и для такого вывода есть ряд трудностей: 1) семантическая, 2) географическая, 3) фонетическая (7, с. 253).

Автор статьи весьма легко преодолевает эти трудности. Действительно, если семантика 'дикий, неукрощенный, необъезженный' сначала относилась к молодой лошади, сосунку, то она вполне могла в дальнейшем с молодой неукрощенной лошади перейти к укрощенной. А затем вообще стать общим названием лошадей. Такая возможность вполне естественна.

Трудность географическая тоже легко преодолима, ибо сопоставлять факты отдаленных языков не только можно, но и нужно, если мы занимаемся историко-этимологическим исследованием. Иногда именно отдаленные языки, не имевшие прямых тесных контактов с исследуемым языком современности, могут дать очень важные и убедительные факты для восстановления древнейшего состояния той или иной стороны современного языка.

Что же касается трудности фонетической, то И. Добродомов в данном случае, ссылаясь на М. Рясянена, утверждает, что в чувашском языке в конце слова заднеязычный согласный **γ, * к (g)* в отличие от других тюркских языков отпал. В марийский язык такие слова были заимствованы уже без конечного заднеязычного согласного, которых М. Рясянен насчитывает около 30 (8, s. 26).

Исходя из всего сказанного, И. Добродомов приходит к заключению, что "в марийский язык слово *имне* попало из монгольских языков, которые сами заимствовали его из тюркских, но от таких тюрков, в языке которых происходит регулярная утрата заднеязычного согласного. Этот язык должен был иметь контакт с марийским языком и передать ему свое наименование лошади. Таким языком мог быть древнечувашский язык волжско-камских булгаров, в котором слову *эмлик, эмник* других тюркских языков должна была соответствовать форма **имне*" (7, с.254).

Действительно, как отмечает М. Федотов, в чувашском языке в VIII-IX вв. древнетюркский *-g, -k* в конце слова отпал, о чем свидетельствуют булгаро-чувашские заимствования в финно-угорских языках, ср. чув. *пăрçа* > мар. *пурса, пырса*, венг. *borsó*, тат. *борчак*, и др. (9, с. 43). Но верно и то, что в чувашском языке общетюркский *-lĭk/ -lik* сохранился в виде *-lăx/ -lĕx*, этимология которого окончательно до сих пор не установлена (10, с. 128; 11, с. 11-12). Кроме того, в чувашском языке не происходит перехода согласного *-л-* суффикса *-lăx/ -lĕx* в согласный *-н-* после согласного *-м-*, например: *темлĕх* 'годный неизвестно на что' (12, с. 52).

Поэтому, несмотря на большую правдоподобность доводов И. Добродомова, на наш взгляд, их можно отвести и высказать другую точку зрения, если этот вопрос рассмотреть комплексно с учетом данных археологии.

По данным археологии, самой древней находкой домашней лошади в Марийском крае являются костные остатки из Виловатовской энеолитической стоянки (13, с.69-70). Это говорит о том, что уже в IV-III тысячелетии до нашей эры люди, населявшие эту территорию, знали лошадь. С энеолитического периода до настоящего времени лошадь с территории Марийского края не исчезает, о чем говорят археологические находки в памятниках эпох бронзы, раннего железа и I и II тыс. н.э. (13, с. 69), не говоря, конечно, о современности. Если население края занималось скотоводством и в числе домашних животных была лошадь, то, естественно, у него для ее наименования было какое-то слово.

А каким оно было в действительности, сейчас восстановить очень трудно, но возможно. Мнение И. Добродомова нами подвергается сомнению еще и потому, что по данным археологии в домонгольском остеологическом материале из городов Волжской Булгарии значителен процент костей лошади "лесного" типа, что объясняется, по ее мнению, контактами Волжской Булгарии с Русью, а также с финно-угорским населением северных лесных районов, а сами же раннебулгарские лошади ближе к аборигенным лошадям Западного Казахстана, Хорезма, а также к скифским лошадям Причерноморья (13, с. 95, 106, 107). Значит, финно-угры, в том числе и марийцы, пользовались лошадью до прихода на их землю волжских булгар. Исходя из этого, можно смело полагать, что древние марийцы имели свое слово для наименования лошади, которым и являлось слово *имне* 'лошадь'.

Подтверждением этому служит наличие подобных слов в самодийских языках: ср. камас. *инэ* 'лошадь', ненец. *юно* 'лошадь'. По-видимому, в уральских языках существовало другое тюркское слово для наименования "лесной" лошади, ср. древнетюркское *jund* 'лошадь'. Нам трудно сейчас судить, какую именно лошадь или животное означало это слово в конкретных языках, ибо древние люди, сообразуясь с природными условиями, для езды использовали различных животных. Не случайно в современных финно-угорских языках названия лошади этимологически обозначают различных животных. Так, в пермских языках: коми *вӧв (вӧл)* 'лошадь, конь', удм. *вал* 'лошадь, конь', в марийском это же слово относится только к кобыле: *вӱльӧ* 'кобыла', в обско-угорских языках оно относится к оленю: манс. *wuli* 'северный олень', хант. *вэли* 'олень'. В эрзя-мордовском языке для наименования лошади употребляются два слова: *лишме и алаша*. Слово *лишме* этимологически находит корни в прибалтийско-финских языках, но уже с другим значением, ср. фин. *lehmä* 'корова', эст. *lehm* 'корова'. Что же каса-

ется слова *алаша*, то оно несомненно заимствовано эрзянским языком из татарского, ср. тат. *алаша* 'мерин' (лошадь). В марийский язык слово *алаша* 'лошадь' вошло из татарского языка только со значением "мерин" (14, с.82; 15, с. 119; 16, s.20).

Парча 'макушка, верхушка (дерева)'

В современных марийских диалектах это слово имеет варианты как фонетические, так и семантические, ср. луг. морк.-серн. *парча* 'макушка (дерева, кустарника, злаковых)', волжск. *парча* 'кисть (ягод)', 'сережки(на деревьях)', 'мелкие ветки', 'колос'; вост. мишк. *парча* 'мелкие висящие ветки березы', 'маковка (дерева)', горн. *пӓрцӓ* 'ветви с почками (у деревьев, кустарников)', 'почечная часть ветвей дерева, а также просто ветви дерева'; северо-зап. *пӓрцӓ* 'верхушка (деревьев)'.

В современных финно-угорских и самодийских языках мы обнаружили слова, которые, хотя и по своей семантике отличаются от марийского слова, на наш взгляд, вполне можно считать едиными по своему происхождению.

А. Туркин, рассматривая происхождение названия села *Парч* в Усть-Куломском районе Республики Коми, приходит к заключению, что оно восходит к коми слову *парч* 'гора, возвышенность'. Для доказательства своего положения он приводит описание расположения этого села Б. Безсоновым: "Здесь правый берег опять стал гористым и по гребням этих гор с увалами между ними протянулась деревня Парчевская, состоящая из трех: Кывтыд Парча, Шӧр Парча и Катыд Парча "верхняя, средняя и нижняя". Все на вершинах холмов, а между ними увалы, в общем одна очень длинная деревня" (17, с.86). В ненецком языке есть слова *пирця* 'высокий' , *пирця я* 'возвышенность' (18, с.39, 54).

Понятия "возвышенность, вершина холма, горы" и "верхушка, макушка (дерева)" вполне совместимы, если учесть, что само понятие горы, возвышенности в финно-угорских языках нередко связано с понятием "лес", ибо лес больше растет на возвышенных местах, ср. манс. *вор* 'лес', мар. *вар-ыш* 'возвышенность, холм, бугорок', фин. *vaara* 'гора, сопка'. Иногда даже одним и тем же словом может выражаться как понятие "возвышенность", так и понятие "лес", ср. коми *парма* 'ельник на высоком месте; девственный лес, возвышенность'.

По-видимому, в марийском слове произошел перенос значения с "вершины, верхушки, макушки возвышенности, холма" на "верхушку, макушку (растущих там деревьев)". В марийском языке это слово, скорее всего, является пермским субстратом, оставшимся от предков коми, проживавших на данной территории и смешавшихся с пришедшими сюда предками мари.

Слово само по себе, на наш взгляд, не финно-угорское. Оно вошло в финно-угорские языки из индоевропейских. В ненецком языке оно, очевидно, является древнеиндоевропейским заимствованием, ср. авест. *barazah* 'высота', др.-инд. *brhant* 'великий, высокий'. В. Абаев древнеиндоевропейскую форму этого слова восстанавливает в виде **bhergh* 'возвышаться' (19, с.254).

В древнекоми язык это слово вошло из иранских языков, ср. курд.*barz*, тал. *barz* "высокий, высоко", осет. *barz* "куча, возвышение, курган"; дигор. *bärz* "тж" (19, с. 238-239).

Говорить о прямом заимствовании рассматриваемого слова древнемарийским языком из иранских, по нашему мнению, нельзя даже из-за его семантики.

Тива 'пара'

В деревне Якайсола Советского района Республики Марий Эл нами записано выражение *тива дене* 'парами, попарно', где *тива* 'пара'. Это выражение употребляется в речи старшего поколения при счете ниток и др. попарно.

Здесь явно русское числительное два "2" преобразилось в *тива* и приобрело значение 'пара'.

Ломаш 'жердь'

Рассматриваемое слово имеет несколько диалектных вариантов: луг. *ломаш, ловакш, номакш* 'жердь' (20, с.15), вост. *номаш* (21, s. 77), *намаш* 'жердь' (22, с. 75), северо-зап. *ломакш* 'жердь' (23, с.111).

Х. Паасонен марийское слово сравнивает с хантыйским *ńетэš, п'этэč* 'палочка' (21, s. 77). Н. Терешкин это слово переводит как 'клиновидный инструмент из кости или дерева для разделывания крапивы' (24, с.322). Составители финского этимологического словаря его под вопросом сравнивают с финским *lammuke* 'грядки саней' (25, с.273).

Однако, на наш взгляд, как сравнение Х. Паасонена, так и составителей финского этимологического словаря, вряд ли верно, ибо фонетически трудно найти объяснение такому соответствию, когда в хантыйском языке в первом слоге выступает гласный *-е-*, а в марийском *-а-* или *-о-*. Скорее всего марийское слово не одного происхождения с хантыйским, ему соответствия в родственных языках пока не найдено. Исходя из диалектных вариантов рассматриваемого слова, его древнемарийскую форму можно восстановить в виде **ломакш*.

Чередование начального *-н-* и *-л-* для марийского языка не чуждо, ср. *нӧлпӧ, лӧлпӧ* 'ольха'. Первоначальный гласный корня *-а-* диалектально закономерно перешел в *-о-*, ср. горн. *кандаш*, луг. *кондаш* 'принести' . Конечный элемент *-ш, -кш* является словообразовательным суффиксом со значением 'предназначенный для чего-либо',ср. луг. *йолаш, йолакш*, горн. *ялаш*, северо-зап. *ялакш* 'штаны'. Чередование согласных *-в-* и *-м-* также закономерно, ср. *мыньык, выньык* 'венчик'.

Что обозначал корень *лам-, лов- лом-*, весьма трудно сказать, но предположить можно. Возможно, это слово обозначало "загон для скота или лошадей". Если нам учесть, что в угорских языках для наименования лошади употребляется подобное слово до сих пор, ср. манс *лув, ло* 'лошадь' (26, с. 47), венг. *ló* 'лошадь' (27, с.435), хант. *law* 'лошадь' (24, с.210), то наше предположение становится весьма правдоподобным. Древнемарийской формой этого корня было, очевидно, **лов*.

В акающих диалектах, надо полагать, это слово позднее получило форму *лам-, нам-*. Об этом говорят также примеры как мар. луг. *шокташ,* горн. *шакташ* 'звучать, играть (на музыкальном инструменте)', ср. фин. *soida* 'звучать, звенеть' (28, s. 1056), мар. луг. *шондо* 'моча'; горн. *шанды* 'туалет', ср. луг *шондан* 'туалет', где *-ан* суффикс имени прилагательного, ср. *лум* 'снег' - *луман* 'снежный, заснеженный, со снегом'.

Что же касается хантыйского слова *петэš, п'этэč* 'палочка', то оно другого происхождения, его нужно сравнить с другим марийским словом луг. *нымыште* (29, с.212), горн. *немешты, неместы* (30, с.100), северо-зап. *немешты* 'молодая липа' (23, с.137). В марийском слове конечный элемент *-те* является словообразовательным суффиксом.

Очевидно, первоначально и марийское слово обозначало палку. После того, как в марийский язык вошли чувашские слова *тоя* 'палка', ср. чув. *туя, тоя* 'палка' (31, с.253), *вара* 'шест', ср. чув. *вара* 'стожар' (31, с. 175), слово *нымыште* приобрело новое значение. Об этом свидетельствует его употребление рядом с чувашским *вара* 'стожар', так же как *шонго карта* 'старик', где вместе употребляются марийское *шонго* 'старый' и татарское *карта* 'старый'.

Сокращения языков и диалектов:

Авест. - авестийский, *венг.* - венгерский, *вост.* - восточное наречие марийского языка, *горн.* - горное наречие марийского языка, *дигор.* - дигорский диалект осетинского языка, *др.-инд.* - древнеиндийский, *камас.* - камасинский, *кетск.* - кетский, *курд.* - курдский, *луг.* - луговое наречие марийского языка, *манс.* - мансийский, *мар.* - марийский, *мишк.* - мишкинский говор восточного наречия марийского языка, *моркс.-серн.* - моркинско-сернурский говор лугового наречия марийского языка, *нганасан.* - нганасанский, *осет.* - осетинский, *северо-зап.* - северо-западное

наречие марийского языка, *селькуп.* - селькупский, *тал.* - тальский, *тат.* - татарский, *удм.* - удмуртский, *фин.* - финский, *хант.* - хантыйский, *чув.* - чувашский.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Wihmann Y.* Tscheremissische Texte mit Wörterverzeichis und grammatikalischem Abris. Helsinki, 1923.
2. *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
3. *Pritsak O.* Die Bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden, 1955.
4. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
5. *Paasonen H.* Beiträge zur finnischugrisch-samojedischen Lautgeschichte // Keleti Szemle. XIII-XVII. Budapest, 1917.
6. *Joki A.* Die Lehnwörter das Samojedischen. Helsinki, 1952.
7. *Добродомов И.Г.* К этимологии марийского названия лошади // Советское финно-угроведение, 1970, №4 (VI).
8. *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920.
9. *Федотов М.Р.* История чувашского языка. Звуки. Чебоксары, 1971.
10. *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. Москва, 1976.
11. *Федотов М.Р.* Чувашский язык в семье алтайских языков. III. Чебоксары, 1986.
12. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч.1. Морфология. Чебоксары, 1957.
13. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. Москва, 1984.
14. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т.1. Йошкар-Ола, 1979.
15. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1. Йошкар-Ола, 1989.
16. *Räsänen M.* Die tatatischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1923.
17. *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.
18. *Пырерка А.П., Терещенко Н.М.* Русско-ненецкий словарь. Москва, 1948.
19. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1. М.-Л., 1958.
20. *Троицкий В.П.* Черемисско-русский словарь. Казань, 1894.
21. *Paasonen H.* Ost-tscheremissischen Wörterbuch. Helsinki, 1948.
22. *Эпин С.Г.* Горномарийско-русский словарь. Козьмодемьянск, 1935.
23. *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-ола, 1971.
24. *Терешкин Н.И.* Словарь восточно-хантыйских диалектов. Ленинград, 1981.
25. Suomen kielen etymologinen sanakirja. T. II. Helsinki, 1958.
26. *Баландин А.Н., Вахрушева М.П.* Мансийско-русский словарь. Ленинград, 1958.
27. *Кахана М.* Венгерско-русский словарь. Москва, 1964.
28. Suomen kielen etymologine sanakirja. T. IV. Helsinki, 1969.
29. Марийско-русский словарь. Москва, 1956.
30. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.
31. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск, 1990.

Ivan Galkin

FROM HISTORY OF SOME MARI WORDS

The author maintains in the article that anciant Mari had known the name of horse before the contacts with Volgic Bulgarians in two versions: imne and love. The word parcha "crown of a tree" is of Iranian origin and it has the original meaning of "height", compare with Ossetic barz "heap, height, barrow".

The word tiva "pare" is borrowed from Russian, compare with dva. The word nymyshte "young lime tree" can't be compared with Finnish lammuke "toboggan", it has one root with Khanti nemes "stick".

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Наталья Чешейко
Петрозаводск

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КАРЕЛЬСКИХ НАРОДНЫХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ

Флора во все времена и для всех народов являлась источником целебных средств. Из поколения в поколение в процессе исторического развития велся сбор сведений о том, какие дикорастущие растения являются ядовитыми, а какие пригодными для лечения различных заболеваний. Карелы, жизнь которых всегда была в неразрывном и гармоничном единстве с природой, умели использовать самые обычные растения в целительных целях и готовить из них различные лекарственные препараты: настои, мази, припарки. Многие растения использовались непосредственно, без предварительной обработки, например, листья подорожника или березы поникшей для лечения порезов, небольших ран, мозолей: *Doroguheiniä vai pane d'algah, sid räkki lähtö* (АМ) 'Приложи лишь подорожник к ноге, воспаление и пройдет'; *Rauvuškoivul lehem pan'îma hoavah mi vain šattautu* (АМ) 'Лист "железной березы" клали на рану, какая бы ни случалась'.

Практическое применение растений в народной медицине наложило свой заметный отпечаток на мотивационный аспект номинации флоры в карельском языке. С точки зрения семантики народные наименования растений, мотивированные употреблением в лечебных целях, являются абсолютно "прозрачными", т.е. говорят сами за себя. Атрибутивный компонент таких фитонимов, как правило, соответствует названию заболевания, для лечения которого растение использовалось.

Несмотря на семантическую ясность данной подгруппы флористической лексики карельского языка целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть названия растений более подробно, поскольку в связи с ними предоставляется возможность изложить интересный этнографический материал, собранный в результате диалектологических экспедиций автора и студентов факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского университета в 1990-91 гг., а также в результате изучения архивных материалов

словаря карельского языка в Центре по изучению родных языков Финляндии. Кроме того, в современных условиях вытеснения карельского языка русским языком во всех сферах, даже в быту, назрела необходимость популяризации забываемых народных названий растений, активно употребляемых ранее и ограниченно сейчас в диалектах и говорах на территории республики Карелия.

Названием карС. ***rautaheinä*** - карЮ. ***raudaheinä*** - карЮ. ***rauvanheinä*** - ливв. ***rauduheiny*** - люд. ***raudhein'***, букв. "железная трава", в карельском языке обозначается целый ряд растений: 'подорожник большой' (*Plantago major*), 'тысячелистник обыкн.' (*Achillea millefolium*), 'кипрей узколистный' (*Epilobium angustifolium*), 'белоус обыкн.' (*Nardus stricta*), 'орляк обыкн.' (*Pteridium aquilinum*), 'бедренец камнеломковый' (*Pimpinella saxifraga*), которые используются при лечении порезов, ран, нанесенных острым предметом, в частности, изготовленным из железа: *Siit oli toaš rauvanheinä, pientarissa; ne oli rauvan hoavah hyvät kun šatatti kirvehellä elikkä veičellä* (АМ) 'Потом была еще "железная трава", на обочинах; она была хороша на раны от железа, когда порежешься топором или ножом'. В этих же целях, как ранозаживляющее средство, использовали хвощ зимующий (*Equisetum hyemale*) карС. ***rautakorteh*** - карЮ. ***raudakorteh***, букв. "железный хвощ", также листья березы поникшей или бородавчатой (*Betula pendula*) карС. ***rauvuškoivu*** - карЮ. ***rauvuskoivu*** -карЮ. ***rauviskoivu*** - карЮ. ***raudiaiskoivu***, букв. "железная береза". Подорожник большой (*Plantago maior*) в карельских говорах зачастую называется карС. ***rautalehti*** -карЮ. ***raudalehti***, букв. "железный лист".

КарЮ. ***ägienlehti*** 'лопух большой' (*Arctium lappa*), букв. "жара, воспаления лист" - листья лопуха накладывали на воспаленные ссадины, опухоли, ожоги, раны, "они вытягивали жар из тела" (АМ).

Самые различные опухоли лечили при помощи карС. ***puhallušheinä*** 'многоножка обыкн.' (*Polypodium vulgare*), 'бодяк разнолистный' (*Cirsium helenioides*), 'погремок' (*Rhinanthus sp.*), 'подорожник большой' (*Plantago maior*), букв. "опухоль + трава". Растения предварительно распаривали в воде и накладывали непосредственно на опухоль, или растирали больное место в горячей ванне с запаренными растениями (МДЭ 1990).

КарЮ. ***sorminahkaheinä*** - ливв. ***sorminahkuheiny*** 'колокольчик круглолистный' (*Campanula rotundifolia*), букв. "палец + кожа + трава" - в народной медицине надземной частью колокольчика пользовались как противовоспалительным и болеутоляющим средством, например, при укусах, мозолях и других повреждениях кожи (1, с. 89-91).

КарС., карЮ. ***tuliheinä*** - ливв. ***tuliheiny*** 'щавель длиннолистный' (*Rumex longifolius*), букв. "огонь + трава" - мазью, сваренной из листьев, смазывали ожоги, для лечения воспалительных процессов на вымени коров из кор-

ней растения готовили отвар, которым мыли вымя; из корней растения выжимали сок для смазывания различных опухолей (АМ).

Этим же наименованием *tuliheinä* пользовались в Карелии и для обозначения лютика едкого (*Ranunculus acris*). Однако применяли его не в лечебных целях, а наоборот - для получения легких ожогов с целью избежать, например, призыва в армию. Этот факт зафиксировал финский ботаник Ивар Лиро в брошюре Karjalaisia kasvinnimiä: "В Койвуниеми рассказывали, что если подержать растение одну ночь под рубашкой, то на коже образуются ожоги" (2, с. 26).

КарЮ. ***ailasheinä*** - ливв. ***ailasheiny*** 'герань лесная' (*Geranium sylvaticum*), букв. "боль + трава", карЮ. ***pissošheinä*** - ливв. ***pistosheiny*** 'герань лесная', букв. "боль, укол + трава" - настой надземной части герани лесной употребляли, как правило, для лечения ран, укусов, при болях в боку или сердце: *Ailasheineä otetah Iivanampäiveä vas huondeksel ennem päivän nouzuo,hauvotah päčiz...pannah ailaham peäl* (10, с. 16) 'Боль-траву собирают в канун Иванова дня утром до восхода солнца, парят в печи...кладут на больное место'. Общеизвестно, что согласно народным представлениям, растения, собранные именно в канун Иванова дня, обладают наибольшей целительной силой.

КарЮ. ***kulkkuheihä*** 'зверобой' (*Hypericum sp.*), букв. "горло + трава", ливв. ***kulkkutaudiheiny*** 'ромашка душистая' (*Matricaria discoidea*), букв. "горло + болезнь + трава" - настойку из растений используют для полоскания горла при ангине (МДЭ 1990-91).

КарЮ. ***hikiheinä*** 'подмаренник' (*Galium sp.*), букв. "пот + трава" - настой и отвар употребляли как противовоспалительное и диуретическое средство (АМ).

КарЮ. ***juuriheinä*** 'дрема белая' (*Silene latifolia*), букв. "корень + трава", настой корня которой применялся при тахикардии, ревматизме, болезнях почек (1, с. 47).

Ливв. ***ajosheiny*** 'пельтигера' (*Peltigera sp.*), букв. "нарыв + трава" - пельтигеру, по всей видимости, накладывали непосредственно на нарывы.

Нарывы, фурункулы лечили также зверобоем (*Hypericum sp.*), что нашло отражение в южно-карельском наименовании ***kuzmanpaizeheinä,*** букв. "нарыв, воспаление + трава".

КарЮ. ***kužmoitinkukka***, букв. "нарыва, воспаления цветок" - при ангине, стоматите, гингивите пользовались настоем, приготовленным из цветков колокольчика сборного (*Campanula glomerata*)(1, с.90-91).

КарЮ. ***hivellysheinä*** - ливв. ***hiveldisheiny*** 'линнея северная' (*Linnaea borealis*), букв. "вывих + трава": *Hiveldysheineä keitetäh da kriepitäh jalgah, sit hiveldys kohenou* (10, с. 285) 'Вивих-траву варят и на ногу прикрепляют, потом вывих проходит'.

КарС., карЮ. ***venymäheinä*** - люд. ***ven'uhein'*** 'линнея северная' (*Linnaea borealis*), 'ежеголовка' (*Sparganium sp.*), букв. "растяжение + трава" - при растяжении мышц оборачивали больной участок указанными растениями, распаренными в кипятке (АМ).

КарС. ***pöhöheinä*** 'манжетка обыкн.' (*Alchemilla vulgaris*), букв. "отек, вздутие + трава" - настоем пользовались для лечения заболеваний органов желудочно-кишечного тракта: *Joima ku vaccčoa pöhötti* (МДЭ 1990) 'Пили, когда живот вздувало'.

В этих же целях использовали и сейчас активно используют, в частности при расстройстве желудка, корень лапчатки (*Potentilla sp.*) ливв. ***syväinjuuriheiny***,букв. "внутренние органы, живот + корень + трава": *Syväintaudih pädöy* (АМ) 'От живота помогает'.

Ливв. ***luugriiziheiny*** 'грушанка' (*Pyrola sp.*), букв. "кость + грыжа + трава" - в народной медицине экстракт, приготовленный из надземной части растения, считался эффективным средством для лечения ревматизма (3, с. 362).

Остеомиелит, ревматизм, отеки фаланговых суставов карелы пытались лечить при помощи многих других травянистых растений, таких как манжетка (*Alchemilla sp.*), герань лесная (*Geranium sylvaticum*), вороний глаз четырехлистный (*Paris quadrifolia*). Все эти растения имеют в карельском языке следующие наименования: карЮ. ***roan'iheinä*** - карЮ. ***ruan'iheinä*** - ливв. ***ruan'iheiny***, букв. "остеомиелит, отек суставов + трава". (*Ruan'i on se paha ajos, se ajau n'ivelen kohtah* (АМ) 'Ruan'i - это плохое воспаление, оно появляется на суставах').

Для лечения детского ревматизма, воспалительных процессов в области коленных суставов пользовались припарками и ваннами из горца щавелелистного (*Polygonum lapathifolium*) и горицвета кукушкина (*Lychnis rubra*), которые получили метафорическое наименование карЮ., ливв. ***varzanpolviheini***, букв. "жеребенка колено + трава". Указанными травами пользовались и для укрепления ног в случае, если ребенок плохо ходил (АМ).

КарЮ. ***keldataudiheinä*** 'пупавка красильная' (*Anthemis tinctoria*), букв. "желтуха + трава" - согласно этнографическим данным, в народной среде при лечении этого заболевания широко использовали элементы лечебной магии. При этом для лечения выбирались любые желтые цветы или, например, желтые грибы, желтый сухой мох, имевшие цвет, являющийся характерным признаком гепатита. Народ верил в выздоровление больного после употребления им отваров из желтых растений, т.е. лечение проводилось по принципу имитативной магии (4, с.14-15).

Грыжа и рахит *kriisi - griizi* были самыми обычными заболеваниями детей: *Kriisi šyöy n'apah tyttärie ta poikie munamaisih* (11, с. 376) 'Грыжа ест

девочек за пуп и мальчиков за яички'; *N'apuo kun vihuau, kalkkus'ie kun pojilla vihuau nii šiitta luajitan liäkettä* (МДЭ 1990).'Пуп когда болит, яички когда у мальчиков болят, то потом готовят лекарство'. Для лечения детской грыжи широко пользовались настоем плауна годичного (*Lycopodium annotinum*) карС. ***kriisiheinä*** - карЮ. ***griiziheinä*** - ливв. ***griiziheiny***, букв. "грыжа + трава": *Griiziheinä čoaškas hauvotah veez l'ibo viinas ... ei äijeä panna, vägeväd ollah* (11, с. 376) 'Грыжа-траву в чашке парят в воде или в водке ... много не кладут, очень крепкие'.

Вороний глаз четырехлистный (*Paris quadrifolia*) карЮ. ***tuimagriizimarja*** -ливв. ***tuimagriizimarju***, букв. "жестокий + грыжа + ягода" также считался эффективным средством от грыжи, для этого съедали 9 или 3 раза по 9 плодов вороньего глаза (АМ).

Однако наибольшей популярностью у карел в практике домашнего врачевания грыжи пользовалось волчье лыко (*Daphne mezereum*): карС. ***kriisimarja*** -карЮ. ***griizimarja*** - карЮ. ***kriijenmarja*** - карЮ. ***griijemmarja*** - ливв. ***grid'd'emmarju***, букв. "грыжа + ягода", "чрезвычайно ядовитое растение, в особенности его ягоды" (3, с. 328). (В карельском языке бытует также весьма распространенный синоним волчьего лыка: карС. ***keänmarja*** - карЮ. ***kiänmarja*** - кар Ю. ***kägemmarja*** - кар Ю. ***kägöinmarja*** - ливв. ***kägöinmarju***, букв. "кукушкина ягода" или карС. ***keänmarjapuu***, букв. "кукушки ягодное дерево". Народная этимология связывает происхождение данных фитонимов с местом произрастания: *Kasvau šielä missä käki kukkuu* (МДЭ 1990) 'Растет там, где кукушка кукует'). Несмотря на ядовитость растения, карелы активно собирают ягоды, но держат это в тайне от других боясь испортить "целебные" качества ягод. Ивар Лиро свидетельствует: "В одном месте нам удалось после убедительных просьб увидеть наконец-то две ягоды после того, как хозяйка по крайней мере раз двадцать убеждала нас, что в доме ягод нет" (2. С.17).

Самой распространенной формой применения ягод волчьего лыка был настой, которым наружно натирали больное место или принимали внутрь. Для приготовления настоя следовало собирать строго определенное количество ягод и обрабатывать их определенным способом: *...se oli n'inkun yhtä vailla yheksänkymmentä keämmarjoa pantih, ta siitä - jos oli kontier rasvoa, ... n'i siitä viinoa. Ne marjat kul luvettih n'i siitä kolmella kynnyksellä hienonnettih, ne astiessa, ta siitä pantih s'ul'eikkah ta kolmella kulunkuun kannalla siitä, sitä pit'i voitoa* (5, с. 154) '... это как бы без одной девяносто ягод клали, и потом - если был медвежий жир.... и потом водку. Когда ягоды сосчитают, то потом их на трех порогах измельчали, в посуде, и потом клали в бутылку, и после трех лун этим надо было мазать'; *Sykyšyllä kerätäh, kuivatah, kettu otetah pois, šieltä tulou mušta marja. Viinah kun panet marjat ta panet lämpimäh paikkah, piet 3 päivyö. Ei pie äijän voituo, še polttau*

(МДЭ 1990) 'Осенью собирают, сушат, кожуру снимают, там черная ягода. Как в водку положишь ягоды и в теплое место поставишь, держишь 3 дня. Не надо много мазать, она жжет'.

В Ругозере и Тунгуде лечение происходило следующим образом: "Принимают семена внутрь, запивают настоем из семян волчьего лыка и для большей уверенности смазывают живот наружно. Обычная порция 6 - 9 ягод, в Соданкюля порция 3 - 9 ягод" (2, с.18). Не удивительно, что такое лечение было губительным для многих детей, оно могло быть опасно и для взрослых: "Майппа Максимайн съел несколько ягод и пролежал без сознания два дня... Теппана Рагуев, крупный мужчина из Келловаары, съел около двадцати лет тому назад горсть свежих ягод, пролежал сутки без сознания, был при смерти, голова покрылась язвами, стал глухим и облысел" (2, с.18). Однако вера карел в целительные свойства волчьего лыка непоколебимо сохранилась и до наших дней: *Sillä kun voiti nîi kaikki parenî* (МДЭ 1990) 'Этим как помазал, то все выздоравливало'.

КарЮ. ***noriччaheinä*** (< рус. диал. *норица*) 'пижма обыкн.' (*Tanacetum vulgare*), букв. "воспаление вымени, мастит + трава" - запаренной травой кормили больных коров; при мастите делали припарки и пили настой (АМ).

КарЮ. ***kuivannoriheinä*** 'гвоздика-травянка' (*Dianthus deltoides*), букв. "сухого вымени трава" - использовали как лекарство для усиления лактации (11, с. 410).

КарС., карЮ. ***kiimahinä*** 'росянка' (*Drosera sp.*), 'пушица' (*Eriophorum sp.*), букв. "течка + трава", карЮ. ***kirgiheinä*** 'росянка' (*Drosera sp.*), букв. "течка + трава" - весной в Карелии и Финляндии росянку добавляли в корм для лошадей, быков, коров с целью стимуляции процесса спаривания (МДЭ 1991; 6, с.198) По данным Рейнхолма, в старину в Финляндии молодые люди и девушки угощали друг друга этой травой для пробуждения любовного влечения (6, с. 198) В этих же целях пользовались, по-видимому, также кукушкиным льном (Polytrichum commune) и ятрышником пятнистым (*Orchis maculata*), которые карелы называют карС. ***lempiheinä***, ливв. ***lembiheinä*** букв. "любовь + трава". Росянку и пушицу использовали также для лечения воспалившегося вымени у коров (11, с. 214).

КарЮ. ***ruusuheinä - ruuzuheinä*** 'манжетка' (*Alchemilla sp.*), букв. "рожа + трава" - по свидетельству Тойни Кулмала, в южной Карелии манжеткой пытались лечить рожистое воспаление кожи (7, с. 106).

КарЮ. ***ukonduuba*** 'гриб-дождевик' (*Lycoperdon bovista*) - архивные материалы словаря карельского языка содержат сведения о повсеместном использовании присыпки из сухого гриба-дождевика для лечения мозолей или для остановки кровотечения из небольших ран (АМ).

Помимо наименования *ukonduuba* гриб-дождевик имеет в карельском языке ряд синонимов, мотивационной основой которых является или фор-

ма, или цвет, или характер произрастания гриба: люд. ***harakand'äič***, букв. "сорочье яйцо", ливв. ***kurrinjäičču***, букв. "журавлиное яйцо", карС. ***moa-pallon'i***, букв. "земляной шар", ливв. ***muajäičču***, букв. "земляное яйцо", карС. ***ukontuhma***, букв. "грозы некрасивый", карС. ***ukonpallo***, букв. "грозы шар". В фитониме *ukonduuba* первый компонент *ukon* указывает на грозу (в дождливую погоду гриб растет очень быстро), второй же компонент *duuba* семантически связан, на наш взгляд, именно с использованием гриба при лечении мозолей и образует единое лексическое гнездо с заимствованным карельским глаголом *duubie* 'дубить кожу, делать твердым'.

Рассмотренными растениями карелы лечили простудные, травматические, желудочно-кишечные, инфекционные заболевания, т. е. наиболее обычные заболевания, которые, как правило, объяснялись видимой естественной причиной, но существовал целый ряд заболеваний, возникновение которых было трудно объяснить, и тогда причины недугов толковались воздействием потусторонних сил, находящихся в земле или воде, дурного глаза, сглаза на организм человека.

Кожную сыпь, экзему лечили используя карЮ. ***muahisheiny*** 'тысячелистник обыкн.' (*Achillea millefolium*), букв. "сыпь + трава". По народному поверию считалось, что *muahine* 'сыпь, экзема; существо, обитающее в земле' (< *moa* 'земля' + деривационный аффикс *-hine*) появляется из земли: *Kumpan'i moašta heittäytyy* (12, с. 330) 'Которая из земли набрасывается', и тогда "на ноге, например, появляется черное или темно-синее пятно" (8, с.234) Предположительно, данное кожное заболевание лечили при помощи примочек к язвам, сыпи, поскольку известно использование надземной части тысячелистника для примочек, например, к ранам (1, с.231-232).

КарЮ. ***suudelusheinä*** - ливв. ***suudelusheiny*** 'чина луговая' (*Lathyrus pratensis*), 'манжетка обыкн.' (*Alchemilla vulgaris*), букв. "сглаз, болезнь, вызванная колдовством + трава": *Enzimäzih lapsih tarttuu suudelus, ei toisih* (АМ) 'К первым детям пристает сглаз, не к другим'; *Hammas ku suuh kazvoa lapsel, siid ei tartu enämbi suudelus* (АМ) 'Зуб как первый во рту у ребенка вырастает, потом сглаз больше не пристает'. К сожалению, нам не удалось найти материалов о способе применения данных лекарственных трав, также как и материалов о сушенице (*Gnaphalium sp.*): карЮ. ***paganusheinä***, букв. "поганая трава", которой лечили кожные заболевания, вызываемые, по всей видимости, "дурным" глазом.

В плане сопоставления интересны данные Тойво Вуорела о том, что в Суоярви в 1880-х годах при лечении сглаза применяли горячий настой из герани лесной и трухи белого мха, собранного в трех конюшнях, для мытья ребенка: *..siit hyö kaikki suutelukset porottaa* (9, с. 97-98) '...потом весь сглаз

смывается'. Думается, что и указанные выше растения использовались наружно аналогичным способом.

КарЮ. ***kirovusheinä*** 'гроздовник' (*Bothrycium sp.*), букв. "проклятие + трава" - согласно народному поверию, данная трава, вложенная в банный веник, помогает избавиться от проклятия или сглаза, если парясь приговаривать: *Päivil pahoil, elämil vaigeil anna tervehyš* (10, с. 216) 'В плохие дни, при жизни тяжелой дай здоровье'.

КарЮ. ***naizienpaganaheinä*** - ливв. ***naizienpaganheiny*** 'росянка' (*Drosera sp.*), букв. "женщин поганая трава" - использовали для лечения глазных заболеваний, причиной которых был сглаз, насылаемый, как известно, прежде всего женщинами с карими глазами. Информация об употреблении *naizienpaganheiny* в качестве женского противозачаточного средства является также достаточно убедительной с точки зрения мотивации наименования. Эти данные были получены в одной из диалектологических экспедиций в деревню Колатсельга Пряжинского района Карелии в июле 1991 года.

Растениями в Карелии пользовались и в косметических целях. Для ускорения роста волос, например, мыли голову настоем ежеголовки (*Sparganium sp.*): карЮ. ***tukkaheinä***, букв. "волосы + трава" (АМ). Девушки наводили на щеки румянец при помощи полушника тончайшего (*Isoetes echinospora*): карЮ. ***rumenččaheinä***, люд. ***rumenč'hein'***, букв. "румянец + трава". В наименовании полушника карЮ. ***vezirumenčča***, ливв. ***vezirumenčču - vezirumenču***, букв. "вода + румянец", отражены сразу два мотивировочных признака: место произрастания (полушник растет в воде) и способ применения: *Vezirumenččoa hierotah rožal čomennukseks* (АМ) 'Полушником натирают лицо для красоты'.

Семантика некоторых карельских народных названий растений достаточно отчетливо связана с общераспространенными представлениями о магической силе некоторых растений, не имеющих прямой связи с народным целительством, однако обладание которыми позволяет сохранить здоровье, обрести счастье, отыскать подземные сокровища, выступающие как дар потустороннего мира.

КарЮ. ***mavonheinä***, ливв. ***mavonheiny*** 'ятрышник пятнистый' (*Orchis maculata*), букв. "змеи трава": *Mavonheiny vastuvirdah uidau jovez. Mado konz uidau, ga mavonheiny on suus hänel, heinät ei ujja; se heiny k oliš suaha, ga se äjjäs sijah pädöy* (12, с. 285) *'Mavonheiny* против течения плывет по реке. Змея когда плывет, то *mavonheiny* во рту у нее, травы не плавают; если бы ту траву поймать, то она во многих случаях помогает'.

В начале 30-х годов по инициативе Фонда по изданию словарей (*Sanakirjasäätiö*) в Финляндии и Карелии был проведен сбор флористической лексики по составленным магистром Элви Пакаринен словникам-

вопросникам. В третьем словнике (13) одним из вопросов был предложен вопрос о названиях папоротников (многоножек) и поверьях, связанных с растением. Хотя названий было зафиксировано достаточное количество, сведений о народных представлениях, тем не менее, в ответах информантов было представлено чрезвычайно мало. Однако многие названия папоротников несут в себе отпечаток именно ранее распространенных, забытых поверий, ограниченно существующих в финской и карельской традиции и сейчас.

Мифологические представления о связи места цветущего папоротника с расположением сокровищ мира мертвых просматриваются, например, в наименованиях многоножек (*Polipodium sp.*): карЮ. ***kuolienheinä***, букв. "мертвого трава"; ливв. ***kuoliezheiny*** 'орляк обыкн.' (*Pteridium aquilinum*), букв. "мертвого трава", и карС. ***kuolienkopra*** - карЮ. ***kuol'ienkobra*** -карЮ. ***kuol'ienkobra*** 'многоножки' (*Polypodium sp.*), букв. "мертвого ладонь". По мнению А. Рантасало, наличие в последнем фитониме компонента *kopra* 'ладонь' связано с тем, что молодые нераспустившиеся побеги папоротников напоминают собой ладонь, сжатую в кулак. Данное наименование тесно связано с народными поверьями о потусторонних человекоподобных обладателях сокровищ, которые таким образом пытаются угрожать, запугать искателей заветных сокровищ в ночь на Иванов день и заставить их отказаться от попытки их найти (14, с. 66 - 87).

Стражами сокровищ могут выступать в преданиях различные животные. В финской традиции это может быть мышь, лиса, бык, змея, лягушка, оса, шмель (14, с. 87 - 89). Подобные представления являются очень древними и общими для многих народов, поэтому людиковские названия многоножек ***lot'oinhein'***, букв. "лягушки трава", ***harakkanhein***, букв. "сороки трава", логично вплетаются в канву мифологических представлений о хранителях сокровищ мира иного.

Распространенное в южно-карельском, ливвиковском и людиковском диалектах название орляка обыкновенного (*Pteridium aquilinum*) ***štanajalga - stanajalga - stanajalgu - staganheine*** этимологически связано, по-видимому, с финским *sana(n)jalka* и эстонским *sõnajalg*, букв. "слово + нога". Х. А. Рейнхолм связывал семантику финского наименования с поперечным разрезом стебля орляка, на котором различимы, например, буквы В, Р или иные буквы, из которых желающий мог сложить слово (6, с. 261). Согласно данным А. Рантасало, в Финляндии и Карелии орляк использовали как средство для определения имени суженого или суженой: перерезавший в полночь на Иванов день стебель растения у основания корня мог увидеть на срезе первую букву имени жениха или невесты (14 с. 63).

Четырехлистный клевер, довольно редкое явление в природе, является у карел символом счастливой судьбы: Još *ken löytäy šemmosen apilahan*,

löytäy ikusen onnen (МДЭ 1990) 'Если кто найдет такой клевер, обретет вечное счастье'. (Поиски "счастливого" клевера велись также в ночь на Иванов день.) Поэтому в собственно карельском диалекте наряду с другими наименованиями клевера (*Trifolium sp.*) встречаются карС. ***ošaheinä*** - карЮ. ***ozaheinä*** , букв. "доля + трава", и карС. ***šulhasheinä***, букв. "жених + трава".

Сегодня, к сожалению, уже можно констатировать тот факт, что даже в случае довольно активного функционирования лексики флоры в народной среде многие полезные свойства растений забываются, следствием чего является утрата традиций народного целительства в целом. Причем процесс забывания целебных (или губительных, вредных, магических) свойств растений идет, по нашим наблюдениям, гораздо быстрее, чем исчезновение самих названий растений из языка. Поэтому в данной статье сквозь призму необоснованно забываемых карельских народных названий растений была предпринята попытка довести до широкого круга читателей интересные сведения о целительных, лечебно-косметических и магических свойствах некоторых дикорастущих растений Карелии и тем самым объяснить мотивационную основу номинации целого ряда растений.

Сокращения :

АМ - архивные материалы словаря карельского языка, находящиеся в Центре по изучению родных языков Финляндии в г. Хельсинки; *МДЭ* - материалы диалектологических экспедиций; *карС.* - северные говоры собственно-карельского диалекта; *карЮ.* - южные говоры собственно-карельского диалекта; *ливв.* - ливвиковский диалект карельского языка; *люд.* - людиковский диалект карельского языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Юдина В.Ф., Холопцева Н.П., Либман Л.А.* Полезные растения Карелии. Л., 1988.
2. *Liro, I.* Karjalaisia kasvinnimiä. Helsinki, 1915.
3 *Nylén, B.* Suomen ja Pohjolan kasvit. Porvoo - Helsinki - Juva, 1993.
4. *Leskinen, H.* Keltatauti ja sen kansanomainen lääkintä. -Kotiseutu 1, Helsinki, 1954.
5. *Virtaranta, P.* Vienan kansa muistelee. Helsinki, 1958.
6. *Reinholm, H.* Suomalaisia kasvu-nimejä. -Suomi, Helsinki, 1850.
7. *Kulmala, T.* Kansanomaisesta kasvien ja eläinten nimistöstä Etelä- Karjalassa. -Kaukomieli 7. Helsinki, 1935.
8. *Virtaranta, P.* Tverinkarjalaista parannustietoa. -Kalevalaseuran vuosikirja 63, Helsinki, 1983.
9. *Vuorela, T.* Paha silmä suomalaisen perinteen valossa. -Suomi 109: 1. Helsinki, 1960.
10. Karjalan kielen sanakirja I. Helsinki, 1968.
11. Karjalan kielen sanakirja II. Helsinki, 1974.
12. Karjalan kielen sanakirja III. Helsinki, 1983.
13. *Pakarinen, E.* Eräitä kasvinnimien tiedusteluja III. Helsinki, 1930.
14. *Rantasalo, A.* "Kukkiva" sanajalka. -Karjala 2. Helsinki, 1935.

Natalja Chesheyko

POPULAR MEDICINE IN THE LIGHT OF FOLK NAMES OF PLANTS IN KARELIAN

Unfortunately, today one can state the fact that even by active functioning of flora vocabulary in sociaty many useful features of plantes are being forgotten, and as a result the traditions of popular medicine in the whole are lost. Furthermore, the process of losing healing / harmful, magic / properties is going much faster than disappearance of names of plants from the language vocabulary. That's why the author tried to give the readers an interesting information about healing, cosmetic and magic properties of some wild plants of Karelia in the light of folk names of plants and to explain in this way the motivation of nomination of the whole row of plants.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Илдико Лехтинен
Хельсинки

ФИНСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О МАРИЙЦАХ И МАРИЙСКОМ КРАЕ

Интерес к родственным финно-угорским народам у финских ученых возник еще со времен финского просветителя, историка и этнографа Хенрика Габриэля Портана (1739-1804). Так, в 1828-1829 годах Антти Юхан Шегрен (1794-1855) - филолог и этнограф, швед по происхождению, академик Петербургской Академии наук, осуществил свою поездку в Коми край (1). Тогда его маршрут пролегал через Марийский край, и он два раза здесь останавливался. Как наблюдательный ученый он отметил три явления у марийцев. Он заметил, что марийские женщины не говорят по-русски, к тому же они застенчивы и понимают только свой родной язык, хотя марийские мужчины достаточно хорошо владеют русским языком. Шегрен выделил красивые и богато украшенные костюмы мариек, подчеркнув локальные различия у разных этнических групп. И, наконец, был восхищен природой Марийского края: с типичными пейзажами из рощ для молений и жертвоприношений. Это впоследствии отмечали и другие финские исследователи, что стало своеобразным стереотипом в их путевых дневниках. Они стали как бы внешними знаками марийской народной культуры и теоретически даже знаками национального самосознания марийцев.

В настоящем сообщении приводятся несколько высказываний о марийцах и Марийском крае по результатам экспедиций финских ученых, совершенных в течение 1856-1913 гг.

После Шегрена в Марийском крае в 1856 году побывал финский лингвист Аугуст Алквист [он же был поэтом Оксасеном (1826-1889)]. Целью его поездки было изучение марийского языка. Он посетил город Козьмодемьянск и его окрестности. В 1858 г. Алквист со страниц изданного на финском языке путевого журнала ознакомил финскую публику со своими материалами о марийцах. Он оставил позитивные описания о марийцах. Здесь приводится одно из них: "У них большие белые избы с печкой, в ко-

торых всегда соблюдается чистота. Размеры хлевов и широкие поля в окружностях деревень указывают на то, что народ не голодает. Особенно заметно, что горные черемисы ухаживают прилежно за своими садами и фруктовыми деревьями. Благодаря этим садам вид черемисских пейзажей прекрасный и даже в Финляндии я не видел таких красивых деревень, которые мог заметить на берегу Волги. Характер народа довольный, спокойный и трудолюбивый, как у финнов вообще" (2). Во время экспедиции ему очень понравился марийский костюм, и он решил купить его для коллекции Музея Гельсингфорсского университета. Приобретенные тогда горномарийский кафтан, ширкама, ошпу и поясные подвески сейчас находятся в коллекции Национального музея Финляндии.

Через 25 лет после Алквиста Марийский край посетил Аксель Олави Хейкель (1851-1924), представлявший тогда молодую науку этнографию. Ученый проявил интерес к культуре поволжских финнов по совету известного археолога Й.Р. Аспелина. Финские археологи тогда занимались поисками своих древних корней и надеялись обнаружить эти исторические корни с помощью других финноязычных народов. Главной целью экспедиции по Марийскому краю являлось изучение архитектурных построек и вышивки поволжских финнов. До этого Хейкель работал некоторое время в Петербурге и в Москве, где он знакомился с архивами и изучал русский язык. Марийский край он посетил летом 1884 г. вместе с молодым финским художником Агатоном Рейнхольмом (1857-1887). Они побывали во многих местах компактного проживания марийского населения и знакомились с разными этническими группами. Вначале их экспедиция побывала в горномарийском селе Пертнуры. Там Хейкель изучал деревянные постройки, а Рейнхольм зарисовывал будничную и праздничную одежду женщин. Им помогали в работе местные уроженцы И. Моляров и А. Афанасьев. Дальше через Мадары они приехали в Кучки, где продолжалась их экспедиция. Хейкель, проезжая по берегам Кокшаги, отмечал в своих дневниковых записях, что летом пейзаж был в самом разгаре, широкие дубняки и липняки показались ему как "земной рай".

Хейкель собирал вышитые формы одежды для коллекции Национального музея Финляндии. Научная и художественная работа финских исследователей не всегда удавалась по плану. Например, в Сернурском уезде у них были затруднения. Для марийских девушек непривычно было сидеть в качестве натурщицы перед финским художником. По этому поводу Хейкель отмечал в своем дневнике: "Нам нужно было запечатлеть образ молодой девушки, но это оказалось невыполнимой задачей, потому что женщины, именно молодые, совсем не разговаривали по-русски. И я не мог с ними разговориться. К тому же они, между прочим, стеснялись очень сильно. По нашей просьбе нам помогали и священник, и полиция. Они просили, умо-

ляли, приказывали, но не было никаких результатов. Священник привез нас в один дом, где жила красивая и богатая девушка. И когда она уже начала было одеваться в праздничный наряд, то ее отец, приехав домой и увидев ее, запретил ей позировать финскому художнику, сказав ей, "что вся деревня стала бы смеяться над тобой" (3).

Таким образом, Шегрен, Алквист и Хейкель изучали язык и культуру марийцев, зная русский язык. Местные священники, учителя и купцы помогали им.

В 1883 году в Гельсингфорсе было создано Финно-угорское общество. Одной из задач Общества был сбор лингвистического материала среди черемис. Первым стипендиатом Общества был Вольмари Поркка. Он приехал в Марийский край летом 1885 года и пробыл там шесть месяцев. Поркка работал в Морках и Уньже и изучал марийский язык, также он собирал марийские загадки, молитвы и народные песни.

В 1887 году другой финский лингвист Арвид Генец (1848-1915) изучал диалект восточных марийцев в течение трех месяцев в Нижнем Потаме Красноуфимского уезда в одной из семей. Тогда же он узнал, что члены этой семьи являются язычниками.

Г.Й.Рамштедт побывал вместе со своей семьей в 1898 году среди горномарийцев в селе Тушналы. Хотя позднее он специализировался в изучении языков алтайской группы, ему удалось запомнить сердечных марийцев и записать об этом в дневнике: "Моя жена с дочерью гуляла по селу. На голове у дочери была белая кружевная шапочка. И многие черемисские женщины, увидев, захотели сшить своим детям такие же шапочки. Моя жена сделала им такие шапочки с кружевами. В деревне денег почти что не было, но нас марийцы отблагодарили молоком, хлебом и другими продуктами. Моя жена несколько раз выпекала булку с изюмом. И она каждый день могла бы печь так вкусно, чем покупаемые в городе кислые калачи. Черемисские женщины ценили кулинарные способности моей жены и они сами захотели научиться этому. Так мы долго пробыли в деревне, наши связи стали более сильными и сердечными" (4).

Среди восточных марийцев побывал профессор Хейкки Паасонен (1865 - 1919) зимой 1900 года в течение трех месяцев. Тогда его удивил тот факт, что восточные марийцы до сих пор сохранили свою религию - язычество. Весной в деревне Чураево проводили праздники, связанные с сельскохозяйственными работами. Паасонен принимал участие в жертвоприношениях и молениях и написал этнографу У.Т. Сирелиусу: "Последнее время собирал народные песни. Язычество здесь пока живо и было бы полезно достать целую коллекцию молитв. Моления все очень длинные. Проведенное во время пахоты моление продолжалось даже 25 минут. Главный карт деревни мне читал свою речь и я все записал. Здесь можно увидеть и услышать старин-

ный характер религии. И еще молятся богу, чтобы черемисы могли добыть медведя, росомаху, бобра и т.д. и других животных, которые уже давно исчезли в этих местах. Они молятся о том, чтобы бог привел стрелу в цель, хотя только некоторые старики имеют старинные стрелы. В праздник молились 44 разным богам, у каждого из них есть свое положение, своя иерархия. После двух недель начинается большое жертвоприношение. А до этого происходят маленькие, в которые собираются представители 20 деревень и в которых в течение 12-14 дней жертвуют лошадей, быков и т.д." (5).

Среди марийцев в 1905-1906 годах работал профессор Юрьё Вихманн (1868-1932) с женой Юлией Вихманн. В Финляндии круг ученых был небольшим, и Вихманн хорошо знал этнографа Хейкеля, которому писал следующие заметки об экспедиции к марийцам.

"Вятская губерния, село Люмпанур в Яранском уезде. 20 марта 1906 г. Дорогой брат. В своем письме осенью прошлого года ты спрашиваешь о новостях в нашей работе. И упоминаешь о том, что ты с удовольствием приехал бы в Казань и к черемисам. Итак, я думаю, что тебе нужны некоторые данные для твоей поездки к черемисам. Вероятно, ты имеешь в виду сбор костюмов и вышитых изделий, так я тебе расскажу, что я в этом аспекте знаю. Среди горных черемисов я был в довольно большой деревне Еласах (26 верстах на юге от уездного города Козьмодемьянска в Казанской губернии). Украшения и разные формы одежды исчезают в значительной мере, полные комплекты употребляются только по большим праздникам (например, на свадьбах). Некоторые украшения, такие как "ошпу" и "ширкама", - редкость, их даже невозможно найти. "Шарпан" (наспинное полотенце) и "нашмак" (головная повязка) еще носятся довольно широко. Женские рубахи украшены вышивкой у разреза груди и на плечах. Вообще можно сказать, что вышивка горных черемис в сравнении с яранской вышивкой более тонкая и более сложная.

Здесь, в Яранском уезде (Вятской губернии), женская одежда отличается от горномарийской. Шарпана и нашмака совсем нет, вместо них "сорока" четырехугольной формы. Однако в этих женских костюмах вышивок в значительной мере больше и все разные по узорам - хотя их техника мне кажется легче и проще, чем горномарийская. Даже на мужских рубахах видели вышивку, такую у горномарийцев не встречали. Если ты не побывал пока здесь, я предлагаю тебе побывать в течение некоторых дней, и ты мог бы собрать большую коллекцию.

Отсюда уезжаю через неделю или две прямо на восток в Сернур Уржумского уезда. Маршрут идет через черемисские места. Там, как я узнал, форма головного убора снова своеобразная: высокие, конические рога. Когда путешествовал у вотяков на границах Уржумского и Малмыжского уездов, я заметил такие в черемисских деревнях. Тебе, наверное, тоже это из-

вестно. Как там вышивают, пока не представляю. В Сернуре буду приблизительно два месяца до конца мая. И потом подальше поеду в Царевококшайский уезд, именно в какую деревню, еще не знаю.

Было бы приятно, если ты приехал бы в эти места и мы могли встретиться. Если ты знаешь о своих планах, напиши мне заранее и я дам тебе точные данные о себе и о местах.

Посылаю горячие приветы твоей супруге, Сакке Кастрену и тебе в честь нашего давнего содружества. Юрье Вихманн" (6).

Известный финский ученый Альберт Хямалайнен в 1908 году изучал свадебные обряды, жертвенные обычаи и пчеловодство в разных марийских деревнях Царевококшайского и Уржумского уездов.

Другой финский ученый, побывавший в Марийском крае, - Уно Холмберг (Харва), для которого примером исследователя считался М.А. Кастрен, которого впоследствии он назвал "звездой науки севера". Холмберг был восхищен природой Марийского края и старинными верованиями народа: "на горизонте появились священные рощи, которые мне указывают на народ, который не магометане, который и сейчас продолжает старинную жизнь по обычаям предков. Вечером в черемисских деревнях начинается совсем другое время. Хозяйки дома принимают гостей на дворе с песнями. Черемисы этой местности живут по старинному обычаю и сохраняют древние традиции. Поэтому они для меня особенно интересны. Марийцы кипятят мне самовар, и молчаливый хозяин изучает меня: почему ты приехал к нам, что ты хочешь от нас? Языческие народы боятся людей чужой веры" (7). По мнению Холмберга, верование народа является таким же важным как язык. И поэтому он сказал, что "если умирают боги, то умрет и сам народ" (7).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Brach, Michael.* A. J. Sjögren. Studies of the North. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, 152. Helsinki, 1973.

2. *Ahlqvist, Aug.* Muistelmia matkoilta Venäjällä vuosina 1854-1858. Helsingissä 1859.

3. *Heikel, Axel Olai.* Kansatieteellissiä tutkimusmatkoja Venäjällä. Рукопись. Архив Музейного ведомства 1012. Helsinki

4. *Ramstedt, G.J.* Seitsemän retkeä itään 1898-1912. Porvoo - Helsinki, 1944.

5. *Kannisto, Artturi.* Heikki Paasosen tutkimusmatkat. Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja LI. Helsinki, 1941-42.

6. *Wichmann, Yrjö.* Kirje A.O. Heikelille. Рукопись. Архив Музейного ведомства 1012. Helsinki.

7. *Holmberg (Harva), Uno.* Erisukuisten kansain kylissä. Matkakirjeitä 2. Uusi Aura, Nr. 194/1913.

Ildiko Lehtinen

FINNISH INVESTIGATORS ABOUT MARIS AND MARILAND

During the second half of the XIX th - the beginning of the XX th centuries representatives of various fields of Finnish science held their investigations in Mariland. In 1856 August Alquist studied the Mari language there. In 1884 Aksel Olavi Heikel visited Mariland to study ethnography. In 1887 linguist Arvid Genez studied East Mari dialect in Nizhnij Potama of Krasnoufimsk district. Linguist G. J. Ramstedt visited Highland Maris in the village Tushnaly in 1898. Professor Heikki Paasonen lived during 3 months among East Maris in 1900 and described their pagan festivals.

In 1905 - 1906 ethnographer Yurjo Wichmann and his wife Julia Wichmann worked in Mariland. Albert Hämälainen in 1908 studied wedding rituals, sacrificial customs and bee - keeping in various Mari villages of Tsarevokokshajsk and Urzhum districts. Even at present the works made by these investigators on the basis of expeditionary material are of great scientific importance . The material collected by Finnish scientists during the expeditions are invaluable treasure - house for many generations of investigators.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Константин Руденко
Казань

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ КОТЛЫ ИЗ ФИННО-УГОРСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ V-XIV ВВ. Н.Э.

(вопросы происхождения, использования и назначения)

У финно-угорских народов, проживавших на обширной территории Восточной Европы, и в частности, в Поволжско-Уральском регионе, в быту, производственной и культовой сфере широко использовались металлические котлы. За последние десятилетия накопилась значительная коллекция таких находок, происходящих как из погребальных памятников, так и с поселений. Однако, вопрос о происхождении, использовании и назначении металлических котлов в этом регионе остается до сих пор предметом дискуссий. Некоторые аспекты данной проблемы рассмотрены нами ранее в небольшой работе (1, с. 13, 14). Об использовании и назначении котлов имеются разделы в специальных работах (2), правда, более общего плана.

Самые ранние литые, бронзовые котлы " гуннского типа" найдены в Аксубаевском районе Татарстана в 1982 г. (3, № 142, рис. 4 - 14, 15), на территории поселения именьковской культуры III - первой половины VII в. н.э. (4, с. 29). Они датируются, по аналогиям, концом IV-V вв. н.э. (5, рис. 7, № 34, 35). Бронзовые литые и кованые котлы встречены в азелинских древностях. Они обнаружены в могильнике Тюм-Тюм (2 экз.: погр. № 94, 102) и датированы V в. н.э. (6; 7, с. 92); а также в V Рождественском (2 экз.; погр.265, 266) и в Нармонском (1 экз.; погр. 6) могильниках, датированных III-VI вв. н. э. [раскопки П.Н. Старостина (8, с. 179; 9, с.177)]. Правда, неизвестно, были ли они местного производства или поступили извне. Форма и детали их существенно отличаются от котелков, появившихся позже, в чем-то, по форме, напоминая сарматские литые котлы. Судя по немногочисленности находок, они были достаточно редкими изделиями и служили признаком богатства и социального положения владельца. Насе-

ление пьяноборской культуры и памятников Андреевского типа использовало в тех же целях привозную римскую посуду (10)

По мнению В.Ф. Генинга, роль социального маркера, наряду с другими предметами, выполняли железные и медные котелки в могильнике Мыдлань-Шай VIII-IX вв. (11). Кстати, в это же время известны и другие находки железных (12, табл. XXX, 38-40; 13, табл. XXVIII, 14, 15) и медных (13, табл. XVIII, 16) котелков в Прикамских могильниках. На наш взгляд, это свидетельствует о начале местного производства этого вида посуды, хотя, функционально, применение их, видимо, ограничивалось погребальной сферой.

Об использовании металлических котелков в ритуальных целях свидетельствуют также находки в Прикамье, среди других предметов, двух серебряных ведер (котелков) VI-VII вв. н.э. сасанидского происхождении (14, № 45,46). Попасть в регион они могли в конце VII - второй половине VIII (15, с.154). Отметим, что по форме они напоминают некоторые типы котлов более позднего времени - X-XII вв.

Немногочисленность находок, использование их, в основном, для ритуальных целей показывает, что традиция их применения не имела местных корней, а явилась результатом заимствования. Сопоставление ряда находок с известными изделиями кочевников гунно-сарматского круга наводит на мысль, что появление металлических котлов в Прикамско-Приуральском регионе можно связывать с кочевыми племенами V-VII вв. Алтая, юго-западной Сибири, Приуралья и Казахстана (16, с. 7). Здесь в это время в быту использовались железные котлы, медные котелки применялись реже и, как правило, привозились из Средней Азии (17, с.76). У населения нашего региона в V-VIII вв. это были не предметы повседневного пользования, а дорогие и редкие изделия, отражавшие определенный социальный статус их владельца. Вместе с тем, прикамские железные и медные котлы, встреченные на памятниках VIII-IX вв. (11), кроме привнесенной моды на их использование в качестве символа для обозначения социального статуса и зажиточности (при погребении), ничего общего в форме с котлами этих кочевников не имеют. Прикамские котлы были продуктом местного производства, о чем свидетельствуют технология изготовления и форма сосудов, одинаковая для железных и медных изделий, сложившаяся несколько ранее. Вместе с тем, традиция изготовления металлической посуды в регионе не закрепилась, и в конце IX в. появляются новые типы котелков, выполненные по-иному.

Широкое распространение металлических котлов началось со времени освоения булгарскими племенами в IX - начале X в. Поволжско-Прикамского региона и, затем, складывания здесь булгарского государства в X-XI вв. Было бы естественно предположить, что булгары и явились их перенос-

чиками и изготовителями. Однако металлическая посуда, кроме единичных случаев, не встречена на протобулгарских памятниках в Приазовье, а также на могильниках ранних булгар на Волге (18). Для приазовских булгар характерны глиняные котлы с внутренними ушками. По мнению С.А. Плетневой, с этим этносом можно связывать сосуды из отдела "горшковидных" и датировать их IX в.(19, с.274). На Северном Кавказе и в Приазовье клепаные медные котелки трех и пятичастной сборки типичны для аланских погребений IV-V вв. н.э., отражая, вероятно, постсарматские традиции [самые поздние литые сарматские котлы датируются концом II - первой половиной III в. н.э., а кованые - концом IV-V вв. н.э](20, с. 170.), но они исчезают уже с VI в.[к X-XIII вв. в Алании относится только один котел близкого типа (21, с. 112,114)]. Причем здесь на поселениях в VII-VIII вв. встречаются болгарские керамические котлы с внутренними ручками (22, с. 265). Исчезновение металлических котлов связывается с хазарским владычеством над аланами (23, с.124).

На памятниках салтово-маяцкой культуры, включавшей болгарский компонент, медные котлы встречаются редко, а железные котлы, как отмечалось исследователями, имеют аналогии в мордовских древностях X-XI вв. (24, с.154). По нашему мнению, попали они в Поволжский регион в это время не в результате заимствования у салтовцев, а путем опосредованного распространения железных котлов из Прикамья (см. ниже). На ряде салтовских памятников известны находки медных и железных котлов (могильник Сухая Гомольша, Маяцкий, Красногорский). Однако исследователи относят данное население к тюрко-угорским ордам, не связанным с аланами и протоболгарами (25, с. 51; 26, с. 10, 14, 16, 23). Возможно, это соотносится с гипотезой о второй миграционной волне (тюрко-болгаро-угорской) в первой половине VIII-IX в. из Поволжья и Прикамья (27, с.145), что в какой-то мере подтверждают салтово-маяцкие параллели, отмеченные и в прикамских памятниках этого времени (28, с.103- 105). Медные котелки X-XI вв. из юго-западной Сибири (Бараба) мало напоминают рассматриваемые сосуды (29, с. 89, рис.40 - 5), что исключает центрально-сибирские истоки медных котлов рассматриваемого региона в IX- X вв.

Таким образом, болгары не были носителями и, на начальном этапе, изготовителями таких изделий. Распространение моды на металлические котлы в Поволжско-Приуральском регионе формировалось на другой основе, поскольку новые формы посуды мало напоминали своих предшественников, использовавшихся и изготовлявшихся ранее . Цилиндрические, с вертикальными стенками, загиб которых образовывал дно сосуда, соединенные одинарными или двойными швами заклепок внахлест, изделия VIII-IX вв. уступают место собранным из отдельных пластин клепкой сосудам, близким к полусфере по форме, с отдельно приклепанным дном. Поя-

вившиеся медные котелки, напоминая по форме небольшие железные котелки VIII-IX вв., вместе с тем отличаются от них и их медных разновидностей революционной технологией изготовления. По всей видимости, этот второй импульс на рубеже IX-X вв., ознаменовавший собой появление тонкостенных медных котелков со сварными швами и железных котлов с полукруглым дном, связан, с одной стороны, со среднеазиатским ремеслом, а с другой, со Скандинавией, где такие железные котлы характерны для погребений средней Швеции вендельского периода (VII-VIII вв.)(30, рис.10).

С рубежа IX - X вв. начинается широкое изготовление ремесленниками Прикамско-Поволжского региона железных котлов. Позже осваивается и производство медных котелков, однако здесь приоритет получила продукция булгарских ремесленников (с конца X - начала XI в.). Как и раньше, эти сосуды не являлись точной копией (кроме привозных изделий) своих прототипов, а отвечали практическим потребностям прочности и простоты изготовления. Представляется, что связывать появление в конце IX - начале X в. металлических котлов с импортом из ремесленных центров Волжской Булгарии, которые оформились несколько позднее, ошибочно (31, с.97), собственно, как и мнение о посреднической роли булгарских купцов в торговле с Прикамьем во второй половине VIII -. середине IX в. (15, с. 151, 159). Скорее всего, металлическая посуда распространялась, с одной стороны, посредством перекочевок групп степного населения и их контактов с населением лесной и лесостепной зоны, а также транзитной торговли с Ираном и Средней Азией. А с другой стороны, по известным торговым и военным путям русов и варягов (32, с.191 - 208; 33, с.39 - 42, 67 - 75).

Медные котелки в XII-XIII вв. являются, бесспорно, местными изделиями, причем, в процессе развития ремесленных навыков, они становятся проще в изготовлении за счет фальцовки, больше в размерах, а также приобретают отогнутый венчик, приспособленный для деревянных и металлических крышек (что отсутствует в более ранних типах). Кроме того в этот период изготовление медной посуды становится широко распространенным территориально, о чем свидетельствуют оригинальные типы сосудов, а также разнообразие технологических приемов изготовления.

Монгольские завоевания и включение земель региона в состав нового государства прервали линию развития металлических котлов. Они, практически, не известны в могильниках Прикамья XIV в. Пережиточно они встречаются в захоронениях Западной Сибири этого времени (34;35) Новые традиции, технологические навыки обусловили третий импульс, который приходится на период расцвета золотоордынского ремесла и во многом связан с городскими ремесленными центрами на нижней и средней Волге. Это, в частности, относится к чугунным котлам, практически, одному виду изде-

лий из этого материала в регионе. Производство медных котлов к середине XIУ в. постепенно затухает.

Использование и назначение металлических котлов очень разнообразно. Смысл некоторых их функций можно объяснить с привлечением более широких аналогий. Котлы, в первую очередь, использовались для приготовления пищи. Связь котлов с очагом, кухней зафиксирована на материале приладожских курганов X-XI вв. (36, с. 48), а также по этнографическим данным Прикамья (37, с. 234). Карело-финский эпос "Калевала" часто упоминает медные котелки как кухонную утварь, предмет обмена и ритуальный символ (38, с. 92, 128, 187, 216). В котлах варили пиво и мясо, а также ритуальный напиток - "пуре"(39, с. 119; 38, с. 299, руны 46 - 302). На Кавказе котел и цепь для его подвешивания в ряде случаев приняли на себя ритуальные функции священного домашнего огня (очага) (40, с. 313, 314).

Металлические котлы использовались в Волжской Булгарии городскими ремесленниками в железообработке, ювелирном деле, алхимии и стеклоделии (41, с. 82).

Котлы были связаны с разнообразными ритуалами. Миниатюрные копии котелков использовались в таштыкский период на Алтае в качестве амулетов (42, с.430). В Скандинавии это был волшебный сосуд и погребальная урна, у кельтов он символизировал плодородие и бессмертие (2, с.35 - 37). Перенос в потусторонний мир символизировал котел, перевернутый устьем вниз или разбитый на части (43, с. 87), что характерно для многих народов Восточной Европы и Сибири I тыс. до н.э. - середины II тыс. н.э. (44, с. 27-29). В погребальном обряде использовались (в качестве заменителей) сосуды - подражания котлам (45, с. 110). В Прикамье и Поветлужье металлические котлы, в большинстве случаев, сопровождают мужские захоронения (45, с.108). Сакральный смысл, видимо, имел и цвет медного или железного изделия. Известны случаи, когда котлы наделялись магическими свойствами (46, с.110).

Интересно использование котлов или, вернее, действий с ними, как меры времени. У монгол и агинских бурят короткие отрезки времени обозначались, в первом случае, как " время кипения одного котла чая" (8-10 минут), а во втором просто как котел (тогоо) - время, необходимое для того, чтобы сварить пищу (47, с. 132).

В ряде случаев котлы являлись признаком богатства и знатности, отражая социальный статус погребенного. Это характерно для кочевников южно-русских степей в средневековье (48; 49, с. 129, 130), а также для раннего этапа их использования в Прикамье (11, с. 104). Ценность металлической посуды в более поздний, государственный период, определялась зачастую не только самим металлом, но и весом (50, с. 104) .

Маловероятно, что котлы служили в рассматриваемом регионе этническим признаком (51, с. 136), выполняя определенную сакральную функцию в погребениях средневековых чепецких и ветлужских могильников. Неверно, на наш взгляд, и сводить весь массив такого рода находок к одному или нескольким центрам производства. Популярность таких изделий неизбежно вызывала производство их на местах, а стандартизация ремесленных приемов и их простота делала изготовление котлов доступным и для сельских ремесленников. Выделение локальных центров производства металлических котлов и их особенностей - тема отдельного исследования.

Использование металлических котлов в быту, в торговле и военном деле как элемента походного снаряжения, торгового эквивалента, сакрального символа и обозначения социального статуса у народов региона обуславливало постоянный спрос на них в течение почти 600 лет вплоть до недавнего времени. Этнографами отмечается, что у народов края для лесной полосы характерен обычай подвешивать котлы на крюк, а для кочевников - вмазывать его в печь (52, с. 188). Причем, казанские татары, по данным Н.И. Воробьева, " имея котел всегда вмазанным..., когда предлагают заняться варкой пищи, говорят "подвесь котел" (казан ас). Отсюда видно, что у татар котел устраивается по степному образцу, а в языке сохранилось выражение другого происхождения" (52, с. 188).

Таким образом, исследование этой категории археологического материала показывает, что использование и изготовление металлических котлов являлось отражением различных сторон жизни древних обществ в регионе: процессов их социально-экономического развития, этнокультурных связей, идеологических представлений. Кроме того, особенности формы, отдельных деталей и технологии изготовления их являются важным хронологическим показателем для археологических материалов региона.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Руденко К.А.* К вопросу о технологии изготовления медной посуды Поволжья и Прикамья в X-XIV вв. // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Материалы 2 региональной конференции. Н. Новгород, 1991.

2. *Петрухин В.Я.* Миф о воскресающем звере и происхождении одного жертвенного ритуала // Проблемы истории СССР. Т.IV. М., 1974.

3. Археологические памятники бассейна р. Черемшан Казань, 1990.

4. *Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры // Свод Археологических источников. Вып. Д 1-32. М.: Наука, 1967.

5. *Боковенко Н.А., Засецкая И.П.* Происхождение котлов "гуннского типа" Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский Археологический Вестник, вып. 3. СПб.,1993.

6. *Ошибкина С.В.* Погребальный обряд азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИА, вып. № 158. М., 1979.

7. *Лещинская Н.А.* Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I - начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка материалов Восточной Европы. Ижевск, 1995.

8. *Старостин П.Н.* Работы на памятниках предбулгарского времени // Археологические Открытия 1976 г. М.: Наука, 1977.

9. *Старостин П.Н.* Работы на памятниках предбулгарского времени // Археологические Открытия 1974 г. М.: Наука, 1975.

10. *Степанов П.Д.* Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск, 1980.

11. *Генинг В.Ф.* Мыдлань-Шай - удмуртский могильник VII-IX вв. // ВАУ, вып. 3. Свердловск, 1962.

12. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

13. *Семенов В.А.* Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1989.

14. *Тревер К.В., Луконин В.Г.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III-VIII вв. М.: Искусство, 1987.

15. *Морозов В.Ю.* Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996.

16. *Байпаков К.М.* Раннесредневековая городская культура южного Казахстана // Средневековые города южного Казахстана. Алма-Ата, 1986.

17. *Кызласов Л.Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.

18. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992.

19. *Плетнева С.А.* Рец.: Димитор Димитров. Прабългрите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987, 303 с. // Советская Археология. 1989, № 3.

20. *Гуцуев В.К., Безуглов С.И.* Всадническое погребение первых веков н.э. из курганного некрополя Кобякова городища на Дону // СА, 1990, № 2.

21. *Кузнецов В.А.* Алания X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971.

22. *Рунич А.П.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976, № 3.

23. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.

24. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам: салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967.

25. *Михеев В.К.* Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

26. *Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

27. *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990.

28. *Пастушенко И.В., Черных Е.М.* Салтово-маяцкие параллели в неволинской культуре // XIII Уральское Археологическое Совещание (23-25 апреля 1996 г.) Тезисы. Часть II. Уфа, 1996.

29. Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.

30. *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

31. *Сунгатов Ф.А.* К вопросу о датировке Варнинского и Тольенского могильников // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993.

32. *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. IX - первая половина X в. М.: Наука, 1980.

33. *Херрман Йоахим.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986.

34. *Боброва А.И.* О хронологии художественных бронз Тискинского могильника // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982.

35. *Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы Археологии Урала. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.

36. *Кочкуркина С.И.* Юго-Восточное Приладожье X-XIII вв. Л., 1973.

37. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28. М., 1952.

38. Калевала. Петрозаводск, 1956.

39. *Воронина Р.Д.* О погребальном обряде Крюково-Кужновского могильника // КСИА. вып. 128. М., 1971.

40. *Орбели И.* Албанские рельефы и бронзовые котлы XII-XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.

41. *Руденко К.А.* Булгарская бронзовая посуда и торговые пути средневековья // Путь из Булгара в Киев. Казань, 1992.

42. *Кисилев С.В.* Древняя история южной Сибири. М., 1951.

43. *Истомина Т.В., Савельев Э.А.* Идеологические представления древних коми по данным погребального обряда // Финно-угры и славяне. Сыктывкар, 1986.

44. *Джумабекова Г.С.* "Клады" металлических изделий в Семиречье как исторический источник // XIII Уральское Археологическое Совещание (23-25 апреля 1996 г.) Тезисы. Часть II. Уфа, 1996.

45. *Иванова М.Г., Руденко К.А.* Медная посуда из древнеудмуртского могильника у д. Кузьмино и ее этнокультурные параллели // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. АЭМК. Вып. 23. Йошкар-Ола, 1994.

46. *Кузьмина Е.Е.* В стране Кавата и Афросияба. М.: Наука, 1977.

47. *Жуковская Н.Л.* Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М.: Наука, 1986.

48. *Швецов М.Л.* Котлы из погребений средневековых кочевников // СА, 1980, №2.

49. *Плетнева С.А.* Половцы. М.: Наука, 1990.

50. *Мукминова Р.Г.* Очерки по истории ремесла в Самарканде и Бухаре в XVII в. Ташкент, 1976.

51. *Архипов Г.А.* Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола, 1976.

52. *Воробьев Н.И.* Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). Казань, 1953.

Konstantin Rudenko

METAL COPPERS FROM FINNO-UGRIC ARCHAEOLOGICAL MEMORIALS OF VOLGA AND URAL REGIONS IN THE V - XIV TH CENTURIES
(guestions about origin, usage and purpose)

Coppers didn't serve in these regions as ethnic sign, having the definite sacramental function in burial of medieval sepulchres of Chepetsk and Vetluga. The popularity of such goods made for local production and standartization of industrial methods and their availability made the production of coppers available even for village artisans.

Metal coppers, used in daily round, in trade business and during the war time as a part of field kit, trade equivalent, sacramental symbol and social status mark of the people in the region, have been in great demand for about 6000 years till recent.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

ПЕРСОНАЛИИ

Иван Плосков
Сыктывкар

О ЖИЗНЕННОМ ПУТИ И ТВОРЧЕСТВЕ КОМИ ПОЭТА, ПЕРЕВОДЧИКА XIX ВЕКА П. РАСПУТИНА

Петр Распутин (1820-1901) - коми поэт, переводчик, создавший свои произведения в середине прошлого столетия. Как указано в источниках, П.Распутин был служителем церкви. В прошлом столетии было несколько переводчиков христианских книг, текстов на коми-зырянский язык, и одним из них был Петр Распутин (1, с.33). Есть у него и другие поэтические творения.

В ЦГА Республики Коми хранятся документы XIX века, и, в частности, рукописные материалы, связанные с П. Распутиным. Среди них - документ, составленный коми поэтом и переводчиком: "Его Преосвященству, Преосвященнейшему Евлампию Епископу Вологодскому и Устюгскому и Кавалеру

представление.

Питая любовь и уважение к природному моему зырянскому языку, я при малейшем таланте.....обогащенном под руководством добрых ... Наставников чрез учение, - при помощи Всемогущего решился воспеть Богодухновенные Псалмы Царя и Пророка на зырянском и родном мне наречии. И дабы обрадовать своих единоземцев и любителей просвещения, а еще более добрых Наставников малыми моими трудами, плодами учения, - я из числа Псалмов и некоторых нравственных поэтических Творений, расположенные стихами, осмеливаюсь... представить Вашему Преосвященству на зырянском наречии..."; подпись следующая: "1851 года февраля 16 дня Усть-Сысольского Троицкого Собора Пономарь Петр Распутин..." (2, л. 57). Резолюция была такова: "Замечательно! Явился зырянский певец псаломских песней (песен-*авт.*).

Правлению (Вологодской - *авт.*) Семинарии препоручить учителю зырянского языка рассмотрение стихов, составленных на зырянском языке:

а) вообще в отношении языка;

б) в отношении стихотворного языка;

в) в отношении к форме и качеству стихов" (2, л.57).

Имеется также документ, составленный в Вологодской духовной семинарии (приведем фрагмент - *авт.*): "Его Преосвященству Преосвященнейшему Евлампию Епископу Вологодскому и Устюгскому и Кавалеру Правления Вологодской семинарии представление.

Вследствие резолюции Вашего Преосвященства от 11 марта 1851 года ...на представление Петра Распутина, Пономаря Усть-Сысольского Троицкого Собора, Правление Семинарии поручало... (рассмотрение - *авт.*) составленных им зырянских стихотворных переводов Учителю Семинарии Алексию Попову..., преподающему зырянский язык. Ныне сей Учитель представил свое суждение об означенных зырянских стихотворениях, с достаточной подробностию указав недостатки оных в отношении правильности оных..." (2, л.52). Имеется и следующая запись (в архивном материале): "... дозволить ему... (Распутину -*авт.*) продолжить свои стихотворения. и...пустить оные в списках между зырянами после рецензии" (2, л.52).

Известны также другие материалы XIX столетия. И.А. Куратов в свое время написал достаточно обширную статью о творчестве П. Распутина, которая была опубликована в разделе публицистических статей и критических заметок в книге "Художественнöй произведениясс", вышедшей в Сыктывкаре в 1939 году (3, с. 211-230), а также в более позднем издании - "Ты бесконечна, жизнь" (1988). В последнем некоторые известные тексты Распутина были представлены в более полном виде (4, с. 10-20).

Примечательны рассуждения П. Распутина о коми языке, его возможностях (при переводе), и также о соответствующей "гармонической способности" коми-зырянского языка (3, с.212-214; 5, с.30; 6, с. 50-51). Им упоминалось о различных (по жанру) литературных произведениях, написанных на коми языке: "...У меня их ...бездна: песни, басни, сказки - кроме нравственных и псалмов..." (3, с. 212). К сожалению, сохранилось (по крайней мере, известны теперь) лишь несколько его произведений.

П. Распутин в коми литературоведении характеризуется как "один из переводчиков гимнов и религиозных песнопений" (7, с. 64, 78-79; 8, с.587). При этом в переводах XIX века термины "ошкансьылöм" (песнь-восхваление) и "сьыланкыв" (песня) могут соседствовать (9, с. 144-145, 225; 10, с.74-77); ср. также "сьылан" (песнь, песнопение).

Несколько произведений П. Распутина имеются в рукописном отделе Российской национальной библиотеки, в "савваитовском" фонде (в Санкт-Петербурге). В Санкт-Петербургском рукописном архиве, например, имеются "Медводдза псалом" (первый псалом), псалмы 136 и 145 (11, л.281-282). В частности, 136 псалом П. Распутиным также обозначается (по материалам ЦГА Республики Коми): "О пленении Израильтян" - "Пöлöнын

олöм Израильсаяслöн" (2, л.57). По петербургской рукописи - " Израильса йöзлон пöлöнын олöм " (11, л. 281). В статье Куратова И.А. есть соответствующее упоминание названия - "Пöлöнын олöм ерусалимсаяслöн", и, в другом случае - "Вавилонын юяс дорын" ("В Вавилоне у рек") - по первой строке произведения (3, с.210, 219; 5, с.29; 10, с.75). Разные названия могли, наверное, исходить из вариантов рукописей П. Распутина. К примеру, произведение "Вавилонын юяс дорын" - из материалов И.А. Куратова (в более полном виде представлено в книге "Ты бесконечна, жизнь") и "Вавилонын юяс вылын" (по петербургской библиотечной рукописи) - это два различных варианта перевода (3, с. 219; 4, с.19; 10, с.75-76; 11, л.281-282).

Известен перевод произведения - "Ошкан сьылан енлы" - "Восхваление бога", или песнь, прославляющая бога; и самим П. Распутиным, и И.А. Куратовым отмечалось, что это перевод песни "Свете тихий" (3, с.212-214). В "савваитовском" фонде отдела рукописей российской национальной библиотеки также имеется соответствующая рукопись, содержащая перевод Распутина, первая строка которого - "Олан югыд помтöм..." (11, л.281-282). Их тексты (кроме указанной первой строки) совпадают.

В упоминаемой "куратовской" статье приводилось стихотворение, написанное П. Распутиным "в подражание Шишкову" и названное (также по первой строке произведения) - "Воисны кор гажа лунъяс..." ("Как пришли красные денечки...")(3, с. 210, 214-216; 4, с.16-17). Распутиным оно, как известно, определялось как произведение, близкое к песням, характеризовалось как "стихотворение нравственное" (2, л.57). В этом стихотворении повествуется о "печали старости", говорится о таком чувстве, как благодарность. Повествует оно и о "простом характере зырян" (3, с.214-215). П. Распутиным в этом случае было отмечено: "Богатейшее стихотворение г-на Шишкова, но по-зырянски вышло ничем не хуже" (3, с.214).

И.А. Куратов в свое время предположительно отметил, что Петр Распутин стал "священником, хотя он не кончил семинарского курса" (3, с. 212). В Центральном госархиве Республики Коми хранятся материалы, свидетельствующие о жизненном пути П. Распутина.

В "Клировых ведомостях по городу Устьсысольску и уезду.. за 1851 год", в ведомости Устьсысольской соборной Троицкой церкви, в частности, было отмечено: "Пономарь Петр Васильев Распутин, природою сего уезда Печерской Троицкой церкви, умершего Священника Василия Кириллова сын. По исключении из среднего отделения Вологодской семинарии 1 Генваря 1843 года посвящен Преосвященным Иринархом на настоящее место..."(12, л. 8).

В других документах Духовного Правления упоминается о дьяконе, а затем о священнике П. Распутине (в некоторых документах - Роспутин):

"Священник Петр Васильев Распутин природою сего уезда Печерской Троицкой церкви, умершего Священника Василия Кириллова сын. Обучался в Вологодской Духовной Семинарии, по окончании курса философии в 1842 году, был посвящен Преосвященным Иринархом, Епископом Вологодским в 1843 1 Генваря на Пономарское место к Устьсысольскому Троицкому Собору. В 1854 году Июля 15 дня Преосвященным Феогностом был посвящен в Діакона к оному же Собору. В 1858 году Июня 8 дня Преосвященным Христофором, Епископом Вологодским посвящен во Священника ко Храму.. Святителя Стефана Великопермского, (к) вновь открытому приходу в селе Шугорском... В 1860 году 20 Декабря за похвальное и усердное прохождение Пастырской обязанности между раскольниками Епархиальным Начальством объявлена признательность. С 1859 года по 1871 год проходил в Шугорском Сельском Училище наставническую должность и за успехи по обучению детей грамоте в 1867 году дана была от Министерства награда..., в 1864 году Преосвященным Христофором был утвержден Депутатом по следственным делам и на должность духовника по 6 округу Благочиния. В 1876 году... был утвержден Помощником Благочинного в 6 округе Печерского Благочиния.... В 1880 году Марта 29 числа Преосвященным Феодосием переведен... к сей Подъельской Троицкой церкви. В 1885 году Августа 3 числа Преосвященнейшим Израилем, Епископом Вологодским утвержден на должность Духовника по 4 округу Благочиния 2 участка..." (в 1887 году П.В. Распутину было 68 лет). Отмечено также: "В семействе его жена Калиса Ивановна из Духовного звания, дочь умершего Священника Ношульской Стефановской церкви Иоанна Покровского" (13, л. 333-334).

В более поздних архивных документах Троицкой церкви села Подъельского Устьсысольского уезда упоминается "заштатный священник Петр Васильев Распутин"; в церковных рукописях, в частности, о нем отмечено: "... С 1887 г. по 1889 г. состоял законоучителем местной церковно-приходской школы. В ... 1890 г. 18 Сентября по прошению уволен в заштат" (14, л. 389).

Есть упоминания о П.В. Распутине в документах 1900 г. (15, л.549). В "Клировой ведомости церквей Устьсысольского уезда 1901 года" упомянуто об "умершем Священнике... Петре Распутине" (16, л.558).

...Вологодским рецензентом произведений П. Распутина, как отмечалось, был в свое время А.И. Попов - преподаватель коми-зырянского, латинского языков, "наставник по классу словесности". Как отмечают исследователи, он был преподавателем семинарии с 1843 года по 1878 год (17, с.57).

Некоторые "распутинские" произведения ("списки"), как уже указывалось, оказались в Санкт-Петербурге. Очевидно, они были вывезены туда

бывшим профессором Вологодской семинарии П.И. Савваитовым (10, с.74-77).

В Петербурге, как отмечалось, имеются рукописные "зырянские" псалмы, в том числе - 145-й. О переводе 145 псалма не упоминается в письме П.Распутина, посланном в Вологду епископу Вологодскому и Устюжскому; очевидно, его перевод был выполнен позже (18, с. 230-233).

И. Куратов, в частности, обратил внимание и на послание, отправленное Распутиным епископу :"...говорит, что "напылил глаза Преосвященному пустяками"; но "пустяки" надобно понимать, кажется, в ином смысле, потому что в примечаниях к своим стихотворениям Распутин сам же оговаривается: "Заметьте, сколь чудны вышли мысли"..."печаль старости выразить сильнее нельзя" и пр..." (3, с.212). Вероятно, на упоминаемое выше послание епископу указывалось и в письме П. Распутина к поэту П. Клочкову (3, с.212). П. Распутин был также одним из первых переводчиков М.В. Ломоносова на коми-зырянский язык. Создавая "стихотворные псалмы" на зырянском языке, Распутин, в частности, опирался на его "переводы-переложения" псалмов на русский язык (19, с. 185-187, 369-370; 20, с.195).

Как отмечалось классиком коми литературы И.А. Куратовым, "когда есть народ, то ему нужно образование; познания же можно передать ему через его же язык" (3, с.220). Имя П. Распутина было сохранено в ряду других имен деятелей коми просвещения XIX века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Плосков И., Цыпанов Е.* Обращаясь к традициям // Вестник культуры Республики Коми. Сыктывкар, 1993. Вып 3.

2. ЦГА Республики Коми, ф.230, оп.1, д.134.

3. *Куратов И.А.* Художественнöй произведениеяс. Сыктывкар,1939. Т.1.

4. *Куратов И.А.* Ты бесконечна, жизнь. Сост. В.И. Мартынов. Сыктывкар, 1988.

5. *Мартынов В.И.* У истоков национальной литературы // История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т.2.

6. *Мартынов В.И.* Становление коми литературы. Идейно-эстетический аспект. М, 1988.

7. *Мартынов В.И.* Теория литературы коми. Сыктывкар, 1995.

8. Библейская энциклопедия. М., 1990.

9. Псалтирь - Ошкансьылöм на русском и зырянском язках. Сост. Г.С. Лыткин. СПб., 1885.

10. *Плосков И.* Петр Распутинлöн уджъясысь // Войвыв кодзув, 1994, №6.

11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Санкт-Петербург. F. XVII. № III.

12. ЦГА Республики Коми, ф.230, оп. I, д.268.

13. ЦГА Республики Коми, ф.230, оп.I, д.299.

14. ЦГА Республики Коми, ф.230, оп.1, д.210.

15. ЦГА Республики Коми, ф.230, оп.1, д.335.

16. ЦГА Республики Коми, ф.230, оп.1, д.337.

17. Исследователи Коми края. Сост. *А. Аксенова, Е. Березина, Т. Мульд, Л. Рассыхаева.* Сыктывкар,1984.

18. *Плосков И.А* К вопросу о наследии коми поэта, переводчика П. Распутина // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар. 1996. Т. 2.

19. *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.-Л., 1959. Т.8.

20. *Державина О.А.* Стихотворные переложения М.В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987.

Ivan Ploskov

ABOUT LIFE AND CREATIVE WORK OF P. RASPUTIN, KOMI POET AND TRANSLATOR OF THE XIX TH CENTURY

In the article materials are viewed on Komi poet and translator Peter Rasputin's study (the XIX th century). New archives materials are cited (from the manuscript collections of Saint-Petersburg. Syktyvkar) dealing with his life and creative work.

Questions about possibilities of using Komi-Zyryan (of the last century) are examined.

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: ГЛУХОВА Н.Н. Структура и стиль текстов марийских заговоров. Йошкар-Ола, 1996. 112 с.

Заговоры - существенный компонент духовной культуры народа , в них проявляется "дух народа", его история, психология, его понятие красоты и нравственных представлений, в них сердце народное говорит о старине родной, о радости домашней и о беде семейной, о счастье любви и горечи разлуки, о тяготах болезни и благодействии здоровья, одним словом, заговоры напрямую связаны с тем, что привлекательнее всего на свете для каждого живущего на земле, - со здоровьем, любовью, достатком - поэтому интерес к ним не ослабевает ни в научных кругах, ни в повседневной жизни.

Поэтому книга Н.Н. Глуховой "Структура и стиль текстов марийских заговоров", несомненно, привлечет внимание специалистов в области этнографии, фольклора, языкознания, а также вызовет интерес у широкого круга читателей.

Комплексный лингвистический анализ 500 заговоров, взятых из различных сборников, из рукописных фондов Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, из материалов нескольких полевых экспедиций автора, изложен в книге, состоящей из предисловия, введения, двух глав и заключения.

В введении отмечается, что хотя марийские заговорно-заклинательные тексты неоднократно рассматривались в специальной литературе, полное описание этого вида устного народного творчества еще не сложилось, более того, даже отсутствует общепринятое определение заговора и заклинания. Н.Н. Глухова пишет: "В данной работе мы используем синтезированное определение, считая, что текст заговора представляет собой ритмически организованную вербальную формулу, способную давать определенные результаты с помощью или без помощи богов, духов" (с. 8-9).

По цели употребления заговоры делятся на шесть групп:

1. Заговоры, предназначенные для лечения: а) людей от алкоголизма, от болезни горла, уха, носа. От болезней неврологического характера, от болей при родах, от внутренних болезней, напряжений, от грыжи, от зубной боли, от кровотечения, от ожогов, от простуды, гриппа, от рахита, от ревматизма, от укусов, от язвы, б) животных: для лечения лошади от колик, для

успокоения лошади; для лечения коровы; для защиты скота против болезней, насылаемых колдунами.

2. Заговоры, охраняющие от колдовства людей, животных, растений, различные предметы.

3. Заговоры, меняющие межличностные отношения ("отсушки", "присушки").

4. Заговоры, "очищающие" от причиненного зла, нанесенной порчи людям, животным, растениям, предметам.

5. Заговоры, приносящие добро, прибыль людям, животным, растениям, предметам.

6. Заговоры, наносящие вред людям, животным, растениям, предметам.

Обращаясь к текстам заговоров, Н.Н. Глухова опирается на основные положения общей теории текста, особое внимание при этом уделяется таким характеристикам, как композиция, информативность, стилевая отнесенность.

Первая глава начинается с определения композиции текста: "Композиция текста - это структурно-упорядоченное, связное и целостное единство частей, соответствующее основной цели текста" (с. 27). Отмечая дискретный, квантованный характер текстов заговоров, автор показывает, что полные тексты лечебных заговоров содержат вводную часть, основную часть, часть отделения "зла", болезни, часть "растворения" болезни, закрепку. В некоторых заговорах отсутствует вводная часть, в других - часть отделения болезни или зла. Но абсолютное число заговоров других типов состоит из следующих структурных частей: 1. Вводная часть (необязательная). 2 Основная часть. 3. Условие. 4. Закрепление, закрепка. Большое разнообразие рассмотренных заговорно-заклинательных текстов достигается комбинированием этих четырех частей.

Ведущими принципами организации структуры заговорно-заклинательных текстов, по мнению Н.Н. Глуховой, являются дискретность, многообразие, упорядоченность, целостность, завершенность, минимум затрат языковых средств.

Важной чертой дискретной связной композиционно сложной структуры заговоров является упорядоченность, которая проявляется в соотношении симметрии и асимметрии композиционных средств. К симметричным средствам композиции отнесены морфологический тип рифмы, некоторые виды аллитерации на фонологическом уровне, а также полные или частичные параллельные конструкции, анадипловис, перечисление, градация, антитеза - на синтаксическом, на морфологическом уровне упорядоченность создается использованием одинаковых форм времен и наклонений. Асимметрия композиции часто создается соотношением сверхфразовых единств в тексте и предложений внутри сверхфразовых единств. Соотношение симметрии и

асимметрии определяют характер сбалансированности текста, а упорядоченность и сбалансированность обеспечивают целостность и завершенность композиции заговоров и заклинаний. Устная форма бытия заговоров определила принцип экономии языковых средств, направленных на запоминание и воспроизведение текстов, что особенно ярко проявилось в конвергенции, под которой понимается "использование максимума выразительных и образных средств в каждой части многообразной, упорядоченной завершенной композиции заговора" (с 38). Таким образом, дискретность, многообразие, упорядоченность, целостность, завершенность, минимум затрат языковых средств объявляются ведущими принципами организации структуры заговорно-заклинательных текстов.

Н.Н. Глухова особое внимание уделяет звуковой структуре текста, его ритмической организации. Исходя из того, что марийская народно-песенная поэзия опирается на напевно-синтаксическую ритмоорганизацию, в которой равносложие, равноударность, регулярное чередование ударных и безударных слогов, рифма являются вторичными, а заговоры - это обычно свободный, белый стих, автор отходит от традиционных методов исследования ритмического рисунка текстов и создает новую методику - геометрической интерпретации ритма заговорных текстов, причем автор стремится перенести на плоскость текстов ритм в виде изображений, близких по характеру к узорам народного творчества, для которых характерна их пространственная упорядоченность при помощи ритма, повтора, симметрии. Геометрическая интерпретация на плоскости ритма текста строится на следующих допущениях: а) анализируемый текст записывается в виде последовательности единиц и нулей, единицей обозначается ударный слог, а нулем - безударный и цезура; б) построчная последовательность слогов разбивается на пары, из которых возникает четыре комбинации слогов: 00 - безударный-безударный, 11 - ударный-ударный, 01 - безударный-ударный, 10-ударный-безударный. Длина слога обозначается прямой короткой линией единичной условной длины, текст начинается в центре плоскости и отмечается символом Н - "начало", комбинации слогов кодируются направлением линий. 01 - поворотом на 90° налево, 10 - поворотом на 90° направо, 00 и 11 - отсутствием поворотов и продолжением движения в прежнем направлении. Предлагаемый алгоритм иллюстрируется примерами силлабо-тонических стихов, а потом даются рисунки ритмов заговоров. По мнению автора, значение метода геометрической интерпретации состоит в том, что при исследовании текстов возможно количественно изменить ритмическую упорядоченность текста любой длины и любой сложности, применив описанную вычислительную технику. Коэффициент ритмичности может изменяться от 0 до 100 %. В текстах, написанных классическими ямбом или хореем, коэффициент ритмичности превышает 50 %, в текстах заговоров он состав-

ляет от 9 до 50 %. Разработанная методика анализа материала позволяет автору ввести понятие фольклорного ритма: "Фольклорный ритм - сложный, композиционный ритм, идентифицируемый лишь в пределах целого текста, а не построчно, характеризующийся блочной повторностью в рамках не менее двух сверхфразовых единств с общими границами коэффициента ритмичности от 0 до 51 и со средним значением 25 ... Метод геометрической интерпретации не пригоден для исследования трехстопных размеров и напрямую зависит от количества анализируемых слогов".

С.А Есенин в работе "Ключи Марии" пишет: "Орнамент - это музыка. Ряды его линий в чудеснейших и весьма тонких распределениях похожи на мелодию одной вечной песни над мирозданием" (Собр. соч. в 3-х томах. Москва, "Правда", 1983. Т.3, с. 141). И Н.Н. Глухова предлагает оригинальную методику исследования, которая, к сожалению, оказывается недостаточно доказанной, т.к. в книге не приведены оригиналы марийских орнаментов, а сопоставление с классическими двухстопными размерами не представляется убедительным.

Среди синтаксических стилистических композиционных средств Н.Н. Глухова называет параллельные конструкции, перечисление, градацию, разнообразные виды повторов, в частности, анадиплозис - повтор-подхват, а также лексико-синтаксический нюансно-вариативный повтор, когда одно или два слова придаточного предложения постоянно меняются на протяжении всего текста, состоящего из однотипных сложных предложений, а оставшаяся часть и главное предложение остаются без изменения.

Во второй главе "Стиль текстов марийских заговоров" рассматриваются маркеры стиля: " В понятие маркеров стиля в данной работе включаются выразительные средства (фигуры речи) и образные /изобразительные средства языка (тропы)" (с.26). Среди маркеров стиля особое внимание уделяется сравнениям, так как заговорно-заклинательные тексты исключительно богаты ими. Сравнения, употребляемые в заговорах, по качественному различию сложности объекта отражения и по различиям в грамматическом оформлении сравнительных структур делятся на предметные и ситуативные. Ситуативные сравнения оформляются при помощи союзов кузе и туге / тугак в главном и придаточном предложениях соответственно, причем обороты с союзом кузе 'как' могут находиться в препозиции, постпозиции и иметь дистантное расположение. Сравнительные конструкции со словом кузе обычно являются сравнительными придаточными предложениями в составе сложного; причем, в составе заговоров эти предложения бывают двух типов: предложения с полнозначными глаголами-сказуемыми и предложениями со сказуемыми-связками улаш и лияш 'быть'. Глаголы в придаточных предложениях обычно стоят в форме настоящего времени изъявительного наклонения, а в главном предложении - обычно в повелительном

наклонении единственного или множественного числа, выражая приказ, просьбу, побуждение.

Тексты заговоров богаты также и предметными сравнениями, которые вводятся послелогами **гай / гайе, семын, семынак**. Автор подробно описывает структурные синтаксические схемы предметных сравнений, а также их семантический аспект, определяемый соотношением лексико-семантического содержания референта и агента (то, что сравнивается, и то, с чем сравнивается). На основе особенностей семантической структуры выделяются среди предметных сравнений следующие группы, типы и подтипы: 1) сравнения, характеризующие человека, его внешность, черты характера: человек-явление природы, человек-животное, человек-птица (всего 38 %); 2) сравнения, характеризующие различные предметы быта (всего 26 %); 3) сравнения, характеризующие животных, части их тела: животное - явление природы, животное - объект действительности, животное - растение (всего36 %).

Также подробно в работе описываются употребляемые в заговорах тавтологические и поясняемые эпитеты, простые и развернутые гиперболы, разные виды метафор.

По мнению автора, только качественное описание не дает полного представления о степени присутствия того или иного выразительного средства или приема, так как полное описание стиля произведения может быть достигнуто сочетанием количественного и качественного анализа. Количественные параметры стиля описываются на примере текста заговора "Моктымым шӧрымӧ", в котором на 11 000 знаков текста насчитывается 14 маркеров стиля: эпитет, метафора, гипербола, параллелизм, повтор лексический, перечисление, антитеза, асиндетон, полисиндетон, повтор лексико-синтаксический, аллитерация, рифма ассонансная, ритм композиционный. По условно разработанной методике исчисления все маркеры стиля получают количественные характеристики и по уменьшающейся частности употребления выстраиваются в следующем порядке: повтор лексико-синтаксический, аллитерация, асиндетон, перечисление, эпитет, рифма ассонансная, параллельные конструкции, повтор лексический, являющиеся выразительными, а не образными средствами. К образным средствам отнесены эпитет, метафора, сравнение, гипербола, антитеза, которые "не могут считаться ведущими маркерами стиля" заговоров.

Использование нового комплексного численного анализа стиля заговоров позволило не только выявить набор маркеров стиля, но и определить их ядро и периферию, а также, как отмечает Н.Н. Глухова, позволяет количественно оценивать выразительные и образные средства текста, сравнивать стили разных жанров, историческую динамику стилевого изменения жанра, идентифицировать стили разных авторов. К сожалению, возможности ме-

тода проиллюстрированы анализом одного заговора, автор ни разу не обращается к сравнительному анализу стилей других жанров марийского устного народного творчества, фольклора других финно-угорских народов, что обедняет работу и с достаточной очевидностью не подчеркивает специфику именно марийских заговоров. Возможно, автор обратится к обозначенной проблематике в дальнейших публикациях, т.к. рецензируемая работа является частью большого исследования "Язык марийского фольклора".

И последнее. Некоторое сомнение вызывает формулировка одной из главных идей книги: "... стиль заговорных текстов - четко выраженный функциональный стиль марийского языка" (с. 7). Говорить о функциональном стиле языка на основе 500 текстов сложно, да и в книге абсолютно явно речь идет об особенностях стиля жанра заговоров. Термин **функциональный стиль** в отечественной лингвистике чаще всего связывают с более широкой разновидностью языка, такой, например, как функциональный научный стиль, функциональный разговорный стиль и т.д. Внесение авторского толкования в относительно устоявшуюся терминологию вряд ли целесообразно, тем более, что употребление слова **стиль** в значении стиля жанра заговора нисколько не умаляет оригинального, насыщенного новыми идеями исследования Н.Н. Глуховой, публикация которого, вне всякого сомнения, станет заметным явлением в марийской и финно-угорской филологии.

Татьяна Юлкина
Елабуга

«Финно-угроведение», 1997, № 2.

Рец.: А.Н. РАКИН. Антропотоминимическая лексика в пермских языках. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения АН России, 1996. 156 с.

Анатолий Николаевич Ракин известен в области финно-угроведения как автор монографий по коми фитонимии, зоонимии, анатомической лексике.

Говоря об актуальности своего исследования, в новой монографии А.Н. Ракин подчеркивает, что анатомические названия как один из самых архаических и устойчивых к изменениям компонентов лексической системы используются при решении важных вопросов истории языка и установления родства языков.

В пермистике, как и в финно-угроведении, анатомическая лексика в качестве самостоятельной проблемы еще не рассматривалась, поэтому автор настоящего исследования вводит рабочие обозначения для номинации многих специфических понятий данной отрасли лексики: антропотоминимия - лексика, относящаяся к анатомии человека в целом; сомонимия - совокупность названий для обозначения частей тела; спланхнонимия - лексика, обозначающая внутренние органы; остеонимия - совокупность названий для костей человека; ангионимия - совокупность названий для кровеносной системы; сенсонимия - совокупность названий органов чувств. Автор вводит термин **номинативная единица** для дифференциации полисемии лексем при денотативной классификации анатомических обозначений.

Монография состоит из четырех глав, имеется заключение и краткое резюме на английском языке.

Первая глава посвящена анализу сомонимической лексики, в ней дается общая характеристика пермским сомонимам, собранным из 38 печатных лексикографических пособий, а также выявленным и зафиксированным автором в полевых условиях, привлеченным из текстов коми художественной литературы. Автор подробно прослеживает генезис пермской сомонимической лексики, выделяя допермский, общепермский, раннепрапермский и позднепрапермский периоды развития названий сомонимов, а также пракоми, индивидуально-пермский: индивидуально-удмуртский, индивидуально-коми-зырянский и коми-пермяцкий пласты сомонимов. В этой главе

имеется таблица "Системы праформ сомонимической лексики", где представлены 88 объектов номинации, для обозначения которых служат современные названия, имеющие прауральское, прафинно-угорское, прафинно-пермское и прапермское происхождение.

По примеру авторов КЭСК В.И. Лыткина и Е.С. Гуляева А.Н. Ракин современные пермские сомонимы ретроспективно снабжает реконструированными им общепермскими и допермскими праформами.

В этой же главе автор дает сравнительно-лексикографический анализ рассматриваемой лексики, обращая внимание на непоследовательную орфографию одних и тех же сомонимов в нормативных словарях пермских языков, что является недостатком в лексикографической подаче анатомических названий.

Картотека сомонимов автора позволяет предложить для увеличения словника нормативного словаря не менее 45 обозначений, отсутствующих в Коми-русском словаре (М., 1961): **венӧр** 'промежность', **голя гольган** 'кадык, **дзоля гырддза** 'внутренний локтевой отросток' и др., что имеет большое практическое значение для составления академического словаря коми языка.

Вторая глава посвящена спланхнонимической лексике пермских языков. Этот пласт лексики автор подразделяет на 4 части: 1) названия, относящиеся к системе внутренних органов в целом; 2) названия, являющиеся обозначением пищеварительных органов; 3) названия дыхательных органов; 4) названия мочеполовых органов.

Автор оперирует 829 номинативными единицами пермских спланхнонимов, основная масса которых относится к стилистически нейтральной лексике и имеет прямое или переносное значение. Названия с переносным значением автор больше всего обнаруживает в обозначении половых органов, которые сравниваются с предметами растительного и животного мира, орнитофауны. Напр., половой орган мальчика в пермских языках эвфемически именуют словами: **тусь** 'ягода, зерно', **куз** 'побег хвоща', **дыдiк** 'голубь', **чипан** 'курица', **папа** 'птичка'.

Автором выявлены и ономатопоэтические обозначения спланхнонимов - названий полового органа мальчика: **чильган, чиля** < **чильгыны** 'брызгать, бить струей', **бырган** 'флюгер, вертушка'.

Путем этимологического анализа автор выводит систему праформ пермских спланхнонимов для 49 объектов номинации и приводит параллели из современных языков с реконструированными допермскими и общепермскими формами.

Анализируя коми и удмуртские нормативные словари автор обнаруживает, что не все объекты номинации спланхнонимии находят отражение в словарях. Картотека терминов автора позволяет рекомендовать для увели-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

СЕДОВ ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ - член-корреспондент Российской Академии наук, заведующий Отделом полевых исследований Института археологии РАН.

ШИЛОВ АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ - доктор химических наук, сотрудник Института общей и неорганической химии РАН.

АНДУГАНОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Марийского государственного университета.

РАКИН АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ - кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

АЛХОНИЕМИ АЛХО- доктор философии, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания университета города Турку.

БАРЦЕВА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА - доцент кафедры финно-угорского языкознания Марийского государственного университета.

БЫКОНЯ ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА - доктор филологических наук, профессор Томского государственного педагогического университета.

МАКСИМОВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ - младший научный сотрудник отдела языкознания Марийского НИИ языка, литературы и истории им. В.М.Васильева.

ТИРАСПОЛЬСКИЙ ГЕННАДИЙ ИСААКОВИЧ - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и коми языков Коми государственного педагогического института.

КИМ АЛЕКСАНДРА АРКАДЬЕВНА - кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией народов Сибири Томского государственного педагогического университета.

ГАЛКИН ИВАН СТЕПАНОВИЧ - доктор филологических наук, профессор, почетный профессор Марийского государственного университета.

РУДЕНКО КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ - кандидат исторических наук, археолог Комитета по охране и использованию культурного наследия Республики Татарстан.

ПЛОСКОВ ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ - научный сотрудник отдела этнографии и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

ИГУШЕВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коми и финно-угорского языкознания Сыктывкарского государственного университета.

CONTENTS

ARTICLES

V. Sedov. Balto-Finnic ethnic linguistic community and its differentiation..... 3
A.Shilov. To the question about Proto - Finno - Ugric substrate in toponymy of Karelia..... 17
Y. Anduganov. Reasons of preservation of Proto-Uralic aspect in syntax of Mari and Udmurt..... 30
A. Rakin. Splanchnonymic vocabulary in Permic..... 37

REPORTS

A. Alhoniemi. Peculiarities of using inessive in Mari..... 46
L. Bartseva. To the guestion of phraseological combination on methonymic base in Mari..... 53
V. Bykonja. Formation of collective numerals in Selkup dialects..... 58
V. Maximov. History of government study in Mari..... 64
G. Tiraspolsky. I.A. Kuratov's Linguistic terminology 75
A. Kim. To the reconstruction of the meaning "soul" in Proto-Uralic..... 90
I. Galkin., From history of some Mari words..... 97
N. Chesheyko. Popular medicine in the light of folk names of plants in Karelian..... 105
I. Lehtinen.. Finnish investigators about Maris and Mariland..... 116
E. Rudenko. Metal coppers from Finno-Ugric archaeological memorials of Volga and Ural regions in the V - XIV th centuries..... 122

PERSONS

I. Ploskov. About life and creative work of P.Rasputin, Komi poet and translator of the XIX th century..... 130

REVIEW AND RECENSIONS

T. Yulkina. Rev.: Glukhova N. N. Structure and style of Mari in cantation texts. Yoshkar-Ola, 1996, 112 p..... 136
E. Igushev. Rev.: Rakin A. N. Antroponymical vocabulary in Permic. Syktyvkar. Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Centre of RAS, Uralic Department, 1996, 156 p..... 142
Information about authors..... 146

«Финно-угроведение». 1997. № 2
Научный журнал.
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции:424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, д. 44.
Телефон: 55-37-34

Редактор *Т.А. Товашова*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Ж.М. Сабанцевой*

Компьютерный набор *Х.Н.Полушиной*

Сдано в набор 20.06.97. Подписано в печать 13.08.97. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,25. Заказ 309.Тираж 500 экз.

Марийский полиграфическо-издательский комбинат
424000, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

Издание журнала финансируется Министерством науки и технической политики Российской Федерации, Правительством Республики Марий Эл, Комитетом по делам национальностей Правительства Удмуртской Республики